

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2/2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и монетарного регулирования Финансового
университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некпелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.2.4. Финансы (экономические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 02.05.2023

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.

Печать офсетная. Заказ № 1634-23

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2023

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИНАНСЫ

Андрюшин С.А., Свиридов А.П.

Банк России в 2022 году: основные цели и результаты деятельности,
антикризисные меры и существующие риски 7

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Бухвальд Е.М.

Федеративная реформа: возможен ли новый этап? 34

Волкова Н.Н., Романюк Э.И.

Рейтинг научно-технологического развития субъектов
Российской Федерации 50

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Болдырев О.Ю.

К вопросу о конституционной политической экономии в рамках
институциональной политической экономии 73

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Сидоров А.А.

Доступ на внешние рынки: теоретический подход и факторы 86

Кузавко А.С.

Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические
оценки и практические результаты 108

Нарбут В.В., Шпаковская Е.П.

Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций .. 131

Голубкин А.В., Князев Ю.К.

Торговые связи стран Центрально-Восточной Европы с Россией
на репуте. 149

Жэнь Яньянь, Цай Сылю

Опыт создания региональной трансграничной платформы
электронной коммерции ШОС (на примере Демонстрационной
зоны местного торгово-экономического сотрудничества ШОС) 167

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Соколов А.Б.

Соглашение о защите и поощрении капиталовложений как
инструмент поддержки реализации инвестиционных проектов ... 189

CONTENTS

FINANCE

- Andryushin S.A., Sviridov A.P.**
Bank of Russia in 2022: Performance Results, Expected Risks
and Anti-Crisis Measures 7

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Buchwald E.M.**
Federal Reform: is a New Stage Possible?..... 34
- Volkova N.N., Romanyuk E.I.**
Rating of Scientific and Technological Development of the Subjects
of the Russian Federation 50

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Boldyrev O.Yu.**
On the Issue of Constitutional Political Economy in the Framework
of «Institutional Political Economy» 73

WORLD ECONOMY

- Sidorov A.A.**
Foreign Market Access: Theoretical Approach and Factors..... 86
- Kuzavko A.S.**
Border Regions in Conditions of Integration: Theoretical Estimations
and Practical Results 108
- Narbut V.V., Shpakovskaya E.P.**
Russia's Foreign Trade Trends under Sanctions. 131
- Golubkin A.V., Knyazev Yu.K.**
Trade Relations between the CEE Countries and Russia at a Crossroads ... 149
- Ren Yanyan, Cai Siliu**
Construction of the SCO Regional Cross-Border e-Commerce Platform:
Taking the Practice of the China-SCO Local Economic Cooperation
Demonstration Zone as an Example 167

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

- Sokolov A.B.**
Investment Protection and Promotion Agreement as a Tool to Support
the Implementation of Investment Projects 189

ФИНАНСЫ

С.А. АНДРЮШИН

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

А.П. СВИРИДОВ

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

БАНК РОССИИ В 2022 ГОДУ: ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ РИСКИ

В статье рассмотрены результаты деятельности Банка России в рамках целевых мандатов за 2022 г. Проанализированы риски политики фискального доминирования, финансовой нестабильности и ценовой волатильности. Обосновано, что эти риски сдерживают переход российской экономики и ее финансового сектора к новым формам организации бизнеса в стране. В заключении авторами предложен пакет антикризисных мер, направленных на повышение независимости денежно-кредитной политики Банка России.

Ключевые слова: Банк России, валютный курс, инфляция, кредитный перегрев, просроченная задолженность, процентные ставки, санкции банков, системные риски, финансовая стабильность, финансовые посредники, ценовая стабильность.

УДК: 336.1, 336.2, 336.71

EDN: POGFNK

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_7_33

Для российской экономики в целом и для ее финансового сектора 2022 г. оказался довольно сложным. После введения нового пакета санкций многие деловые связи и бизнес-процессы в российской экономике были нарушены. Российским предприятиям, населению и субъектам финансового сектора было необходимо в срочном порядке начать процесс реформирования и структурной адаптации к новым реалиям, быстро переходить на новые модели бизнеса, создавать новые логистические цепочки и финансовые каналы.

В 2022 г. Банк России совместно с правительством РФ реализовал комплекс антикризисных мер по поддержке российской экономики и ее финансового сектора. Это были экстренные меры, нацеленные на ограничение зависимости финансового сектора от внешних воздействий, на сохранение экономического потенциала страны, обеспечение населения и бизнеса дополнительными ресурсами. Существенную роль сыграли регулятивные льготы и послабления в деятельности финансовых посредников (в первую очередь банков), направленные на поддержку населения и бизнеса.

Данные меры правительства РФ и Банка России позволили во второй половине 2022 г. снизить зависимость российской экономики и ее финансового сектора от внешних воздействий. Однако при этом они сформировали группу системных рисков (фискального доминирования, повышенной финансовой нестабильности и роста ценовой волатильности), сдерживающих быстрый переход отечественной экономики и финансового сектора России к новым формам организации и ведения бизнеса в стране.

В данной статье нами рассмотрены результаты деятельности Банка России за 2022 г., проанализированы его целевые мандаты, связанные с ценовой и финансовой стабильностью, исследована политика фискального доминирования, сдерживающая реализацию финансовой и операционной независимости центрального банка. В заключении предложен пакет антикризисных мер, которые могут позволить повысить и эффективность денежно-кредитной политики, и независимость Банка России, что будет способствовать структурной перестройке всей российской экономики.

Результаты деятельности Банка России в 2022 г.

Всплеск санкционной активности в отношении РФ после февраля 2022 г. со стороны недружественных государств потребовал от Банка России экстренных мер, направленных на сохранение ценовой и обеспечение финансовой стабильности, на предотвращение стремительного спада в российской экономике (по итогам 2022 г. падение ВВП составило 2,1%). В числе этих мер – резкое повышение ключевой ставки (с 9,5 до 20% годовых); приостановка биржевых торгов в связи с резким снижением индексов Московской Биржи на 43,1% и РТС на 39,2% (в частности, на месяц были приостановлены торги и короткие продажи российских акций и облигаций); введение ограничений на трансграничное движение капитала; предоставление дополнительной ликвидности банкам (за счет открытия недельных аукционов РЕПО и аукционов «тонкой настройки», значительного расширения для банков перечня залогового обеспечения); введение целого спектра посла-

блений для банков и других небанковских финансовых организаций (в частности, снижение нормативов обязательных резервов) [6, с. 6, 9].

Вскоре к этому списку, при активном участии правительства РФ, были добавлены меры поддержки граждан и предприятий (в частности, введение шестимесячных кредитных каникул, реструктуризация задолженности заемщиков со стороны банков¹, введение запрета на снижение оценки финансового положения заемщика и качества обслуживания долга), чтобы у них в условиях санкций было достаточно ресурсов для смены прежних бизнес-моделей их деятельности. И наконец, были предприняты шаги по ускорению и расширению антикризисных мер, направленных на снижение уязвимости финансового сектора от внешних воздействий [6, с. 8].

Принятые правительством РФ и Банком России меры позволили быстро остановить девальвацию рубля (если в начале марта обменный курс снизился до 137,85 руб. за доллар США, то к концу года он повысился до 71,97 руб.)², снизить в апреле-сентябре ключевую ставку на 12,5 п. п. (с 20,0 до 7,50%), а годовую инфляцию, после резкого скачка в апреле (до 17,8%), сократить к концу года до 11,9%. Это позволило не только сохранить потенциал кредитования экономики³, но и увеличить его (например, по корпоративным кредитам на 14,3%, а по субъектам МСП – на 30%), а также смягчить меры по контролю за потоками частного капитала с использованием инструментов валютного регулирования и контроля [6, с. 11].

По итогам 2022 г. банковский сектор по-прежнему занимает лидирующую позицию в структуре финансового рынка страны (361 кредитная организация [6, с. 350], 87,2% от общих активов финансового сектора, или 87,9% от ВВП⁴ [6, с. 54]). За год активы банковского сектора увеличились на 12% - до 134,8 трлн руб., а кредитный портфель вырос на 11,3% – до 86,5 трлн руб. Концентрация активов в банковском секторе также росла, о чем свидетельствует доля системно значимых кредитных организаций (СЗКО), которая повысилась на 0,5 п. п. – до 78%. При этом доля топ-5 банков под давлением санкций немного сни-

¹ В 2022 г. банками была проведена реструктуризация кредитов граждан на сумму в 455 млрд руб., а бизнеса – на 11 трлн руб.

² По итогам 2022 г. реальный эффективный курс рубля вырос на 26%.

³ Рост кредитования в основном был связан с финансовой поддержкой системообразующих предприятий, с проектным финансированием жилищного строительства, замещением внешних заимствований и финансированием крупных инвестиционных проектов.

⁴ Здесь и далее данные о ВВП были взяты из официальной отчетности Росстата: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995-2022.xls (дата обращения: 11.04.2023).

зилась (на 0,9 п. п. – до 63%⁵). Чистая прибыль банковского сектора за 2022 г. сократилась примерно в 12 раз – с 2 317 до 199 млрд руб., несмотря на масштабную поддержку как со стороны Банка России, так и правительства РФ [6, с. 54–56, 142–149].

Вторым по значимости сегментом финансового рынка России остались паевые инвестиционные фонды (ПИФ), число которых за год выросло на 10,1% – до 2163 ед. [6, с. 66]. Активы ПИФ увеличились на 8,5% – до 8637,3 млрд руб., в основном за счет закрытых ПИФ (ЗПИФ). Доля сегмента ПИФ в общих активах финансового сектора составила 5,6%. При этом основными активами ПИФ в отчетном году являлись: российские акции (21%), доли в организациях (15,7%) и вложения в недвижимость (16,2%). Концентрация активов топ-20 на рынке ПИФ в течение года снизилась на 1,3 п. п. – до 32,7%, зато выросло количество ПИФ (на 29), контролирующих 80% активов всего рынка этого сегмента, – до 259 ед.⁶

Третье место по доле на финансовом рынке (3,3% от общих активов финансового сектора [6, с. 61–62]) занимали негосударственные пенсионные фонды (НПФ), число которых за год сократилось на 2 – до 39, но активы увеличились на 4,3% – до 5043,8 млрд руб. По данным Банка России, на конец III кв. 2022 г. на долю топ-5 приходилось до 62,9% всех активов НПФ⁷. Влияние санкций на деятельность НПФ было незначительным, так как было заблокировано всего 0,5% совокупных вложений фондов [6, с. 17].

Четвертую позицию на финансовом рынке России занимали субъекты страхового дела (ССД). За год их количество уменьшилось на 7 и по итогам года составило 215 субъектов. Активы увеличились на 6,9% – до 4 596,1 млрд руб., составив 3% от общих активов финансового сектора. На рынке ССД также наблюдался рост концентрации, доля топ-5 выросла до 50,5%⁸. Закрытие рынка перестрахования в недружественных странах увеличило долю АО «Российская Национальная Перестраховочная компания» (РНПК) до 67,9%, но при этом был сни-

⁵ Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации (Интернет-версия) № 244, февраль 2023 г. http://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 11.04.2023).

⁶ Статистические данные к обзору ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов за IV кв. 2022 год. http://www.cbr.ru/analytics/rscl/review_pif_aif/ (дата обращения: 07.04.2023).

⁷ Динамические ряды основных показателей деятельности негосударственных пенсионных фондов за III кв. 2022 год. http://www.cbr.ru/statistics/rscl/npf_stat/#t4 (дата обращения: 11.04.2023).

⁸ Динамические ряды основных показателей деятельности страховщиков за 2022 год. http://www.cbr.ru/statistics/insurance/ssd_stat/#t4 (дата обращения: 11.04.2023).

жен минимальный уровень рейтинга перестраховщиков в дружественных странах для передачи финансовых рисков [6, с. 120].

Пятую позицию на финансовом рынке страны занимали профессиональные участники рынка ценных бумаг (ПУРЦБ), число которые за год выросло на 9,1% – до 515 ед. [6, с. 65]. Их активы за год сократились на 25,6% – до 1240 млрд руб., составив 0,8% от общих активов финансового сектора. Количество компаний, контролирующих 80% активов ПУРЦБ, увеличилось с 9 до 17 участников⁹. Результаты деятельности за год: чистая прибыль сократилась в 2,8 раза – до 8,5 млрд руб.; совокупный объем портфелей клиентов в брокерских компаниях уменьшился на 22,7% – до 14,6 трлн руб.; и на 12,8% – до 80,2 трлн руб. – сократился объем средств на счетах клиентов в депозитариях [6, с. 66].

Шестое место по доле на финансовом рынке занимали микрофинансовые организации (МФО), количество которых в течение года уменьшилось на 8,3% – до 1 162 организаций, при этом более 97% всех МФО – это микрокредитные компании (1 128 ед.) [6, с. 63]. Активы МФО за год увеличились на 2,4% – до 308,1 млрд руб., выдача потребительских микрозаймов выросла на 21% – до 701 млрд руб., а доля просроченной задолженности свыше 90 дней увеличилась на 5,2 п. п. – до 34,8%. Несмотря на это, за счет крупных микрокредитных компаний совокупная прибыль МФО увеличилась на 39% – до 41 млрд руб. [6, с. 64]. На топ-20 МФО приходилось 53,7% всех активов, а на топ-100 – 84,8% активов этого сегмента¹⁰.

Платежная система Банка России занимала доминирующую роль в национальной платежной системе страны. По объему переводов она за год показала рост в 1,7 раза – до 3342,4 трлн руб., а по их количеству – рост в 1,9 раза – до 5 млрд переводов. В течение года выросло количество безналичных переводов на 13,2% – до 79,5 млрд платежей, а их объем – на 32,4%, – до 1592,3 трлн руб., при этом доля безналичных платежей в 2022 г. увеличилась с 73,4% до 78,1%. [6, с. 68]. Уход международных платежных систем, отключение части банков от SWIFT не парализовали проведение финансовых трансакций. Эти платежные операции взяли на себя Национальная система платежных карт (НСПК), Система быстрых платежей (объемы переводов и оплата через СБП за год превысила уровень 2021 г. в 3,5 раза) и Система передачи финансовых сообщений (СПФС), количество сообщений, направ-

⁹ Динамические ряды основных показателей деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг. https://cbr.ru/statistics/rcb/purchb_stat/ (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁰ Статистические данные к обзору ключевых показателей микрофинансовых институтов за IV кв. 2022 года. http://www.cbr.ru/analytics/microfinance/reveiw_mfo/ (дата обращения: 07.04.2023).

ляемых через нее, увеличилось более чем в три раза по сравнению с 2021 г. Главный приоритет СПФС – это выстраивание независимой инфраструктуры, которая может стать удобной и эффективной системой расчетов и платежей с иностранными партнерами [6, с. 12].

В середине 2022 г. Банк России, чтобы не допускать нарастания рисков в финансовой сфере, начал постепенно сворачивать антикризисные меры, а на потребительском и ипотечном сегментах рынка – ужесточать макропруденциальные требования к финансовым посредникам¹¹. Поэтому к концу года российские банки в основном перестали пользоваться регулятивными послаблениями, предоставляли кредитные каникулы только тем клиентам, которые в этом остро нуждались. Для снижения валютных рисков оставались ограничения на операции с валютой и на движение капитала – их необходимый объем определялся задачей не препятствовать оборотам внешнеэкономической деятельности российских компаний [6, с. 7].

Активные антикризисные меры правительства РФ и Банка России сформировали в российской экономике группу системных рисков, которые в среднесрочной перспективе могут сдерживать быстрый переход субъектов финансового рынка, населения и предприятий к новым моделям организации и ведения бизнеса в стране. И эти риски включают в себя, во-первых, риски фискального доминирования, которые активно стали формироваться в российской экономике в 2020–2022 гг. под влиянием масштабных шоков предложения. Во-вторых, риски повышенной финансовой нестабильности, которые не отслеживаются правилами режимов денежно-кредитной политики, что находит отражение в принятии центральным банком ошибочных монетарных решений. В-третьих, риски роста ценовой волатильности, сдерживающие структурную трансформацию российской экономики в условиях роста внешних шоков предложения.

Риски фискального доминирования

В 2020 г. (период начала пандемии) денежно-кредитная политика во всем мире оставалась относительно мягкой. Среднемировые темпы роста инфляции в 2020 г. составляли 1,9% [23]. Поэтому в этот период фискальная политика суверенных государств в целом оставалась экспансионистской, особенно по мере того, как правительства вводили субсидии и предоставляли трансферты для защиты населения сначала от пандемии, а затем от более высоких цен на энергоносители и продукты питания. Но начиная с 2021 г. денежно-кредитная политика

¹¹ Например, темпы роста необеспеченных потребительских кредитов существенно замедлились – с 20,1% в 2021 г. до 2,7% в 2022 г.

во всем мире стала резко ужесточаться в ответ на всплеск инфляции, среднемировые темпы которой начали быстро расти. Например, по итогам декабря 2022 г. годовая инфляция в США составила 6,5%, в ЕС – 9,2% и Великобритании – 10,5%.

В условиях роста инфляции в 2021–2022 гг. практически все центральные банки в рамках своих целевых мандатов вынуждены были перейти к жесткой денежно-кредитной политике, повышая в первую очередь свои базовые (ключевые) процентные ставки. Так, например, в декабре 2022 г. ФРС США повысила ставку до 4,25–4,50%, ЕЦБ – до 2,50%, а Банк Англии – до 3,50%¹². Одновременно правительства всех стран продолжали оказывать фискальную поддержку и предоставлять субсидии бизнесу и населению, чтобы смягчить воздействие более высоких цен на энергоносители и продукты питания. В результате во многих странах стали быстро расти бюджетный дефицит, государственный и корпоративный долг, которые в совокупности способны привести к фискальному доминированию в денежно-кредитной политике, а это, в свою очередь, грозит потерей финансовой и операционной независимости центральных банков, особенно в странах с формирующимися рынками, таких как Россия.

Такое явление, как «фискальное доминирование», способное ограничить финансовую и операционную независимость центральных банков, появилось сравнительно недавно (ранее если оно и наблюдалось, то было исключительным событием). В то же время экономисты и политики после краха в США и Великобритании монетарного эксперимента в конце 70-х – начала 80-х годов прошлого века пришли к единому мнению о необходимости сохранения независимости центральных банков. Этот консенсус был основан не только на теории, но и на практическом опыте. Ценовая стабильность, как основной результат деятельности центрального банка, может быть достигнута только при независимой денежно-кредитной политике, то есть без какого-либо фискального давления со стороны правительства на центральный банк. Принцип, согласно которому центральные банки не должны позволять фискальным потребностям доминировать в денежно-кредитной политике, всегда отстаивался и сохранялся в монетарной сфере вплоть до 2020 г. Но в нынешних условиях, характеризующихся высокой инфляцией и замедлением деловой активности, а также стремительным ростом государственного долга и раздутых балансов центральных банков, придерживаться принципа независимости центрального банка стало невозможно. Ведущие

¹² В феврале–марте 2023 г. ключевые процентные ставки ведущих центральных банков были в очередной раз повышены: ФРС США – до 4,75–5,0%, ЕЦБ – до 3,5% и Великобритании – до 4,25%.

центральные банки, такие как ФРС США, Банк Англии, ЕЦБ, Банк Японии, Швейцарский национальный банк, позволили фискальным органам доминировать над их финансовой и операционной независимостью.

Политика фискального доминирования связана с двумя видами рисков, снижающих независимость денежно-кредитной политики центрального банка. Во-первых, в виде злоупотреблений в реализации денежно-кредитной политики, когда центральный банк под давлением правительства принимает навязанные ему операционные решения с целью оздоровления государственных финансов. Во-вторых, в виде реализации уже самим центральным банком ошибочной денежно-кредитной политики. В этом случае центральный банк, находясь под давлением различных факторов макроэкономической неопределенности и не до конца разобравшись с кризисной ситуацией, осознанно проводит ошибочную денежно-кредитную политику [25].

В России политика фискального доминирования, как и в других странах, стала активно проводиться правительством страны в период острой фазы пандемии (2020–2021 гг.) и именно тогда, когда Банк России был убежден, что он уже практически решил проблему инфляции (так, по итогам 2019 г. она находилась на уровне 3,0%, 2020 г. – 4,9%), которая, по расчетам регулятора, обязана находиться в границах назначенного целевого показателя (4,0%). В этот момент Банк России не видел большой угрозы для ценовой стабильности в результате прямого финансирования бюджетных расходов правительства.

При этом Банк России не насторожил факт перехода бюджетной системы страны от профицита к дефициту. Так, профицит бюджетной системы страны в 2019 г. оценивался в размере 1,9% ВВП. Но следующий год бюджетная система закончила с дефицитом в размере 4,0% ВВП. Более того, в 2020 г. для предотвращения возможного кредитного сжатия в экономике Банк России ввел для банков временные регулятивные послабления, что позволило высвободить для кредитования более 1 трлн руб. накопленного банками капитала. И если добавить к этому еще 1 713,5 млрд руб., полученных в ходе реструктуризации кредитов физических лиц и кредитов субъектам МСП, то прирост требований банковского сектора к экономике в 2020 г. составил 13,1%, что позволило нарастить объем денежного агрегата М2 на 13,5% (для сравнения, в 2019 г. – на 9,7%) [4, с. 13–16, 28].

В 2021 г. политика фискального доминирования продолжилась, но при этом инфляция за отчетный год выросла почти в два раза – до 8,4%. Это вызвало обеспокоенность, и для сдерживания инфляции Банк России, как и другие национальные центральные банки, повысил ключевую ставку: с марта по декабрь 2021 г. она повышалась семь

раз – с 4,25% до 8,50%. В то же время из-за роста инфляционных ожиданий денежно-кредитные условия продолжали оставаться мягкими, сохраняя в экономике высокую кредитную активность. Например, по итогам года ипотечный портфель банков вырос более чем на 30%, а темпы прироста необеспеченных потребительских ссуд составили 20,1%. Более того, в течение года Банк России неоднократно продлевал реструктуризации кредитов граждан и субъектов МСП, в середине года был распущен макропруденциальный буфер капитала на сумму 124 млрд руб., а в октябре запущен специализированный механизм рефинансирования субъектов МСП с лимитом 60 млрд руб. Это вновь привело к росту требований банков к экономике по итогам года, но уже на 13,9% [5, с. 12–15].

В результате проведения в 2020–2022 гг. политики фискального доминирования доверие к Банку России как к фундаменту денежно-кредитной политики стало неуклонно падать. В такой ситуации его финансовая и операционная независимость многими была поставлена под сомнение [17] в связи с тем, что на первый план вышла фискальная политика правительства, которая стала доминировать над денежно-кредитной политикой, реформируя ее в чисто экспансионистскую. В такой ситуации правительство страны может попросить свой центральный банк или СЗКО (как правило, это государственные банки) купить облигации (ОФЗ) министерства финансов, увеличив тем самым государственный долг страны¹³. По сути, это означает печатание денег центральным банком для финансирования государственных расходов (покрытия дефицита бюджета) [25].

Рассмотрим риск злоупотреблений в денежно-кредитной политике со стороны уже самого центрального банка. Этот риск может существовать в двух формах: в форме прямого и косвенного рефинансирования. При прямой форме рефинансирования правительство может попросить центральный банк купить государственные облигации министерства финансов. Так, например, в 2022 г. задолженность правительства РФ перед Банком России по государственным ценным бумагам выросла в 1,8 раза – с 246 млрд руб. на 01.01.2022 г. до 450 млрд руб. на 01.01.2023 г. Или правительство может настоять на прямом финансировании центральным банком бюджетных расходов. В годовом балансе Банка России за 31 декабря 2022 г. – это долговые обязательства (ОФЗ) правительства РФ, удерживаемые на балансе до пога-

¹³ По данным Минфина России, объем федерального внутреннего долга на 01.01.2023 г. составил 18 781 млрд руб. (12,4% ВВП), увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 13,9%. При этом большая часть (96,3%) федерального внутреннего долга приходилась на государственные ценные бумаги (18 079 млрд руб.), расходы на обслуживание которого за 2022 г. увеличились на 22,7% [6, с. 37].

шения в 2044 г., которые на отчетную дату составляли более 212,8 млрд руб. [6, с. 19, 309]. Но, как известно из истории, прямое использование денег центрального банка для финансирования одной бюджетной цели не отменяет их использование и для других фискальных целей. В конце концов страдает денежно-кредитная политика, которая не может сосредоточиться на реализации основной цели своей деятельности – на обеспечении ценовой стабильности.

Косвенная форма финансирования правительства предполагает, что от центрального банка могут потребовать не повышать процентные ставки или не продавать ранее приобретенные активы (государственные или корпоративные) в значительном объеме, как это необходимо для борьбы с инфляцией. Но такая денежно-кредитная политика может в дальнейшем привести к еще более высокой, чем ожидалось, инфляции, а значит способствовать дальнейшему росту как государственного, так и корпоративного долга¹⁴. Так, например, в 2022 г. с целью финансирования дефицита федерального бюджета использовались средства ФНБ (на сумму 2 975 млрд руб.) и внутренние заимствования (на сумму 3 281,3 млрд руб.). Причем внутренние заимствования были размещены Минфином России на первичном рынке, превысив прошлогодний уровень размещения на 24,46%. В результате доходность ОФЗ (индекс Cbonds-GBI) повысилась за год на 120 базисных пунктов, до 9,61% годовых, став одним из факторов роста инфляции в стране. При этом чистые доходы Банка России от операций с ценными бумагами, иностранной валютой и драгоценными металлами в 2022 г. были нулевыми, в то время как расходы по этим же позициям превысили 670,8 млрд руб. Это свидетельствует о том, что Банк России взял на себя затраты федерального правительства, связанные с вышеперечисленными операциями. Результатом стал рост убытков Банка России в 2022 г. по сравнению с прошлогодним, более чем в 27,4 раза – с 26,3 млрд руб. до 721,7 млрд руб. [6, с. 50, 294].

Но наибольший риск потери независимости центрального банка возникает в результате реализации ошибочной денежно-кредитной политики со стороны регулятора. Этот риск возникает внутри самого центрального банка, и его гораздо труднее обнаружить. Он связан с макроэкономической неопределенностью, которая, как правило, бывает обусловлена внешними факторами, когда трудно становится определить равновесную реальную процентную ставку, оценить разрыв выпуска, отразить структурные изменения в эконометрических моделях, рассчитать реальное влияние немонетарных факторов на

¹⁴ В условиях значительного государственного долга правительство может попросить отсрочить или ограничить повышение процентных ставок с целью снижения расходов правительства по обслуживанию государственного долга.

годовую инфляцию. Более того, в условиях беспрецедентных санкций склонность к слегка экспансионистской денежно-кредитной политике может быть результатом политического давления, поскольку неопределенность может оправдать решения, которые будут исходить от фискальных органов власти. Поэтому неудивительно, что в 2022 г. в условиях политики фискального доминирования произошло более сильное абсолютное отклонение ставки RUONIA от ключевой ставки, составившее 31 базисный пункт (колебания находились в интервале от -95 до 121 базисных пунктов), что на 11 базисных пунктов больше данного показателя за 2021 г. [6, с. 85].

В результате ограниченности информации и неполноты знаний в части ненаблюдаемых переменных (объемов потенциального выпуска, величины равновесной процентной ставки и инфляционных ожиданий) центральный банк может предложить ошибочные модельные сценарии на основании своего макроэкономического прогноза. В частности, он может заявить о том, что экономике в условиях макроэкономической неопределенности необходима более экспансионистская денежно-кредитная политика, обосновывая свое решение желанием избежать фискального давления со стороны правительства в краткосрочной перспективе¹⁵. Но реальная финансовая практика может отреагировать иначе. Так, например, если фискальная поддержка правительства увеличивает потребности экономики в дополнительной ликвидности, а жесткая денежно-кредитная политика центрального банка повысит стоимость обслуживания долга, то субъекты экономики могут просто провести переоценку фискальной устойчивости своих активов – запросить более высокие премии за риск или сократить свои вложения в государственных облигациях.

На фоне роста макроэкономической неопределенности всегда трудно оценить, в какой степени инфляция является устойчивой, а в какой – временной (определяемой разовыми событиями: неурожаем, перебоями в поставках товаров, ограничениями или запретом на ввоз продуктов питания по санитарным причинам, эпизодами ажиотажного спроса и так далее). Кроме того, денежная экспансия и фискальные стимулы, имевшие место в прошлом, всегда разгоняющие инфляцию с определенным лагом, могут привести к недооценке текущей инфляции¹⁶. В результате центральный банк станет меньше

¹⁵ Эта тенденция, по-видимому, влияет не только на лиц, принимающих решения, но и на исследования центрального банка по вопросам эффективности монетарной политики [21].

¹⁶ Например, изменение ключевой ставки в полной мере влияет на динамику спроса и цен не сразу, а с временным лагом. По оценкам Банка России, для этого требуется три–шесть кварталов. Это означает, что Банк России на горизонте 1–1,5 года может обеспечить возвращение инфляции к цели в случае ее отклонения. См.: [11, с. 14].

реагировать на временный рост инфляции, а значит не спешить уже сточать денежно-кредитную политику, чтобы избежать риска экономической рецессии, делая тем самым фискальное доминирование правительства над денежно-кредитной политикой практически неизбежным¹⁷.

Банк России в условиях роста макроэкономической нестабильности может держать необоснованно заниженную ключевую процентную ставку (например, по итогам заседания Совета директоров Банка России 10 февраля и 17 марта 2023 г. было принято решение сохранить ключевую ставку на уровне 7,50% годовых), которая провоцирует дальнейший рост кредитования и повышает риски краткосрочной ликвидности в условиях стимулирования внутреннего спроса. Все это неизбежно будет способствовать кредитному перегреву, росту «плохих долгов» на балансах банков, для компенсации которых заемщики станут увеличивать цены на свою продукцию. Тем самым будут поддержаны высокие темпы инфляции, что приведет к снижению уровня благосостояния населения и к стремительному расходованию накопленных обществом средств из государственных фондов. Так, например, в Федеральном бюджете на 2023–2025 гг. запланировано сокращение средств ФНБ в 2,3 раза – с 13,6 на начало 2022 г. до 5,9 трлн руб. (3,5% ВВП) на начало 2025 г.¹⁸

Риски финансовой нестабильности

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. опроверг доминировавшее в финансовой теории представление о том, что обеспечение стабильности цен всегда гарантирует стабильность финансовой системы. Это представление возникло в период так называемой «Великой умеренности» (в 1990–2000-х годах), когда темпы инфляции по индексу потребительских цен были очень низкими. В условиях низкой инфляции центральные банки всегда предпочитали политику низких процентных ставок, которая и становилась триггером нестабильного развития мировой финансовой системы в результате чрезмерной кредитной активности, использования большого финансового рычага

¹⁷ Например, 27 сентября 2022 г. рост денежной массы в национальном определении в 2022 г. в рамках Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов планировался на уровне 12–17%, а через месяц, в рамках уже Среднесрочного прогноза Банка России от 28 октября 2022 г., – 23–26%. Как видно, отклонение прироста денежной массы в национальном определении очень существенное (9–11 п. п., и всего за один месяц!) [14].

¹⁸ Федеральный закон от 05.12.2022 N 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433298/ (дата обращения: 11.04.2023).

(левереджа), развития рискованных стратегий в бизнесе и быстрого роста цен на финансовые активы. Затем, с целью снижения перегрева финансового рынка, центральные банки начинали резко повышать свои процентные ставки, что приводило к финансовому кризису и каскадному банкротству банковских и небанковских финансовых посредников. Так, например, было с крупнейшим американским инвестиционным банком Lehman Brothers Holdings, акции которого за один день, 15 сентября 2008 г., в результате обвала ипотечного рынка в США упали более чем на 90%, вызвав стремительное банкротство инвестиционного банка, ставшее основным триггером глобального финансового кризиса.

Возникает вопрос: насколько финансовая и ценовая стабильности, как базовые цели денежно-кредитной политики центрального банка, совместимы между собой? не существует ли между этими целями неразрешимого противоречия, влияющего на финансовую и операционную независимость центрального банка? На наш взгляд, такое противоречие существует и оно связано с временным горизонтом, в рамках которого эти целевые установки воздействуют на экономические процессы. И если денежно-кредитная политика ориентирована на кратко- и среднесрочную перспективу (временной горизонт прогнозов охватывает период в 2–3 года), то политика финансовой стабильности имеет долгосрочный характер, непосредственно связанный со стабильностью как финансовых организаций, так и финансового рынка в целом. Поэтому если политика финансовой стабильности Банка России будет сводиться только к антикризисным мерам, т. е. будет рассчитана на краткосрочную перспективу, то она не сможет минимизировать процесс формирования системных рисков, возникающих в финансовой системе, а это может негативно повлиять на операционную и финансовую независимость центрального банка.

Мировая практика свидетельствует, что потеря операционной и финансовой независимости центрального банка обязательно связана с кредитным перегревом экономики, уровень которого, по оценкам Банка международных расчетов, определяется отношением вновь выданных кредитов в течение года к номинальному ВВП страны. Если это отношение, установленное эмпирическим путем, превышает 10%¹⁹, то в экономике обязательно возникнет кредитный бум, который, как правило, заканчивается кредитным перегревом, ростом «плохих долгов» на балансах банков и самим банкротством банков [15; 19; 26; 29]. На 1 января 2023 г. значение этого параметра (кредитного бума) в российской экономике составило 17,7% ВВП, превысив контрольную

¹⁹ Экспертами МВФ было проанализировано 175 кредитных бумов, произошедших в 170 странах за период 1960–2010 г. [20].

цифру в 10%²⁰. В основном кредитный бум в российской экономике к этому времени был достигнут за счет роста корпоративного кредитования (на 14,3%), кредитования субъектов МСП (30%) и ипотечного кредитования (20,4%) [6, с. 54–56]. Это значит, что российскую экономику в среднесрочной перспективе, скорее всего, ожидает или банковский кризис, или очень низкая (с периодом до 6 лет) экономическая активность без кредитования [20, р. 11].

Однако Банк России в этой кредитной динамике не видит никаких причин для беспокойства. Более того, он не считает, что денежно-кредитная политика перегружена задачами политики обеспечения финансовой стабильности. И хотя *де-юре* Банк России придерживается подхода раздельного целеполагания между ценовой и финансовой стабильностью, но *де-факто* такого разделения не наблюдается. Монетарный инструментарий Банка России не в состоянии учитывать межрыночные и трансграничные разрывы, дисбалансы и риски, формирующиеся в финансовой системе. Но Банк России уверен, что он располагает достаточным инструментарием (в рамках макропруденциальной политики, микропруденциального регулирования, поведенческого надзора, мероприятий финансового оздоровления), чтобы обеспечить и сохранить стабильность финансовой системы страны [6, с. 6]. Однако, как мы уже показали выше, стабильность финансовой системы (в первую очередь банковского сектора) в 2022 г. достигалась за счет краткосрочной политики фискального доминирования, масштабных послаблений и реструктуризации кредитов заемщиков с высокой долговой нагрузкой и заемными средствами, выданными на длительные сроки²¹.

По расчетам Банка России, в случае «набега» вкладчиков на банки общий объем рублевых ликвидных активов (денежных средств на корреспондентских счетах и в кассах банков, требований к Банку России и не заложенное на балансах банках рыночное обеспечение), располагаемых российскими банками на начало 2023 г., позволяет покрыть только 26% всех клиентских средств в рублях, в том числе 58% средств физических лиц [6, с. 119]. Но в условиях возникновения подавленной

²⁰ В 2022 г. при номинальном ВВП (153,435 трлн руб.) годовой прирост банковского кредитования был обеспечен ростом портфеля корпоративных кредитов (7,2 трлн руб.), количеством реструктурированных кредитов бизнесу (13,4 трлн руб.), лимитами антикризисных программ кредитования МСП (0,675 трлн руб.), ростом портфеля кредитов МСП (2,2 трлн руб.), ростом портфеля ипотечных кредитов (2,4 трлн руб.), количеством реструктурированных кредитов граждан (0,455 трлн руб.) и роспуском макропруденциального буфера капитала (провизий) (0,9 трлн руб.).

²¹ При этом Банку России удалось немного снизить долю проблемных кредитов в корпоративном портфеле – с 7,6 до 6,5%, увеличив при этом долю проблемных кредитов на рынке потребительского кредитования с 7,4 до 8,4% [6, с. 117].

экономической активности, последующей за кредитным бумом, общий объем рублевых ликвидных активов на балансах банков для покрытия требований со стороны клиентов коммерческих банков может резко сократиться. И тогда рублевых ликвидных активов для покрытия требований со стороны вкладчиков может оказаться недостаточно. Это потребует оперативных мер со стороны государственной корпорации «Агентство страхования вкладов» (АСВ), Банка России и Федерального казначейства, что приведет к всплеску инфляции и росту процентных ставок, а это, несомненно, гарантирует дальнейшее снижение деловой активности и совокупного спроса в российской экономике.

Более того, в условиях низкой экономической активности ухудшится финансовое положение предприятий-заемщиков, что приведет к росту «плохих долгов» на балансах банков, а значит от банков потребуются экстренное наращивание провизий (на возможные потери по ссудам) и собственного капитала. В настоящее время совокупный показатель достаточности собственных средств (капитала) банковского сектора России находится на уровне 12,7% (для сравнения, на 1 апреля 2012 г. он равнялся 14,7%). Но учитывая то, что российский банковский сектор имеет очень высокую долю (более 90%) активов, взвешенных по уровню риска (RWA)²², российские банки вынуждены поддерживать у себя существенно более высокую капитальную базу, а также убирать со своих балансов просроченную задолженность, чтобы выполнить требования регулятора в процессе кредитования. Поэтому российские банки вынуждены на постоянной основе продавать коллекторам права требования по кредиторской задолженности заемщиков, чтобы не создавать дополнительные провизии, не повышать уровень резервирования непросроченной кредиторской задолженности и при высоком RWA выполнить все требования Банка России как по достаточности капитала, так и по всем нормативам ликвидности. В противном случае они могут потерять банковскую лицензию.

Однако стремительный рост «плохих долгов» на балансах российских банков в условиях роста кредитного перегрева будет все же неизбежен, особенно в период все возрастающего воздействия западных санкций. Именно просроченная задолженность по кредитам и займам, введение кредитных каникул, отсрочка платежей, реструктуризация задолженности, различные программы льготного и необеспеченного кредитования могут стать очень серьезной проблемой для российской экономики. С этой «болезнью» банковского сектора в настоящее время активно борются все страны. Но если в ведущих странах проблемы «плохих долгов» в основном решаются в форме программ количествен-

²² Для сравнения, в Греции RWA находится на уровне 72%, Португалии – 59%, Италии – 44%, Германии и Великобритании – 33%.

ных и кредитных послаблений, то есть в форме передачи этих долгов на балансы центральных банков в обмен на их дополнительно созданные для этих целей резервы (эмиссию) [1, с. 332–355], то в России все иначе – передача «плохих долгов» осуществляется в других формах: во-первых, в форме передачи (продажи) этих долгов созданному в середине 2017 г. Фонду консолидации банковского сектора (ФКБС) и, во-вторых, в форме бюджетной рекапитализации капиталов банков, накопивших на своих балансах значительные объемы неработающих кредитов.

Все перечисленные формы передачи «плохих долгов» (существующие в России и в других странах) оказались неэффективными, так как в конечном счете центральные банки через рост цен и процентные ставки перекалывают бремя просроченной задолженности на всех добросовестных налогоплательщиков, а также через процесс огосударствления частных банков, способствуя дальнейшему снижению уровня справедливой конкуренции на рынке финансового посредничества. Например, в 2022 г. собственником АО «МИнБанк», при содействии Банка России и АСВ стало правительство РФ, которое приобрело этот частный банк всего за 1 рубль. Одновременно Банк России сохраняет участие в капитале ПАО «Промсвязьбанк» и Банка непрофильных активов (БНА). При этом все меры регулятора по предупреждению банкротства кредитных организаций в основном сводятся к работе по взысканию в судебном порядке убытков с лиц, контролировавших кредитные организации, в отношении которых осуществляются правовые действия по предупреждению банкротства (например, ПАО «БИНБАНК», ПАО «Промсвязьбанк», Банк «ТРАСТ» (ПАО), АО «РОСТ БАНК», АО Банк АВБ, «Азиатско-Тихоокеанский Банк» (АО), АО «МИнБанк» и АО «ВОКБАНК») [6, с. 187–188].

В настоящее время наиболее приемлемым подходом купирования «плохих долгов» на балансах банков, в том числе обусловленных огромными бюджетными расходами, стал механизм bail-in, в рамках которого операционные убытки коммерческих банков в результате реализации ошибочных бизнес-стратегий должны разделять не все налогоплательщики страны, а только менеджмент банка и те вкладчики и инвесторы, которые вложили в него свои средства [3]. В 2011 г. этот механизм впервые был заявлен Советом по финансовой стабильности (FSB) как наиболее эффективный режим санации банков [22]. Через четыре года, в 2015 г., этот механизм санации поддержала директива ЕС Bank Recovery and Resolution Directive (BRRD), провозгласившая, что все средства вкладчиков крупнейших банков могут быть принудительно конвертированы без их согласия в капитал (акции) saniруемого банка²³.

²³ Bank Recovery and Resolution Directive. <https://www.eba.europa.eu/regulation-and-policy/single-rulebook/interactive-single-rulebook/100713> (дата обращения: 14.04.2023).

Стандарт bail-in – это законодательно закрепленное право центрального банка реструктурировать обязательства и капитал санлируемого банка за счет конвертации и/или списания незастрахованного «плохого долга» за счет кредиторов (вкладчиков и инвесторов) с целью восстановления капитала банка до уровня, отвечающего всем требованиям, предъявляемым к банкам со стороны стандартов Банка международных расчетов (BIS). При этом застрахованные депозиты, обеспеченные обязательства (ценные бумаги и кредиты) и соглашения об обратном выкупе исключаются из принудительной конвертации в капитал банка. Предполагается, что пополнение капитала санлируемого банка будет происходить с открытого ему условного счета TLAC (Total Loss-Absorbing Capacity), на котором должны будут аккумулироваться средства на покрытие совокупных убытков банка (исходя из заранее установленной очередности списаний) и его дополнительной капитализации (через инъекцию капитала от новых акционеров) [33, p. 4].

В перечень средств на условном счете TLAC должно входить достаточное количество инструментов, списание или конвертация которых в собственный капитал банка не несет ущерба ни санлируемому банку, ни банковской системе и связанных с ней рынков. При этом инструменты, аккумулируемые на условном счете, согласно оценкам экспертов Совета по финансовой стабильности (FSB) и Базельского комитета по банковскому надзору (BCBS), должны определяться, исходя из двух рекомендуемых нормативов: TLAC RWA Minimum и TLAC LRE Minimum [28, p. 9–22]. Первый из них соотносит объем средств, аккумулируемых на условном счете, с банковскими активами, взвешенными по уровню риска (RWA). Начиная с 2022 г. TLAC RWA Minimum должен составлять 18% для санлируемого банка и еще дополнительно 6,75% – для глобального системно значимого банка (G-SII), функционирующих в рамках ЕС. При этом аффилированные финансовые организации, работающие с G-SII третьих стран, должны владеть не менее 90% требуемого счета TLAC [32]. Второй норматив нацелен на обеспечение необходимого уровня ликвидности санлируемого банка, минимальное значение которого, начиная с 2022 г., должно быть не меньше 8% [27].

С учетом вышеизложенного политику обеспечения финансовой стабильности Банку России необходимо передать в созданную для этих целей независимую некоммерческую саморегулируемую организацию, которая в своей регулятивной деятельности будет осуществлять купирование рисков финансовой нестабильности не в существующих формах ФКБС и/или бюджетной рекапитализации, а в форме механизма bail-in. Именно в рамках этой формы будут ликвидироваться операционные убытки санлируемых банков, которые возникли

в результате реализации ошибочных бизнес-стратегий и которые в принудительном порядке будут покрываться не добросовестными налогоплательщиками (через дополнительную ликвидность Банка России и/или АСВ²⁴, как это происходит сейчас), а исключительно менеджментом санлируемого банка, его вкладчиками и инвесторами, вошедшими в капитал банка своими незастрахованными депозитами, необеспеченными облигациями и прочим непокрытым долгом (межбанковскими депозитами, платежами, клирингом и обязательствами по торговому финансированию).

Риски роста ценовой волатильности

Низкая инфляция, которая, начиная с 2015 г., всегда должна находиться «вблизи 4% постоянно», является основной целью денежно-кредитной политики Банка России. Но в условиях возникновения внешнеэкономических шоков предложения низкая инфляция сегодня сдерживает возможности проведения структурных преобразований. Российской экономике необходим новый формат цели по инфляции, и он должен подготовить хозяйствующих субъектов к возможным рискам роста волатильности ценовой динамики. Выбор оптимального для российской экономики нового формата цели по инфляции – это стратегическая задача для современной денежно-кредитной политики Банка России, поскольку в рамках действующего режима таргетирования инфляции уловить и снизить риски макроэкономической нестабильности, вызванные внешними и внутренними шоками денежного предложения, а также смягчением регулятивных требований к банкам и их заемщикам, становится практически невозможно.

Понятие формата цели по инфляции должно включать в себя:

- выбор целевого индекса инфляции, его числового значения и методики расчета, которые центральный банк намерен отслеживать на постоянной основе;
- установление временного горизонта таргетирования целевого индикатора (в виде точки или диапазона значений);
- определение горизонта макроэкономического прогнозирования и его корректировки с учетом подверженности национальной экономики различным внешним и внутренним шокам [8, с. 70];

²⁴ Например, на начало 2023 г. отношение страховой ответственности АСВ к объему всех застрахованных вкладов по вкладам физических лиц составляло 61,05%, а по вкладам юридических лиц – 17,31% [7, с. 197].

- мониторинг отклонений текущей инфляции от целевого индекса инфляции в зависимости от влияния монетарных и/или немонетарных факторов инфляции²⁵;
- установление взаимосвязи между диапазоном допустимого разрыва текущей и целевой инфляции и фиксированным уровнем ключевой процентной ставки Банка России;
- определение степени влияния экспортных и импортных цен на допустимые колебания номинального обменного курса рубля в условиях действия нового формата цели по инфляции.

Новый формат цели по инфляции, связанный со структурной трансформацией российской экономики, может позволить Банку России:

- во-первых, иметь повышенное значение инфляционного таргета для российской экономики и/или более гибко использовать индекс цен. Это даст возможность центральному банку в условиях переформатирования российской экономики таргетировать устойчиво растущий уровень цен, а не темп инфляции, отражающий сейчас изменение во времени стоимости потребительской корзины (набора продовольственных, непродовольственных товаров и услуг, потребляемых средним домохозяйством);
- во-вторых, расширить диапазон горизонта таргетирования целевого индекса инфляции с точечного значения 4% до коридора от 6 до 8%, что даст возможность лучше приспособить операционный инструментарий денежно-кредитной политики Банка России к внешним и внутренним негативным шокам предложения;
- в-третьих, наиболее полно задействовать в динамике цен использование тех или иных немонетарных факторов инфляции, способных приводить к временному отклонению текущей инфляции от цели. Это позволит, особенно в период сильных шоков, больше реагировать на разрыв выпуска (в сторону его увеличения), чем на инфляционный разрыв, а также осуществлять менее агрессивную процентную политику на денежном рынке по отношению к хозяйствующим субъектам экономики;
- в-четвертых, для российской экономики, подверженной негативному влиянию внешних факторов, важно минимизировать колебания номинального обменного курса рубля за счет исклю-

²⁵ В эту группу входят внешнеэкономические условия, структурные факторы (состояние основных фондов, предложение и качественные параметры рабочей силы, технологический уровень производства, транспортная, логистическая инфраструктура, уровень концентрации рынков), нормативно-правовая среда, фискальная политика, факторы со стороны предложения товаров и услуг. Часть этих факторов оказывает продолжительное влияние на долгосрочную динамику издержек, часть – в большей мере влияет на ценовую волатильность, т. е. относительно кратковременные колебания инфляции вокруг тренда [9, с. 6].

чения из формата цели по инфляции так называемую импортируемую инфляцию²⁶ (например, связанную с шоками нефтяных цен), позволяя Банку России воздействовать на цены отечественных производителей, не влияющих на колебания номинального обменного курса рубля [16].

В настоящее время деньги Банка России (резервы на счетах коммерческих банков в центральном банке) превратились в автономный фактор денежного предложения и используются банками для взаимных расчетов в платежной системе Банка России, а ключевая ставка – в процентную ставку по этим резервам. Поэтому в условиях действующего режима таргетирования инфляции и существующей практики управления банковской ликвидностью транслировать ставку Банка России по резервам на другие ставки в экономике невозможно, поскольку резервы центрального банка и деньги, создаваемые при кредитных операциях коммерческими банками, не взаимозаменяемы (не смешиваются). Это не позволяет Банку России эффективно реагировать на внезапно возникающие шоки предложения, порождающие кризис ликвидности на денежном рынке межбанковского кредитования (МБК), так как Банк России практически не присутствует на денежном рынке в сегменте овернайт.

Операционным инструментом Банка России в настоящее время выступает процентная ставка RUONIA – ставка овернайт необеспеченного сегмента денежного рынка МБК. Именно эта ставка, по мнению Банка России, может быть наилучшим образом привязана к структурной перестройке экономики, к потребительскому и промышленному кредитованию, разрешению противоречия между ценовой стабильностью и экономическим ростом [18]. С этой оценкой можно согласиться, так как, например, в 2022 г. ставка RUONIA обслуживала наибольшее количество сделок на рынке МБК (более 80% среднедневного оборота). Поэтому ставка RUONIA, выполняя функцию первого звена трансмиссионного механизма, способна передать процентный сигнал на всю трансфертную кривую, а затем и на ставки по банковским продуктам и услугам. Но в то же время наличие в денежно-кредитной политике рисков фискального доминирования и финансовой нестабильности

²⁶ О возможном росте импортируемой инфляции может свидетельствовать отрицательная динамика текущего счета платежного баланса России. Так, например, в I кв. 2023 г. сократился профицит счета текущих операций на 19 млрд долл. США; это сокращение было достигнуто за счет сжатия положительного сальдо торгового баланса. Стоимостной объем экспорта товаров снизился на 35% против I кв. 2022 г., а стоимостной объем импорта товаров наоборот вырос на 11% по отношению к I кв. 2022 г. При этом рост импорта товаров в основном обеспечивался за счет механизма параллельного импорта (ввоза в страну товаров и их продажи без разрешения их правообладателя) [12, с. 1–2].

способно предъявлять дополнительные требования к операционной процедуре Банка России, которые способны снизить эффективность действующего механизма управления ставками денежного рынка.

В текущих условиях также целесообразно модернизировать существующие прогнозные модели (квартальную прогнозную модель и DSGE-модели) Банка России, которые используются для среднесрочного прогнозирования, для анализа и выработки рекомендаций по денежно-кредитной политике, а также для проведения сценарного анализа и разработки стресс-тестов [10; 13]. Банку России необходимо внести ряд дополнений в каркас своих прогнозных моделей, а именно показатели денежной и товарной массы. Необходимо включить в него систему уравнений, описывающую кривую LM (Liquidity – Money), и исключить из макроэкономических переменных индекс импортных цен. Это позволит лучше понять поведение хозяйствующих субъектов, почему, например, в условиях падения уровня номинальных цен товаропроизводители способны наращивать текущие расходы, и почему в этих условиях Банку России не следует реагировать на подобный рост предложения повышением ключевой процентной ставки [2], а также переоценить необходимые в этот период развития экономики инфляционные ожидания, в значительной мере опирающиеся на поведенческие модели адаптивного характера.

Переход от таргетирования инфляции (сконцентрированного в основном на проблемах совокупного спроса) к таргетированию индекса цен производителей (купирующего серьезные шоки совокупного предложения) [24; 30; 31] позволит Банку России «поставить на якорь» не только ненаблюдаемые инфляционные ожидания, но и создать необходимые условия для структурных преобразований в российской экономике. В среднесрочной перспективе такой режим, также связанный с обеспечением ценовой стабильности, приведет к тому, что денежно-кредитная политика Банка России станет финансово и операционно более независимой от правительства, а значит сможет играть роль фактического амортизатора как внешних, так и внутренних шоков и не являться «встроенным катализатором», реагирующим на любые шоки денежного и неденежного предложения.

Выводы

Для эффективной борьбы с инфляцией Банку России нужна независимая денежно-кредитная политика, и особенно когда независимость такой политики находится под угрозой. Прежде всего должна быть четко определена граница между денежно-кредитной и фискальной политикой. При этом Банк России не должен поступаться принципами и правилами своей денежно-кредитной политики в угоду прин-

ципов и правил фискальной политики Минфина РФ (Казначейства РФ), не должен приобретать дополнительные полномочия (мандаты), делегируемые ему другими ведомствами и министерствами.

Во-первых, необходимо организовать четкое разграничение между денежно-кредитной и фискальной политикой. Оно лучше всего достигается, если Банк России имеет ограниченные полномочия, сконцентрированные на его основной цели – обеспечении ценовой стабильности в среднесрочной перспективе. Навязывание Банку России дополнительных целей (мандатов, полномочий), таких как стимулирование экономического роста, финансирование дефицита бюджета и государственных программ (национальных проектов) приведет к размыванию функций и полномочий между Банком России и Министерством финансов РФ, что, несомненно, увеличит риски злоупотреблений в денежно-кредитной политике, а значит, повысится риск фискального доминирования над ценовой стабильностью.

Во-вторых, обеспечение финансовой и операционной независимости Банка России является предпосылкой как для выполнения целевого мандата, так и для предотвращения ошибочной денежно-кредитной политики, что позволяет избегать предвзятости к фискальной экспансии. При этом целевой мандат – обеспечение ценовой стабильности – необходимо сделать неуязвимым для критики и обвинений со стороны правительства РФ. Банк России должен быть самокритичным в своем экономическом анализе, периодически проводить переоценку меняющихся данных (внешних и внутренних), чтобы скорректировать свою денежно-кредитную политику и сообщить об этом общественности.

В-третьих, финансовая и ценовая стабильности как базовые цели денежно-кредитной политики центрального банка не совместимы и по функциям, и по операционному инструментарию. Между ними существует неразрешимое противоречие, которое связано с временным горизонтом, в рамках которого эти целевые установки воздействуют на экономические процессы. И если денежно-кредитная политика ориентирована на кратко- и среднесрочную перспективу, то политика финансовой стабильности имеет долгосрочный характер, связанный со стабильностью как финансовых организаций, так и финансового рынка в целом.

В-четвертых, политику обеспечения финансовой стабильности Банку России необходимо передать в созданную для этих целей независимую и некоммерческую саморегулируемую организацию. Эта организация будет осуществлять управление рисками финансовой нестабильности в форме механизма bail-in, позволяющей ликвидировать операционные убытки saniруемых банков в принудительном порядке, но исключительно только за счет менеджмента saniруемого

банка, его вкладчиков и инвесторов, вошедших в капитал банка своими незастрахованными депозитами, необеспеченными облигациями и прочим непокрытым долгом.

В-пятых, на период структурной трансформации российской экономики, перехода субъектов хозяйствования на новые модели бизнеса, выстраивания новых логистических цепочек и финансовых каналов Банку России необходимо сделать переход от режима таргетирования инфляции (сконцентрированного в основном на проблемах совокупного спроса) на режим таргетирования индекса цен производителей (купирующего серьезные шоки совокупного предложения). В среднесрочной перспективе такой режим приведет к тому, что денежно-кредитная политика Банка России станет независимой от правительства, сможет играть роль фактического амортизатора как внешних, так и внутренних шоков и не являться «встроенным катализатором», реагирующим на любые шоки предложения.

Таким образом, для Банка России крайне важно сохранять свою независимость не ради самой независимости, а как средство выполнения своего целевого мандата – обеспечения ценовой стабильности. Независимость надо защищать, а не торговать ею. Денежно-кредитную политику следует рассматривать как активное установление процентных ставок или, в более широком смысле, ее влияние на безрисковую доходность обязательств с целью достижения ценовой стабильности с учетом преобладающих в российской экономике различных факторов, связанных с формированием кредитного перегрева, увеличением доходности гособлигаций из-за геополитической напряженности, а также с возможным оттоком денежных средств вкладчиков, инвесторов из кредитных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюшин С.А. Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2019.
2. Андрюшин С.А., Бурлачков В.К., Кирилук И.Л., Рубинштейн А.А., Слуцкий Л.Н. Экспертное заключение на Проект документа Банка России «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов» // Банковское дело. 2019. № 10. С. 8–17.
3. Андрюшин С.А., Кузнецова В.В. Особенности стандарта bail-in для санации крупного банка // Бизнес и банки. 2016. No 3. С. 1–5.
4. Годовой отчет Банка России за 2020 год. М.: Банк России. 2021.
5. Годовой отчет Банка России за 2021 год. М.: Банк России. 2022.
6. Годовой отчет Банка России за 2022 год. М.: Банк России. 2023.
7. Годовой отчет государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» за 2022 год. <https://www.asv.org.ru/agency?news-tags=&news-date=all> (дата обращения: 07.04.2023).

8. Кузнецова В.В. Таргетирование инфляции: международные дискуссии и практики. М.: Курс. 2019.
9. О немонетарных факторах инфляции и мерах по снижению ее волатильности. М.: Банк России, 2017.
10. Орлов А. Квартальная прогнозная модель России. М.: Банк России. Март 2021.
11. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годы. Проект от 27 сентября 2022 года. М.: Банк России, 2022.
12. Платежный баланс Российской Федерации. М.: Банк России. I квартал 2023. № 1 (14).
13. Селезнев С., Крепцев Д. DSGE-модель российской экономики с банковским сектором. М.: Банк России, 2017.
14. Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 28 октября 2022 года. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43430/forecast_221028.pdf (дата обращения: 12.04.2023).
15. *Abiad A., Dell'Ariccia G., Li B.* Creditless Recoveries // IMF working paper. Wash. 2011. No. 58.
16. *Agénor P.R., Pereira da Silva L.A.* Inflation Targeting and Financial Stability: A Perspective from the Developing World // Working Papers Series. Central Bank of Brazil, Research Department. 2013. No. 324. <https://ideas.repec.org/p/bcb/wpaper/324.html> (дата обращения: 14.04.2023).
17. *Aguilar A., Cantú C., Guerra R.* Fiscal and monetary policy in emerging market economies: what are the risks and policy trade-offs? // BIS Bulletin. 2023. No. 71. 29 March.
18. *Bhandari P., Frenkel J.* Nominal GDP Targeting for Developing Countries // Research in Economics. 2017. Vol. 71. No. 3. Pp. 491–506.
19. *Bijsterbosch M., Dahlhaus T.* Determinants of Credit-less Recoveries // European central bank working paper series. 2011, June. No. 1358.
20. *Dell'Ariccia G., Igan D., Laeven L., Tong H., Bakker B., Vandenbussche J.* Policies for Macrofinancial Stability: How to Deal with Credit Booms // IMF Staff discussion note. 2012. N 6. P. 45.
21. *Fabo B., Jančoková M., Kempf E., Pastor L.* Fifty shades of QE: Conflicts of interest in economic research. Becker Friedman Institute // Working Paper. 2020. No. 128.
22. Financial Stability Board (FSB). Effective Resolution of Systemically Important Financial Institutions: Recommendations and Timelines // FSB Consultative Document. 2011. July. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_110719.pdf (дата обращения: 14.04.2023).
23. Inflation, consumer prices (annual %). <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG> (дата обращения: 11.04.2023).
24. *Jensen H.* Targeting Nominal Income Growth or Inflation? // The American Economic Review. 2002. Vol. 92. No. 4. September. Pp. 928–956.
25. *Jordan T.J.* Current challenges to central banks' independence Annual O. John Olcay Lecture on Ethics and Economics at the Peterson Institute, 2022. https://www.snb.ch/en/mmr/speeches/id/ref_20221011_tjn/source/ref_20221011_tjn.en.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
26. *Laeven L., Valencia F.* Resolution of Banking Crises: The Good, the Bad, and the Ugly // IMF Working Paper. 2010. No. 46.

27. Minimum requirement for own funds and eligible liabilities (MREL). Single Resolution Board I MREL Policy. 2022. June. https://www.srb.europa.eu/system/files/media/document/2022-06-08_MREL_Track-Changes.pdf (дата обращения: 15.04.2023).
28. Principles on Loss-absorbing and Recapitalisation Capacity of G-SIBs in Resolution Total Loss-absorbing Capacity (TLAC) Term Sheet. BIS. 2015. Nov.9. P. 22.
29. Reinhart C. M., Rogoff K.S. The Aftermath of Financial Crises // NBER Working Paper. 2009. No. 14656.
30. Sheedy K. D. Debt and incomplete financial markets: A case for nominal GDP targeting // Brookings Papers on Economic Activity. 2014. No. 1. Pp. 301–373.
31. Svensson L. E. O. Monetary policy strategies for the Federal Reserve // National Bureau of Economic Research. January 2020. Working Paper No. 26657.
32. TLAC & MREL. URL: <http://www.regnology.net/en/resources/regulatory-topics/tlacmrel-under-the-crr-ii/> (дата обращения: 15.04.2023).
33. Zhou J., Rutledge V., Bossu W., Dobler M., Jassaud N., Moore M. From Bail-out to Bail-in: Mandatory Debt. Restructuring of Systemic Financial Institutions // IMF Staff Discussion Note. 2012. April 24. No. 03. P. 26.

REFERENCES

1. Andryushin S.A. Monetary systems: from origins to cryptocurrency. M.: Publishing house LLC "Sam Polygraphist", 2019. (In Russ).
2. Andryushin S.A., Burlachkov V.K., Kirilyuk I.L., Rubinshtein A.A., Slutskin L.N. Expert Opinion on the Draft Document of the Bank of Russia "The Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2020 and the Period of 2021 and 2022" // Banking. 2019. No. 10. Pp. 8–17. (In Russ).
3. Andryushin S.A., Kuznetsova V.V. Features of the bail-in standard for the reorganization of a large bank // Business and banks. 2016. No 3. Pp. 1–5. (In Russ).
4. Annual report of the Bank of Russia for 2020. M.: Bank of Russia. 2021. (In Russ).
5. Annual report of the Bank of Russia for 2021. M.: Bank of Russia. 2022. (In Russ).
6. Annual report of the Bank of Russia for 2022. Moscow: Bank of Russia. 2023. (In Russ).
7. Annual report of the state corporation "Deposit Insurance Agency" for 2022. <https://www.asv.org.ru/agency?news-tags=&news-date=all> (date of access: 07.04.2023). (In Russ).
8. Kuznetsova V.V. Inflation targeting: international discussions and practices. M.: Course, 2019. (In Russ).
9. On non-monetary factors of inflation and measures to reduce its volatility. Moscow: Bank of Russia. 2017. (In Russ).
10. Orlov A. Quarterly forecast model of Russia. Moscow: Bank of Russia, 2021. March. (In Russ).
11. Monetary Policy Guidelines for 2023–2025. Draft. September 27, 2022. Moscow: Bank of Russia, 2022. (In Russ).
12. Balance of payments of the Russian Federation. Moscow: Bank of Russia. I quarter 2023. No. 1 (14). (In Russ).
13. Seleznev S., Kreptsev D. DSGE-model of the Russian economy with the banking sector. Moscow: Bank of Russia, 2017. (In Russ).
14. Medium-term forecast of the Bank of Russia following the meeting of the Board of Directors on the key rate on October 28, 2022. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43430/forecast_221028.pdf (date of access: 12.04.2023). (In Russ).

15. *Abiad A., Dell’Ariccia G., Li B.* Creditless Recoveries // IMF working paper. Wash. 2011. No. 58.
16. *Agénor P.R., Pereira da Silva L.A.* Inflation Targeting and Financial Stability: A Perspective from the Developing World // Working Papers Series. Central Bank of Brazil, Research Department. 2013. No. 324. <https://ideas.repec.org/p/bcb/wpaper/324.html> (date of access: 14.04.2023)
17. *Aguilar A., Cantú C., Guerra R.* Fiscal and monetary policy in emerging market economies: what are the risks and policy trade-offs? // BIS Bulletin. 2023. No. 71. 29 March.
18. *Bhandari P., Frenkel J.* Nominal GDP Targeting for Developing Countries // Research in Economics. 2017. Vol. 71. No. 3. Pp. 491–506.
19. *Bijsterbosch M., Dahlhaus T.* Determinants of Credit-less Recoveries // European central bank working paper series. 2011. No. 1358. June.
20. *Dell’Ariccia G., Igan D., Laeven L., Tong H., Bakker B., Vandenbussche J.* Policies for Macrofinancial Stability: How to Deal with Credit Booms // IMF Staff discussion note. 2012. No. 6. P. 45.
21. *Fabo B., Jančoková M., Kempf E., Pastor L.* Fifty shades of QE: Conflicts of interest in economic research. Becker Friedman Institute // Working Paper. 2020. No. 128.
22. Financial Stability Board (FSB). Effective Resolution of Systemically Important Financial Institutions: Recommendations and Timelines // FSB Consultative Document. 2011. July 19. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_110719.pdf (date of access: 14.04.2023).
23. Inflation, consumer prices (annual %). <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG> (date of access: 11.04.2023).
24. *Jensen H.* Targeting Nominal Income Growth or Inflation? // The American Economic Review. 2002. Vol. 92. No. 4. September. Pp. 928–956.
25. *Jordan T.J.* Current challenges to central banks’ independence Annual O. John Olcay Lecture on Ethics and Economics at the Peterson Institute, 2022. https://www.snb.ch/en/mmr/speeches/id/ref_20221011_tjn/source/ref_20221011_tjn.en.pdf (date of access: 10.04.2023).
26. *Laeven L., Valencia F.* Resolution of Banking Crises: The Good, the Bad, and the Ugly // IMF Working Paper. 2010. No. 46.
27. Minimum requirement for own funds and eligible liabilities (MREL). Single Resolution Board I MREL Policy. 2022. June. URL: https://www.srb.europa.eu/system/files/media/document/2022-06-08_MREL_Track-Changes.pdf (date of access: 15.04.2023).
28. Principles on Loss-absorbing and Recapitalisation Capacity of G-SIBs in Resolution Total Loss-absorbing Capacity (TLAC) Term Sheet. BIS. 2015. Nov. 9. P. 22.
29. *Reinhart C.M., Rogoff K.S.* The Aftermath of Financial Crises // NBER Working Paper. 2009. No. 14656.
30. *Sheedy K.D.* Debt and incomplete financial markets: A case for nominal GDP targeting // Brookings Papers on Economic Activity. 2014. No. 1. Pp. 301–373.
31. *Svensson L.E.O.* Monetary policy strategies for the Federal Reserve // National Bureau of Economic Research. 2020. No. w26657.
32. TLAC & MREL. URL: <http://www.regnology.net/en/resources/regulatory-topics/tlacmrel-under-the-crr-ii/> (date of access: 15.04.2023).
33. *Zhou J., Rutledge V., Bossu W., Dobler M., Jassaud N., Moore M.* From Bail-out to Bail-in: Mandatory Debt. Restructuring of Systemic Financial Institutions // IMF Staff Discussion Note. 2012. No. 03. April 24. P. 26.

Дата поступления рукописи: 01.04.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрюшин Сергей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2620-8515

sandr956@gmail.com

Свиридов Антон Павлович – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия

rassantop@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Andryushin – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2620-8515

sandr956@gmail.com

Anton P. Sviridov – Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

rassantop@gmail.com

BANK OF RUSSIA IN 2022: PERFORMANCE RESULTS, EXPECTED RISKS AND ANTI-CRISIS MEASURES

This article considered the Bank of Russia results within the target mandates for 2022. The risks of the policy of fiscal dominance, financial instability and price volatility are analysed. It is substantiated that these risks hinder the transition of the Russian economy and its financial sector to new forms of business organization in the country. In conclusion, a package of anti-crisis measures to increase the independence of the monetary policy of the Bank of Russia is proposed.

Keywords: *Bank of Russia, exchange rate, inflation, credit overheating, overdue debt, interest rates, bank bailouts, systemic risks, financial stability, financial intermediaries, price stability.*

JEL: E42, E58, G18, G21, H50, H60.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
заведующий Центром ФГБУН Институт экономики РАН

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕФОРМА: ВОЗМОЖЕН ЛИ НОВЫЙ ЭТАП?

Федеративные отношения представляют собой одну из ключевых особенностей институциональной структуры государства в современной России, наиболее значимое «обрамление» ее экономического пространства и основу вертикали публичной власти в стране. Не случайно преобразования в сфере федеративных отношений непосредственно затрагивают все стороны экономических, социальных и иных процессов в России. При этом, как показывает опыт последних десятилетий, их воздействие может иметь как позитивный, так и негативный характер. Здесь все зависит от «качества» реформ, а именно от их социально-политической и экономической обоснованности, четкости целеполагания, объективного мониторинга и оценки итоговых результатов. К сожалению, российские институциональные реформы во многом этими качественными признаками не обладают. Чаще всего подобные реформы видятся недостаточно мотивированными, лишенными четкого целеполагания и развернутой оценки фактически достигаемых результатов. К тому же, как показывает практика, такие реформы не завершаются по мере достижения поставленных перед ними целей, а чаще всего как бы просто «уходят в песок». Это дает основания для того, чтобы не только еще раз оценить уже сделанное по реформированию федеративных отношений, но и рассмотреть дальнейшие шаги в этом направлении, включая необходимые и возможные преобразования, а также их потенциальное воздействие на пространственную структуру России и структуру ее экономики.

Ключевые слова: *федеративные отношения, федеративная реформа, субъекты Федерации, стратегирование пространственного развития.*

УДК: 332.14, 342.24

EDN: PУJTYM

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_34_49

Введение

Убедительным примером противоречивости институциональных реформ в Российской Федерации может служить так называемая «федеративная реформа» – политико-правовые и институциональные преобразования, которые активно продвигались в начале – середине 2000-х годов (примерно с 2000 г. по 2008 г.), а затем стали явно «затухать», теряя свои позиции и в сфере научных дискуссий, и в сфере публикаций. Однако в течение последнего года появились признаки, что идея федеративной реформы в России «реанимируется». Правда, на этом этапе все вращается только вокруг одного из аспектов реформирования федеративных отношений, а именно изменения (сокращения) субъектного состава Российской Федерации. Другими словами, наметился возврат к проблеме сокращения числа субъектов Российской Федерации, обсуждаемой с разной степенью активности практически с момента обретения страной полного государственного суверенитета [1; 8]. Этот аспект государственно-правовых преобразований по-прежнему следует считать весьма важным, т. к. в итоге он неизбежно затрагивает широкий круг вопросов внутрифедеративных взаимодействий, а также многие тренды социально-экономического развития в стране. Это связано с тем, что федеративные отношения представляют основной институционально-правовой каркас национального экономического пространства и его регулирования.

Федеративные отношения по своей сути во многом должны являться гарантом демократической природы государства и всей системы общественных отношений в целом. Демократическое государство может и не быть федеративным. Но подлинно федеративное государство должно быть высокодемократичным: реально действующие федеративные отношения представляют собой механизм защиты или «самозащиты» государства от угроз авторитаризма и дезорганизации. Очень велика роль федеративных отношений в поддержании многоуровневого взаимодействия публичной власти и гражданского общества. Поэтому ко всем реформам в сфере федеративных отношений необходимо подходить чрезвычайно осторожно и взвешенно.

Федеративная реформа: большой замах и скромные результаты

Особенностью федеративной реформы в России как «цепочки» более или менее взаимосвязанных между собой преобразований институционального характера, осуществленных примерно за последние 20–25 лет, был и остается тот факт, что весьма сложно определить ее «стартовый» момент. Некоторые эксперты полагают, что ее начало

было положено созданием (по Указу Президента РФ В.В. Путина) в мае 2000 г. семи федеральных округов, а также института полномочных представителей Президента РФ в этих округах, правда, в основном не с распорядительными, а с контрольно-надзорными функциями.

Есть также мнение, что этот момент был связан с началом работ по приведению законодательства субъектов Федерации в соответствие с федеральным законодательством. Этот процесс затронул главным образом те направления регионального законодательства, которые касались деятельности органов государственной власти субъектов Федерации, организации в них системы субрегионального управления и местного самоуправления, полномочий регионов в сфере природо- и недропользования и пр. Например, был отменен принцип «двух ключей» в регулировании недропользования, который позволял субъектам Федерации в отдельных случаях блокировать невыгодные им решения по распределению участков недр и пр.

Наконец, по мнению ряда исследователей, начало федеративной реформы нашло свое отражение в курсе на укрупнение субъектов Федерации [12; 19]. Так, в 2003 г. было осуществлено объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого округа; затем этот процесс распространился и на некоторые другие регионы России. В Пермском крае референдум по этому вопросу был проведен в декабре 2003 г., а новый регион в составе Российской Федерации официально был образован 1 декабря 2005 г. Вторым подобным случаем стали аналогичные изменения, произошедшие в Красноярском крае, в состав которого были включены Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа. Референдум по данному вопросу был проведен в крае в апреле 2005 г., а окончательное официальное объединение регионов произошло 1 января 2007 г. Далее последовали изменения, объединившие Камчатскую область и Корякский автономный округ в единый Камчатский край. Также были объединены Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Также объединились Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ, которые сформировали новый субъект Российской Федерации – Забайкальский край. Следует обратить внимание на то, что подобные изменения не затронули те автономии, которые еще до начала названных выше преобразований вышли из состава иных регионов и добились своего статуса отдельных субъектов Федерации (например, Республика Алтай; Еврейская автономия, добившаяся прямого вхождения в состав Федерации).

Несомненным элементом федеративной реформы стало усиление централизаторских (унитаристских) тенденций в сфере государственной власти в России. Сложился, по сути, новый для страны институт «федерального вмешательства». В частности, это нашло воплощение

в утверждении за Президентом РФ права на роспуск законодательных органов субъектов Федерации и на отрешение от должности глав (высших должностных лиц) регионов, например, по факту утраты доверия со стороны высшего (федерального) руководства страны. Сюда же следует отнести и такую новацию, как исключение глав органов представительной и исполнительной власти субъектов Федерации из числа членов Совета Федерации (ранее действовавший порядок формирования состава Совета Федерации в части губернаторов – членов Совета Федерации нарушал конституционно установленный принцип разделения властей).

Определенной компенсацией в плане сохранения общенациональной «площадки» для взаимодействия и согласования позиций представителей регионов и президентской ветви власти стало создание такого института, как Государственный совет Российской Федерации (Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации»¹).

Последовательное расширение полномочий федерального центра продолжалось и в дальнейшем. Особо следует отметить федеральный закон 2003 г., среди прочего закрепивший возможность введения института временной администрации в субъектах Федерации. Большое значение имело ограничение влияния региональных руководителей на формирование и текущую работу на местах подразделений федеральных органов государственной власти. Деятельность органов судопроизводства, прокуратуры, внутренних дел, налоговых, таможенных органов и др., а также формирование их кадрового состава в основном стали определяться из федерального центра. Логическим завершением данного курса стала временная отмена в 2004 г. выборов губернаторов (выборы восстановлены в 2012 г., хотя не везде они в настоящее время являются прямыми) [10].

Кроме того, после завершения наиболее активной фазы преобразований в сфере федеративных отношений и государственного управления в Российской Федерации имели место новации, которые можно охарактеризовать как вариант «квазифедеративных реформ». Так, был создан ряд институтов, которые формально не затрагивали конституционно установленную структуру российской федеративной государственности, но могли быть потенциально значимы для функционирования всего экономико-правового механизма федеративных отношений в стране. К числу таких институтов, помимо названных выше федеральных округов, следует отнести установленные Стратегией пространственного развития Российской Федерации

¹ Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 8 декабря 2020 № 394-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/.

до 2025 г.² макрорегионы, а также введенный отдельным федеральным законом³ институт особых федеральных территорий [2; 3].

Сказанное выше подтверждает ранее уже сделанный многими исследователями вывод, что тот институционально-правовой феномен, который традиционно было принято рассматривать как федеративную реформу, на деле представлял собой цепочку достаточно разрозненных мероприятий, не объединенных единой, четко сформулированной целью и определенной последовательностью действий. Отсутствие заданного целеполагания и адресации к конкретным объектам регулирующего воздействия привело к тому, что и ранее, и на данный момент невозможно дать убедительный ответ на вопрос: можно ли считать федеративную реформу в Российской Федерации завершенной и если нет, то какие еще шаги она может предполагать в дальнейшем?

Весьма дискуссионным остается и главный вопрос: что собственно следует считать объектом такой реформы, ее смысловым стержнем? И в нашей, и особенно в зарубежной научной литературе понятие федеративной реформы часто связывается с проведением таких государственно-правовых преобразований, при которых (независимо от официальных констатаций) происходит существенный сдвиг от модели федеративной государственности к унитарной или наоборот. Как отмечал Г.Т. Сардарян, особый интерес представляет опыт тех государств, в которых «конституционно закреплена унитарная форма государственного устройства, однако в то же время, в силу тех или иных причин, протекают децентрализационные процессы» [15, с. 122].

Как правило, такие процессы, балансирующие между децентрализацией и федерализацией, централизацией и унитаризацией, характерны для стран, государственное устройство в которых представляет собой комбинацию чисто унитарных (административных) единиц с квазифедералистскими структурами. Примером могут служить подобные преобразования, осуществленные в Республике Италия в ходе конституционной реформы 2001 г. Данная реформа закрепила децентрализацию и автономизацию регионов в качестве ведущего принципа реформирования государственного устройства Италии. Окончательным шагом на этом пути могла стать реформа 2005 г., которая предусматривала утверждение федеративного статуса данного государства. Однако несмотря на одобрение такой реформы Пар-

² Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/.

³ Федеральный закон от 22 декабря .2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/.

ламентом Италии, на всенародном референдуме она была отклонена. Периодически мнения относительно совершенствования федеративных отношений возникают и в других экономически странах мира [6].

В современном мире можно найти совершенно противоположные примеры. Например, в таких формально федеративных государствах, как Бразилия и Индия, в последнее время активно наблюдаются процессы укрепления полномочий федерации, усиления роли федеральных органов законодательной и исполнительной власти в определении ключевых трендов социально-экономического развития данных стран [4; 14]. Здесь большое значение имеет феномен «этнического федерализма». Такая модель федерализма неизбежно включает в себе угрозу этнического сепаратизма, поэтому она нуждается в жестком государственном регулировании, вплоть до формализации самой идеи федерализма в целом. Российский федерализм также содержит в себе признаки этнического базирования субъектов Федерации, однако российской практике удалось избежать влияния этого фактора на раскачивание всей системы федеративных отношений, которые прочно утвердились на принципе симметрии этих отношений.

Другими словами, исторический опыт показывает, что государственно-правовые реформы крайне редко декларируются как отказ от федерализма в пользу унитарной государственности и наоборот (если не считать феномена распада федеративной государственности как таковой, например, Чехословакии и Югославии). Чаще всего реформы подобного рода осуществляются в виде плавных перемен, раз за разом воздействующих на те или иные сегменты функционирования всей системы публичной власти (бюджетно-налоговые отношения; определение основ природопользования; распределение функций социальной защиты; регулирование субнациональных структур управления и местного самоуправления и пр.).

В этой связи очень важно обратиться к вопросу о том, сформировались ли к настоящему времени достаточные предпосылки к развертыванию нового этапа федеративной реформы в России и если да, то каковы могут быть его ключевые задачи. Здесь многое зависит от того, какой вариант федеративной реформы имеется в виду: простое сокращение числа субъектов Федерации, перераспределение полномочий в пользу Федерации при формальном сохранении ее субъектного состава, переход к модели асимметричной федерации и пр.

Как это ни покажется странным, но ситуация последних нескольких лет действительно как бы свидетельствует в пользу такой реформы. Несложно заметить, что реально успешная антиковидная и антисанкционная политика в стране прошла при доминирующем значении экономических, правовых и институциональных ресурсов федерального центра. Это породило иллюзию (а может быть, и вполне обоснованно)

ванное мнение?!)) что именно централизация в пределах формально федеративного государства сегодня не временный шаг, а обоснованный ход, который и в более благоприятных условиях будет способствовать успешному решению задач хозяйственного, социального и иного характера. Значит ли это, что новая федеративная реформа реально востребована и безусловно будет продуктивна.

Преобразование федеративных отношений и проблемы пространственного стратегирования

Потенциально возможные в перспективе изменения в федеративном устройстве Российской Федерации нельзя рассматривать как простое логическое продолжение ранее уже осуществленных перемен – как второй или третий акт все той же драмы. Конечно, есть ряд позиций, которые, судя по всему, остаются неизменными. Прежде всего это относится к доминирующей роли федерального центра как инициатора и непосредственного проводника подобных реформ. Хотя любая федеративная реформа «по определению» так или иначе затрагивает все уровни публичной власти, роль субфедерального звена управления при этом, как правило, остается минимальной. Подобная ситуация в равной мере была и, видимо, остается характерной для подобного круга преобразований в Российской Федерации. В частности, об этом свидетельствует то, что все новаций в реформировании федеративных отношений, осуществленные в стране в начале – середине 2000-х годов, были не только инициированы самим федеральным центром, но и, по сути, были достаточно жестко продиктованы им субфедеральному уровню [20].

Вместе с тем, возможные продолжения в сфере федеративных отношений, если они будут иметь место в перспективе, неизбежно будут отличаться от того, что осуществлялось в начале – середине 2000-х годов. Эти отличия следует учитывать именно тогда, когда идея нового этапа федеративной реформы будет уже интерпретироваться как система практических действий.

Характеризуя эти отличия, следует иметь в виду, что новый этап федеративной реформы неизбежно должен будет согласовываться с существенными новациями в сфере государственного и муниципального управления и, прежде всего со становлением практики стратегического планирования. Эта реформа должна будет не просто согласовываться с принципами и методами стратегического планирования, но и создавать наилучшие условия для реализации его пространственного компонента. Любое дальнейшее продолжение федеративной реформы само по себе должно быть оформлено как составная часть общей стратегии институциональных преобразований, т. е. как системы преобразований, имеющих своей целью создать в обществе и государстве ту

систему институтов, которые обеспечивали бы достижение приоритетных задач экономического, социального и иного характера [9].

Таким образом, федеративная реформа должна не только определенным образом упорядочить субъектный состав Российской Федерации (об этом чуть ниже), но и включить в себя те новации, которые сегодня занимают важное место в формировании и функционировании пространственной структуры России и ее экономики. Однако нельзя не заметить, что действующая Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. федеративную проблематику не включает; понятия «федерализм», «федеративные отношения» в ней просто не представлены. По сути, вопрос о реформировании федеративных отношений практически полностью выпал из проблематики документов, касающихся пространственного «среза» стратегического планирования.

Такую ситуацию мы считаем в принципе неприемлемой. В отсутствие долгосрочной концепции реформирования федеративных отношений именно Стратегия пространственного развития должна стать документом, отражающим перспективное видение тех изменений в сфере федеративных отношений, которые обеспечили бы эффективное функционирование всей системы государственного управления и стратегирования, баланс интересов Федерации и ее субъектов, обеспечение интересов национальной безопасности [16].

К сожалению, несмотря на мнение подавляющего числа экспертов о важности федеративной реформы, представления о ее вариантах и наиболее значимых задачах заметно расходятся. Можно выделить два сформировавшихся на данный момент мнения относительно вариантов реформы, так или иначе связанных с сокращением числа (укрупнением) субъектов Федерации. Оба варианта, при всех их различиях [7; 11], нуждаются в дальнейшей экономической и правовой экспертизе, в т. ч. в контексте соответствия требованиям национальной безопасности [16].

Первый вариант заключается в использовании того же алгоритма действий по объединению субъектов Федерации, который был задействован в ходе реформ первой половины – середины 2000-х годов. Эта процедура отрегулирована федеральным конституционным законом, принятым в 2001 г.⁴ В этом законе (ст. 5) говорится о том, что образование в составе Российской Федерации нового субъекта может быть осуществлено в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации. При этом образование нового субъекта

⁴ Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452.

екта может повлечь за собой прекращение существования субъектов Российской Федерации, территории которых подлежат объединению. Этому варианту реформы соответствуют конституционные поправки (по перечню субъектов Федерации), а также поправки к федеральным законам и иным нормативно-правовым документам, где конкретно обозначены прекращающие свое существование субъекты Федерации. В рамках этого варианта новые субъекты Федерации концентрируют в себе полномочия объединяемых регионов и принципиальных изменений по линии взаимодействия «федерация – регионы» не происходит. Более того, в ряде случаев эти взаимодействия заметно упрощаются (например, в сфере межбюджетных отношений и при осуществлении функций финансового выравнивания), что традиционно выступает аргументом от лица сторонников объединительных процессов.

Второй вариант реформы выглядит новацией, так как ранее в таком виде он у нас не использовался. Поэтому и сама конфигурация подобных преобразований выглядит в данном случае во многом туманно. Судя по всему, в основу этого варианта федеративной реформы заложены не формальные слияния регионов, а образование неких «мегатерриторий» или межрегиональных агломераций (термин «межрегиональные агломерации» представляется нам не очень удачным, и далее мы его не используем). При этом регионы, вошедшие в состав «мегатерриторий», своей субъектности в составе Федерации не теряют.

Предположительно, мегатерритории составят собой еще один мезоуровень пространственной организации России и ее экономики. Но на сегодня уже существуют два таких уровня – федеральные округа и макрорегионы. При этом ни округа, ни макрорегионы в своей деятельности не опираются на правовую базу, закрепленную федеральным законом. На этом фоне формирование в стране еще одного мезоуровня пространственной организации уже не представляется безусловно позитивным. Поскольку такие структуры не имеют представительного органа власти, они не могут формировать свой «полноценный» бюджет и располагать собственными распорядительными полномочиями, за исключением некоторых функций (преимущественно координационного и контрольного характера), переданных им «сверху» или «снизу». Получается так, что никакого иного результата от введения института мегатерриторий, кроме как дальнейшего раздувания административного аппарата, не предвидится. Почему же этот вариант преобразований в сфере федеративных отношений имеет определенную поддержку?

Дело в том, что вариант формальных объединительных процессов не всегда встречает полное понимание и согласие на местах. Как отмечали эксперты, административное объединение вызывает недовольство жителей и неприятие со стороны региональных элит, кото-

рые «сидят» на бюджетных потоках и/или являются монополистами на своих территориях и не хотят конкурировать с элитами соседнего региона⁵. В качестве примера можно привести ситуацию 2020 г., когда руководители Ненецкого АО (НАО) и Архангельской области обнародовали идею объединения этих субъектов Федерации. Это вызвало протестные акции в НАО, в результате чего пришлось официально объявить об отказе от плана слияния этих регионов. Значительные коллизии возникали и при создании единого Пермского края [17]. Не случайно многие эксперты рассматривают вариант мегатерриторий как промежуточный этап реформы, рассчитанный на то, чтобы еще до формального слияния население и бизнес структуры объединяемых регионов «пообжились» в рамках одной, более крупной территориальной структуры – тогда и вероятность каких-то эксцессов в последующем значительно сократится.

Поскольку в данном случае объединительный процесс затягивается на достаточно длительное время и, скорее всего, потребует существенных конституционных корректировок, очевидно, что этот процесс должен стратегироваться. Это касается, прежде всего, необходимости законодательного оформления статуса объединяемых субъектов Федерации в переходный период и по его завершении, формирования субрегиональных структур управления и институтов местного самоуправления в пределах мегатерриторий, унификации различных региональных стандартов и нормативов и пр.

Наконец, рассматривая перспективы нового этапа федеративной реформы и свойственных ей объединительных процессов, нельзя не задаться вопросом: сколько же всего субъектов Федерации должно остаться в стране? Надо сказать, что этот вопрос активно обсуждался уже на первом этапе федеративных реформ в начале 2000-х годов. Мнения высказывались столь же различные, сколь и ничем практически не мотивированные: 10 регионов, 20 регионов, 40 регионов и т. д. Однако этим радикальным ориентирам не суждено было сбыться – фактические масштабы объединительных процессов оказались значительно скромнее. Что касается данной проблемы, то в последнее время наиболее часто фигурирует цифра именно 40–41 регион.

Сейчас в качестве таких потенциальных мегатерриторий рассматриваются Москва и Московская область (более 17 млн человек); Санкт-Петербург и Ленинградская область (более 6 млн человек); Краснодарская мегатерритория (2,7 млн человек). Это также Центрально-Европейская мегатерритория (Ивановская, Костромская, Владимирская, Орловская и ряд других субъектов ЦФО); Южно-Европейская мегатерритория (часть субъектов ЦФО от Белгорода до Тамбова) и пр.

⁵ <https://ura.news/articles/1036282450>.

При этом серьезных обоснований целевой установки на то или иное число мегатерриторий, как и ранее, не дается, а все сводится к традиционному для наших реформ принципу «так наверняка будет лучше». В этой связи еще более важна не количественная установка реформы, а сам принцип определения рамок необходимых преобразований. Формально он неким образом уже просматривается.

Дело в том, что этап федеративной реформы, пришедшийся на 2000-е годы, не был сформирован на базе некоего единого принципа, определявшего собой всю совокупность осуществляемых преобразований. Однако в последние годы в качестве такого принципа все более выдвигается идея реформирования федерации на основе критерия «территориальной симметрии» [5; 18]. Территориальную симметрию федерации следует отличать от симметрии правовой. Принцип правовой симметрии сводится к наделению всех субъектов Федерации равными правами и обязанностями на основе конституционно закрепленного равенства всех субъектов Федерации во взаимоотношении с федеральным центром⁶.

Альтернативной основой федеративной реформы на новом этапе видятся принципы экономической симметрии и демографической симметрии. В первом случае имеется в виду образование в ходе реформы мегатерриторий с примерно равной совокупной величиной ВРП; во втором случае – мегатерриторий с примерно равной численностью населения. Конечно, полная симметрия подобного рода, откровенно говоря, маловероятна, однако определенное выравнивание все же возможно, хотя и оно не всегда является достаточным аргументом для подобных реформ. Так, при объединении Архангельской области и НАО соотношение численности этих субъектов Федерации определялось почти как 25 к 1. Однако и это, как было отмечено выше, не спасло этот вариант реформы от провала.

Статистические данные показывают, что разрывы между российскими регионами по показателям абсолютной величины ВРП все еще значительны, однако имеют тенденцию к сокращению. Так, в 2000 г. совокупный ВРП 5 регионов-лидеров опережал аналогичный

⁶ Однако в настоящее время этот принцип уже не считается безусловным, поскольку в соответствии с п. 7 ст. 41 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ в краях, областях, в состав которых входят автономные округа, полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, указанные в ч. 1 ст. 44 данного закона, осуществляются органами государственной власти края, области на всей территории края, области, включая территорию автономного округа, если иное не установлено федеральным законом об отношениях между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области и (или) договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области.

показатель 5 регионов–аутсайдеров в 129,1 раза; в 2010 г. – в 115,7 раза и в 2020 г. – в 97,4 раза. А вот с численностью населения тренд совершенно иной: в 2000 г. численность населения 5 регионов–лидеров превышала аналогичный показатель для 5 регионов–аутсайдеров в 45,2 раза, в 2010 г. – 52,3 раза, и в 2020 г. – в 58,6 раза. Это говорит о том, что принцип экономической и/или демографической симметрии как основа для перегруппировки субъектов Федерации явно малопродуктивен.

Не внушает полного доверия и иной принцип реформы – финансовый, заключающийся, якобы, в выгоде от присоединения «бедных» регионов к «богатым». Однако на деле денег не становится больше от самого факта изменения межрегиональных границ. Единственный достоверно воспринимаемый аргумент – сокращение затрат на административно-управленческий аппарат – также не безусловен и нуждается в тщательной оценке. Это связано с тем, что любой вариант мегатерриторий не может функционировать на простом уменьшении количества действующих сейчас региональных структур государственного управления. Неизбежно возникнет потребность в альтернативных субтерриториальных структурах, так или иначе заменяющих нынешние региональные администрации и выполняющих их функции. Это касается и взаимодействия мегатерриторий с системой институтов местного самоуправления, которых в мегатерритории будет много больше, чем в «обычном» регионе. Так что «принцип Бальзамина» (богатые женятся на бедных, а бедные на богатых) здесь далеко не всегда достоверен и убедителен.

Заключение

В 2010 г. Институт современного развития опубликовал доклад, посвященный итогам первого этапа федеративной реформы в России [13]. Эти итоги получили в докладе достаточно критическую оценку. Так, в этом документе отмечалось, что проведенные слияния суммарно имели нулевой эффект. Возможно, предположили авторы доклада, в будущем в стране не исключены слияния субъектов, но в рамках хорошо продуманной и научно-обоснованной реформы, а не путем проведения отдельных нескоординированных акций.

Можно сделать вывод, что реформирование федеративных отношений остается в числе востребованных преобразований социально-политического, институционально-правового и экономического характера. Очевидно, что остаться в составе Федерации должны регионы, реально способные осуществить процесс саморазвития. Необходимо уточнить и законодательно закрепить статус и функции институтов, формирующих мезоуровень федеративных отношений, а также статус внутрирегиональных агломераций и мегаполисов [22]. Чрезвычайно важно сохранить достаточную меру федерализации в регулирова-

нии институтов субрегионального управления и экономико-правовых основ местного самоуправления. Реальная востребованность реформирования ряда слагаемых федеративных отношений не дает оснований для какой-либо торопливости в данном вопросе.

Следует согласиться с мнением о том, что актуальной сейчас является перспектива разработки общей стратегии развития федеративных отношений, которая бы определила полномасштабное представление о тенденциях модернизации российского федерализма на ближайший период. При этом содержание такой стратегии и ее практические шаги должны тесно согласовываться со Стратегией пространственного развития РФ. Необходимо также видеть потенциальные издержки реформ, в том числе, и связанные с ними угрозы. Не случайно отмечается, что создание агломераций уже на межрегиональном уровне и последующее укрупнение регионов может усилить тенденцию демографической и экономической деградации отдельных территорий [21]. Как следствие, проведение таких реформ априори потребует определиться с системой компенсационных мер, в частности за счет широких программ поддержки малых и средних городов, а также прочих «неагломерируемых» поселений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекбосынов М.Б. Политика укрупнения субъектов Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. № 9 (41). С. 154–161.
2. Бухвальд Е.М. Федеральные территории как новация политики пространственного развития в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3 (157). С. 44–47.
3. Владыко И.Ю. Макрорегион как элемент стратегического пространственного управления региональной экономикой // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 3 (58). С. 10–19.
4. Гуляков А.Д. Высокоцентрализованный федерализм в Индии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 3 (43). С. 5–16.
5. Давыдов Д.В. Асимметрия территориальной системы как предпосылка объединения регионов в процессе развития российского федерализма // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 4-1. С. 71–76.
6. Даутмерзаев А.З. Политика укрупнения и разукрупнения субъектов Федерации: опыт ФРГ и США // Вестник Российской нации. 2011. № 1–2 (15–16). С. 238–243.
7. Иванова Е.Л., Праскова С.В. Новации в законодательном регулировании порядка укрупнения субъектов Российской Федерации как предмет правовой экспертизы // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М.М.Сперанского. 2011. № 1 (10). С. 39–47.
8. Забанова М.Ю. Укрупнение России. Опыт 2020 // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 9 (113). С. 12.
9. Заметина Т.В. Конституционно-правовое регулирование территориального устройства России: проблемы и перспективы реализации. В сб.: VII Уральский форум конституционалистов. Екатеринбург. 2022. С. 33–39.

10. *Караетян М.Г.* Механизм реализации правовой политики в сфере укрупнения субъектов Российской Федерации // Юридическая мысль. 2009. № 2 (52). С. 33–36.
11. *Коломейцева Т.А.* Проблемы укрупнения субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 42–46.
12. *Лексин И.В.* Современные реформы и федеративное устройство России. Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2008. № 4. С. 37–50.
13. Объединение регионов Российской Федерации: за и против. Доклад. (Артоболевский С. и др.). Москва: Институт современного развития. 2010.
14. *Саламов Р.Р.* Федерализм в Бразилии: характеристики и особенности // Сибирский международный. 2018. № 20. С. 164–169.
15. *Сардарян Г.Т.* Конституционная реформа 2001 года в Италии в контексте перехода от сложного унитарного государства к федеративному // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 122–129.
16. *Смирнова О.О., Белявская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю.* Научно обоснованная модель укрупнения регионов в целях обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 4 (32). С. 492–504.
17. *Сниткин Н.Е.* Анализ правовых коллизий практики укрупнения субъектов Российской Федерации (на примере создания Пермского края) // Вестник современных исследований. 2018. № 5.2 (20). С. 533–535.
18. *Фойгель Е.И., Небрятенко Г.Г., Смирнова И.Г.* Перспективная модель государственного устройства «симметричная федерация» в контексте обеспечения национальной безопасности России // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. С. 9 (166). С. 39–48.
19. *Чеглакова О.Л.* Политические и социально-экономические предпосылки укрупнения субъектов Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 3 (97). С. 121–126.
20. *Черепанов В.* Федеративная реформа в России // Федерализм. 2005. № 3 (39). С. 95–115.
21. *Чурсин Д.В.* Перспективы укрупнения субъектов Российской Федерации // Инновационная экономика и право. 2019. № 1 (13). С. 63–69.
22. *Шкварок В.М., Шумилин О.В.* Понятие мегаполиса в контексте укрупнения субъектов Российской Федерации // Мир экономики и права. 2015. № 7. С. 35–41.

REFERENCES

1. *Bekbosynov M.B.* Policy of consolidation of the subjects of the Russian Federation // Ethnosocium and interethnic culture. 2011. No. 9 (41). Pp. 154–161. (In Russ.).
2. *Buchwald E.M.* Federal territories as an innovation of spatial development policy in the Russian Federation // Theory and practice of social development. 2021. No. 3 (157). Pp. 44–47. (In Russ.).
3. *Vladyko I.Yu.* Macroregion as an element of strategic spatial management of the regional economy // Region: systems, economics, management. 2022. No. 3 (58). Pp. 10–19. (In Russ.).
4. *Gulyakov A.D.* Highly centralized federalism in India // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2017. No. 3 (43). Pp. 5–16.

5. *Davydov D.V.* Asymmetry of the territorial system as a prerequisite for the unification of regions in the development of Russian federalism // Theories and problems of political research. 2022. Vol. 11. No. 4-1. Pp. 71–76. (In Russ.).
6. *Dautmerzaev A.Z.* The policy of enlargement and unbundling of federal subjects: the experience of Germany and the USA // Bulletin of the Russian Nation. 2011. No. 1–2 (15–16). Pp. 238–243. (In Russ.).
7. *Ivanova E.L., Praskova S.V.* Innovations in the legislative regulation of the consolidation of the subjects of the Russian Federation as a subject of legal expertise // Bulletin of the M.M. Speransky Institute of Legislation and Legal Information. 2011. No. 1 (10). Pp. 39–47. (In Russ.).
8. *Zabanova M.Yu.* Consolidation of Russia. Experience 2020 // Modern scientific research and innovation. 2020. No. 9 (113). P. 12. (In Russ.).
9. *Zametina T.V.* Constitutional and legal regulation of the territorial structure of Russia: problems and prospects of implementation. In the collection: VII Ural Forum of Constitutionals. Yekaterinburg. 2022. Pp. 33–39. (In Russ.).
10. *Karapetyan M.G.* Mechanism of implementation of legal policy in the sphere of consolidation of subjects of the Russian Federation // Legal thought. 2009. No. 2 (52). Pp. 33–36. (In Russ.).
11. *Kolomeitseva T.A.* The problems of consolidation of subjects of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2010. No. 6. Pp. 42–46. (In Russ.).
12. *Leksin I.V.* Modern reforms and the federal structure of Russia. Bulletin of the Moscow University. Series 21: Governance (State and society). 2008. No. 4. Pp. 37–50. (In Russ.).
13. Unification of the regions of the Russian Federation: pros and cons. Report. ((Artobolevsky S. et al.). Moscow: Institute of Modern Development, 2010. (In Russ.).
14. *Salamov R.R.* Federalism in Brazil: characteristics and features // Siberian International. 2018. No. 20. Pp. 164–169. (In Russ.).
15. *Sardaryan G.T.* Constitutional reform of 2001 in Italy in the context of the transition from a complex unitary state to a federal one // Law and management. XXI century. 2013. No. 2 (27). Pp. 122–129. (In Russ.).
16. *Smirnova O.O., Belyavskaya-Plotnik L.A., Sorokina N.Yu.* A scientifically based model of the enlargement of regions in order to ensure economic security and sustainable development of the Russian Federation // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2017. Vol. 4 (32). Pp. 492–504. (In Russ.).
17. *Snitkin N.E.* The analysis of legal conflicts in the practice of consolidation of the subjects of the Russian Federation (on the example of the creation of the Perm Region) // Bulletin of Contemporary Research. 2018. No. 5.2 (20). Pp. 533–535. (In Russ.).
18. *Voigel E.I., Nebratenko G.G., Smirnova I.G.* A promising model of the state structure “symmetrical federation” in the context of ensuring national security of Russia // Lex Russica (Russian Law). 2020. Vol. 73. P. 9 (166). Pp. 39–48. (In Russ.).
19. *Cheglakova O.L.* Political and socio-economic prerequisites for the formation of the subjects of the Russian Federation // Bulletin of the Orenburg State University. 2009. No. 3 (97). Pp. 121–126. (In Russ.).
20. *Cherepanov V.* Federal reform in Russia // Federalism. 2005. No. 3 (39). Pp. 95–115. (In Russ.).
21. *Chursin D.V.* The prospects of consolidation of the subjects of the Russian Federation // Innovative economics and law. 2019. No. 1 (13). Pp. 63–69. (In Russ.).
22. *Shkvarok V.M., Shumilin O.V.* The concept of a megapolis in the context of the enlargement of the subjects of the Russian Federation // The world of economics and law. 2015. No. 7. Pp. 35–41. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 20.02.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бухвальд Евгений Моисеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9892-5930
buchvald@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny M. Buchwald – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9892-5930
buchvald@mail.ru.

FEDERAL REFORM: IS A NEW STAGE POSSIBLE?

Federal relations represent one of the key features of the institutional structure of the state in modern Russia, the most significant "frame" of its economic space and the basis for the hierarchy of public power in the country. It is no coincidence that all transformations in the sphere of federal relations directly affect all aspects of economic, social and other processes in the country. At the same time, as the experience of recent decades shows, this impact can be both positive and negative. Here everything depends on the "quality" of the reforms, namely on their socio-political and economic validity, clear goal-setting, objective monitoring and evaluation of the final results. Unfortunately, in many respects Russian institutional reforms lack these qualitative attributes. Most often, these reforms appear insufficiently motivated, devoid of clear goal-setting and a detailed assessment of the results actually achieved; they fail to get completed as their goals are attained, and simply come to nothing in the end. This suggests that we should not only reevaluate what has already been done to reform federative relations but also consider possible further steps in this direction, including necessary and possible changes and their potential impact on the spatial structure of Russia and its economy.

Keywords: *federal relations, federal reform, federal subjects, spatial development strategizing.*

JEL: H79, O18, R110.

Н.Н. ВОЛКОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Э.И. РОМАНЮК

научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

РЕЙТИНГ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная работа продолжает исследования авторов по анализу научно-технологического развития субъектов РФ. Актуальность этого вопроса в условиях антиросийских санкций, в результате которых для нашей страны заблокирован доступ к зарубежным технологиям и инвестиционным ресурсам, возрастает. Учитывая разный уровень развития субъектов Российской Федерации, в т. ч. в научно-технологической сфере, представляется целесообразным выявление локальных научно-технологических «точек роста», что особенно важно при дефиците имеющихся ресурсов. В статье проведен сравнительный анализ различных методик рейтингования НТР, включая методику, применяемую правительством России. Кроме того, предложена авторская методика такого расчета, исходя из существующих регулярных статистических данных, а также построен рейтинг регионов России, охватывающий разные стороны научно-технологического развития.

В результате исследования авторы показали неравномерность научно-технологического развития субъектов РФ, что вызвано сложившимся пространственным размещением научно-технологической инфраструктуры. Выявлена небольшая группа регионов, которая определяет индекс в целом по России. Эти регионы являются центрами инновационного развития в РФ, и в них сосредоточены ведущие научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения с высоким научным потенциалом, а также создана научно-технологическая инфраструктура.

Ключевые слова: рейтинг, научно-технологическое развитие, региональное развитие, сравнительный анализ.

УДК: 332.14

EDN: QBNXNT

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_50_72

Введение

Данная статья посвящена разработке рейтинга научно-технологического развития регионов Российской Федерации и является продолжением и развитием исследований авторов, результаты которых были изложены в опубликованной ранее работе [1].

Актуальность данного исследования заключается в том, что в условиях жесткого санкционного давления со стороны недружественных государств, при котором для России заблокирован доступ к зарубежным технологиям и инвестиционным ресурсам, ключевой стратегической задачей, обеспечивающей технологическую независимость, является корректировка стратегических приоритетов, проведение активной инновационной и научно-технологической политики. Это осознается не только учеными, но и органами власти. Так, в конце декабря 2022 г. правительством РФ были отобраны шесть высокотехнологичных отраслей, приоритетных с точки зрения достижения технологического суверенитета¹.

Однако следует учитывать, что Россия состоит из множества субъектов Федерации, имеющих разный уровень развития, в т. ч. в научно-технологической сфере. Например, по данным Росстата, затраты на инновационную деятельность организаций в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ и услуг колеблется от 9,2% в Кировской области до 0,1% в Северной Осетии и еще в ряде республик Северного Кавказа².

В условиях дефицита ресурсов представляется целесообразным выявление локальных научно-технологических «точек роста» в масштабе всей Российской Федерации, в том числе в ее отдельных субъектах, развитие которых может дать толчок научно-технологическому развитию нашей страны в целом. В Стратегии пространственного развития, утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019 г.³, предусматривается ускорение научно-технологического развития РФ за счет развития перспективных центров экономического роста.

Следовательно, государственная региональная политика в сфере научно-технологического развития должна быть скорректирована, исходя из необходимости решения задач по стимулированию и поддержке перспективных направлений научно-технологического разви-

¹ Бойко А. Минпромторг определил приоритеты господдержки в импортозамещении <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/12/19/955864-minpromtorg-opredelil-prioriteti-gospodderzhki> (дата обращения: 24.01.2023).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Р. 32. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 966.

³ Сайт Министерства экономического развития РФ. https://economy.gov.ru/material/file/31593409eddf606620f49806c6ece205/130219_207-p.pdf (дата обращения: 24.01.2023).

тия, в том числе по разработке мер его поддержки, согласованных на разных уровнях власти в рамках всего научно-технологического контура России. Данный контур определяют сложившиеся связи «между государственной научно-технологической политикой, документами стратегического планирования (стратегиями и программами) и институтами (государством, научными организациями, вузами и предпринимательским сектором), формирующими организационный каркас научно-технологической деятельности» [2].

Субъекты Российской Федерации играют важную роль в формировании этого контура, так как создание связного информационного научно-технологического пространства имеет большое значение для обмена научными достижениями и новыми технологиями. Для оценки эффективности научно-технологического контура на уровне субъектов Федерации могут использоваться рейтинги научно-технологического развития региона, которые позволяют выявить сильные и слабые позиции в регионе и скорректировать политику в нужном направлении.

Рейтинги научно-технологического развития

В современной литературе присутствуют описания различных региональных рейтингов, которые посвящены главным образом инновационному развитию крупных территориальных образований. Научно-технологическое развитие находит в них отражение лишь в виде отдельных показателей, что затрудняет выявление возможностей региона именно в научно-технологической сфере. С нашей точки зрения, инновационный рейтинг отражает все типы технологического развития, включая заимствования, что для нашей страны в настоящее время сильно затруднено. Сейчас перед нашей страной стоит задача достижения технологической независимости. Именно поэтому так особенно важно и актуально построить рейтинги НТР регионов, которые при этом должны включать также и ряд инновационных показателей, как базу для дальнейшего развития.

Среди исследований, посвященных выявлению региональных различий в инновационном развитии, можно назвать региональное инновационное табло, которое разрабатывается Евросоюзом. Еврокомиссией в сентябре 2022 г. был выпущен очередной рейтинг стран [3]. Необходимо отметить, что за период с 2011 г. и по настоящее время, в течение которого авторы следят за европейскими исследованиями в этой области, круг входящих в расчет агрегированного индекса показателей постоянно менялся. В последних табло по сравнению с рейтингами, которые Евросоюз делал несколько лет назад, произошло смещение в сторону введения показателей, отражающих развитие информационных технологий, а также и научно-технологического

развития. Однако круг региональных показателей, используемых для сравнения регионов, существенно уже, чем национальных. Так, из 32 показателей, используемых в национальном табло, в европейском присутствует только 21, поэтому региональные сравнения производятся с учетом существующих статистических реалий.

В нашей стране также известны инновационные рейтинги как на уровне РФ в целом (например, [5]), так и региональные, для отдельного региона (например, [6]), которые составляются или на основе регулярных статистических данных⁴, или на основе опросов, проводимых различными исследовательскими организациями, и экспертных оценок. Среди них, в частности, можно упомянуть рейтинги НИУ ВШЭ [7], РИА [8], Ассоциации инновационных регионов [9], Российского рейтингового агентства Эксперт РА [10], а также других российских исследователей [11; 12; 13].

Все эти рейтинги имеют много пересекающихся показателей, что можно объяснить использованием данных из регулярных статистических источников. В ряде рейтингов (например, см.: [9; 10; 13]) вместе с регулярными статистическими данными используются экспертные оценки и специальные обследования, проводимые для их составления. Такой подход имеет как свои достоинства, так и недостатки. С одной стороны, он позволяет учесть качественные и плохо формализуемые показатели, а, с другой – требует финансовых затрат на проведение исследований и зависит от квалификации привлекаемых экспертов.

Еще одной проблемой является включение в рейтинги показателей научно-технологической инфраструктуры. Только в [11] присутствует полученный в результате специальных исследований показатель, характеризующий взаимодействие компаний в рамках кластеров и технопарков. Присутствуют в рейтингах и показатели, которые описывают развитие ИТ инфраструктуры и цифровых навыков у населения. Их появление закономерно в современных условиях, поскольку наличие развитой ИТ инфраструктуры и персонала, умеющего ею пользоваться, облегчает передачу знаний и распространение технологий между регионами.

В ноябре 2022 г. на сайте Минобрнауки РФ был опубликован отчет о создании национального рейтинга научно-технологического развития, а также сам рейтинг и методика⁵ его расчета. Рейтинг был соз-

⁴ Необходимо согласиться с мнением, высказанным в [4], о том, что статистика в области инноваций и научно-технологического развития во многом остается проблемой, особенно в региональном разрезе.

⁵ Национальный рейтинг научно-технологического развития возглавили Москва, Санкт-Петербург и Томская область. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/61045/> (дата обращения: 06.12.2022).

дан в ответ на Поручение Президента РФ Пр-290, п.10⁶ от 24 декабря 2021 г.

Опишем его более подробно. Система показателей национального рейтинга (всего 33 показателя) состоит из трех блоков, каждый из которых разрабатывался для разных целевых групп.

Блок 1, который включает 10 показателей, нацелен на органы власти. Он состоит из несколько разнородных показателей, отражающих различные стороны экономики. Так, в этот блок входят индекс производства по отраслям, показатели, которые описывают наличие квалифицированных кадров в регионе. Также в блок включены финансовые данные о внутренних затратах на исследования и разработки и удельный вес расходов на научные исследования из средств консолидированного бюджета. В состав блока также входят сведения о наличии программы научно-технологического развития и соотношение планируемых научных работ к отчетам по ним. Кроме того, блок содержит еще три показателя, которые скорее характеризуют инновации: долю организаций, осуществляющих технологические инновации; долю отечественных технологий, используемых в реальном секторе экономики; и удельный вес инновационных товаров и услуг.

В блок 2 включены 13 показателей, целевой группой которых является среда для ведения наукоемкого бизнеса, отвечающих названию его целевой группы. Среди них количество в субъекте Российской Федерации объектов инфраструктуры, способствующих внедрению результатов научных исследований и разработок в производство; количество проектов кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики. В блок включены также кадровые показатели: удельный вес студентов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям в области математических и естественных наук, инженерного дела, технологии и технических наук, фундаментальной медицины; удельный вес числа выпускников ИКТ-направлений подготовки, а также доля исследователей в возрасте до 29 лет.

Кроме того, в блоке присутствуют показатели, характеризующие финансовые ресурсы и результативность инновационной деятельности: удельный вес средств бюджета субъектов Российской Федерации и местных бюджетов в общем объеме затрат на инновационную деятельность; соотношение экспорта и импорта технологий и услуг технологического характера; долю продукции высокотехнологичных

⁶ Перечень поручений по итогам совместного заседания Государственного Совета и Совета при Президенте по науке и образованию, состоявшегося 24 декабря 2021 г. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67752>.

и наукоемких отраслей в ВРП; уровень инновационной активности организаций.

Ряд показателей, включенных в правительственный рейтинг в этом блоке, готовятся субъектами РФ по запросу, т. е. они не являются регулярными статистическими данными. К ним относятся следующие: наличие у субъекта институтов развития, региональных налоговых мер поддержки; общая сумма профинансированных региональным фондом поддержки научной и научно-технической деятельности проектов на одного исследователя и ряд других.

В блоке 3, целевой группой которого является среда для работы исследователей, находится 10 показателей. В блок включен ряд показателей, которые характеризуют его название: соотношение среднемесячной начисленной заработной платы работников науки (к среднемесячной зарплате по региону); обеспеченность объектами научно-исследовательской инфраструктуры; стоимость машин и оборудования в расчете на одного исследователя; темп роста стоимости машин и оборудования, а также вновь ряд финансовых показателей: удельный вес средств организаций предпринимательского сектора в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки; удельный вес объема финансирования научных, научно-технических и инновационных проектов, привлеченного со стороны институтов развития. И еще две позиции, которые можно отнести к результативности научных исследований: число публикаций в изданиях, индексируемых в ядре РИНЦ; число патентных заявок на изобретения, полезные модели и промышленные образцы.

Ряд показателей предоставляется по запросу -- они не являются регулярными статистическими данными: например, наличие в регионе специализированной программы или комплекса мер социальной поддержки исследователей и их семей.

В блоке есть показатель, включенный в качестве целевого в инициативу «Школьники в научно-технической деятельности», выдвинутую в рамках десятилетия науки, — количество обучающихся в образовательных организациях, вовлеченных в научно-техническое творчество.

Необходимо отметить, что логика распределения показателей по блокам в методике не описана. С нашей точки зрения, это распределение не слишком логично. Близкие по сути показатели почему-то оказываются в разных блоках. Так, показатели, находящиеся в первом блоке, сложно отнести к ответственности органов власти, кроме наличия программы развития. В то же время финансирование из регионального и местного бюджетов и наличие региональных налоговых мер поддержки отнесены во второй блок рейтинга. Большая часть показателей в правительственной методике имеет ранговые значения, что может нивелировать различия между регионами.

Во всех перечисленных выше методиках среди показателей есть некоторое пересекающееся подмножество, которое объясняется тем, что данные берутся из регулярных статистических источников. Но есть и различия. Прежде всего это вызвано тем, что разработчики правительственной методики имеют полный доступ ко всей информации, в том числе к первичной, поступающей от предприятий и организаций. Остальные исследователи имеют более ограниченные возможности для выбора показателей. Более того, при составлении правительственного рейтинга разработчики имеют возможность получать дополнительную информацию по запросу. Однако разработчики рейтинга сами признают необходимость его доработки. Так, в рекомендациях к Методике расчета⁷ рейтинга написано, что в «целях формирования рейтинга на системной основе Минобрнауки России предлагается продолжить работу в рамках выполнения подпункта «в» пункта 10 Перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам совместного заседания Государственного Совета Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию 24 декабря 2021 г. (Пр-290 от 10 февраля 2022 г.)». Поэтому разработка альтернативного рейтинга, представленного в настоящей работе, продолжает оставаться актуальной.

Система показателей

Авторы работы уже имеют опыт построения рейтинга инновационного и научно-технологического развития регионов России [1]. В данной работе первоначальная система показателей была пересмотрена с учетом анализа существующих методик и с учетом пространственной структуры российской экономики [14]. Как уже было отмечено, в рассмотренных выше рейтингах недостаточно внимания уделяется именно научно-технологическому развитию. А в отличие от правительственной методики, где широко используются ранговые показатели, авторы сделали упор на количественные переменные, которые более точно отражают различия в уровнях НТР. Так, при ее доработке авторами были включены показатели, которые могут оказывать существенное влияние на научно-технологическое развитие и которые первоначально не учитывались при построении рейтинга, например, отношение средней заработной платы в науке к средней по региону.

⁷ Национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации. <https://www.minobrnauki.gov.ru/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D1%80%D0%B5%D0%B8%CC%86%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%D0%9D%D0%A2%D0%A0.pdf> Дата обращения 28.02.2023.

Рейтинг построен на основе регулярно публикуемых статистических данных, все из которых являются количественными. Еще одним достоинством авторской методики является включение отдельного блока цифровизации, которая существенно влияет на научно-технологическое развитие в современных условиях.

Итоговый набор показателей, которые, с нашей точки зрения, отражают особенности научно-технологического развития, приведены в табл. 1⁸

Таблица 1

Показатели интегрального индекса научно-технологического развития

Наименование индекса первого уровня	Наименование индекса второго уровня	Наименование показателя
1. Научно-технологический потенциал (НТП)	1.1. Человеческий потенциал	1.1.1. Доля лиц, имеющих послевузовское и высшее профессиональное образование в среднем за год, в % к итогу.
		1.1.2. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, на 10 тыс. занятых в экономике.
		1.1.3. Численность персонала, имеющих ученую степень доктора наук, на 10 тыс. занятых в экономике.
		1.1.4. Численность персонала, имеющих ученую степень кандидата наук, на 10 тыс. занятых в экономике.
		1.1.5. Отношение средней заработной платы в науке к средней заработной плате по региону
	1.2. Затраты на научно-технологическое развитие	1.2.1. Внутренние текущие затраты на исследования и разработки, в % к ВРП.
		1.2.2. Затраты на инновационную деятельность за счет бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, в процентах от общего объема затрат на инновационную деятельность (%).
		1.2.3. Затраты на инновационную деятельность (технологические инновации), в % к ВРП.
		1.2.4. Затраты на ИКТ, в % к ВРП.
		1.2.5. Капитальные затраты на научные исследования и разработки, в % к стоимости основных фондов.

⁸ Необходимо отметить, что поскольку выбор исходных показателей производился экспертным образом, возможна их взаимная корреляция, поэтому в дальнейших исследованиях, например, перед проведением кластерного или регрессионного анализа, потребуются предварительный анализ исходных показателей для минимизации мультиколлинеарности.

Наименование индекса первого уровня	Наименование индекса второго уровня	Наименование показателя
2. Научно-технологическая инфраструктура и инвестиционный климат (НТИ)	2.1. Научно-технологическая инфраструктура	2.1.1. Организации, выполнявшие научные исследования и разработки, на 1000 организаций в регионе. 2.1.2. Число организаций инновационной инфраструктуры на 1000 организаций в регионе.
	2.2. Инфраструктура науки	2.2.1. Наличие научного оборудования организаций, выполняющих научные исследования и разработки, по полной учетной стоимости на конец года.
		2.2.2. Удельный вес научного оборудования в общей стоимости машин и оборудования организаций, выполняющих научные исследования и разработки.
		2.2.3. Наличие уникальных стендов и установок для проведения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, по полной учетной стоимости на конец года.
3. Результативность научной инновационной деятельности (РНИД)	3.1 Результаты инновационной деятельности	3.1.1. Отношение количества выданных патентных заявок к количеству работников, занятых исследованиями и разработками.
		3.1.2. Отношение количества созданных передовых производственных технологий к общему количеству организаций, осуществлявших технологические инновации.
		3.1.3. Доля инновационно активных предприятий в общей численности предприятий.
		3.1.4. Отношение количества внедренных технологических инновационных проектов к общему количеству организаций, осуществлявших технологические инновации.
		3.1.5. Отношение количества используемых передовых производственных технологий к общему количеству организаций, осуществлявших технологические инновации.
	3.2. Выход на внешние рынки	3.2.1. Отношение числа соглашений по экспорту технологий и услуг технического характера к общему количеству организаций.
		3.2.2. Отношение числа соглашений по импорту технологий и услуг технического характера к общему количеству организаций.
		3.2.3. Доля организаций, имеющих кооперационные связи при разработке технологических, маркетинговых, организационных инноваций, в общем числе инновационных предприятий, в % к общему числу организаций.

Наименование индекса первого уровня	Наименование индекса второго уровня	Наименование показателя
4. Уровень цифровизации (УЦ)	4.1. Доступ к сети Интернет	4.1.1. Объем информации, переданной от/к абонентам сети отчитывающегося оператора при доступе к сети Интернет, на 1 пользователя фиксированной и мобильной связи.
		4.1.2. Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек
		4.1.3. Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, на 100 абонентов
	4.2. Использование бизнесом	4.2.1. Удельный вес организаций (в общем числе организаций предпринимательского сектора), использующих широкополосный интернет.
		4.2.2. Индекс цифровизации бизнеса по субъектам Российской Федерации.

Источник: составлено авторами.

С нашей точки зрения, показатели раздела 1 в табл. 1 характеризуют плотность инновационного пространства с точки зрения наличия человеческих ресурсов; кроме того, в разделе отражены возможности финансирования именно научно-технологического развития.

Показатели, собранные во втором разделе, отражают развитие инновационной и научно-технологической инфраструктуры⁹. Необходимо отметить, что некоторые показатели, отнесенные в данный раздел, можно также считать факторами, которые можно было бы использовать и для анализа связности инновационного пространства. В частности, показатель «Число организаций инновационной инфраструктуры на 1000 организаций в регионе» можно также рассматривать как фактор связности инновационного пространства, поскольку наличие такого предприятия в регионе может способствовать активизации обмена технологиями.

Факторы, определяющие результативность инновационной деятельности, входят в третий подиндекс агрегированного индекса рейтинга. В него же включены и показатели, которые связаны с выходом на внешние рынки.

В четвертом подиндексе собраны показатели, которые отражают уровень развития цифровой инфраструктуры, облегчающей возмож-

⁹ В их число, наряду с данными Росстата, авторы включили информацию об инфраструктуре науки, публикуемую в открытых данных Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

ности распространения результатов научно-технологического развития путем дистанционного обмена, т. е. связность пространства, в том числе и научно-технологического, при наличии хорошей инфраструктуры обмена данными увеличивается.

Важность хорошо развитой инфраструктуры была продемонстрирована во время пандемии, когда многие предприятия расширили возможность удаленной работы, что отразилось на величине информационных потоков. Так, по данным Росстата, объем информации, переданной от/к абонентам сети связи отчитывающегося оператора при доступе в Интернет, возрос при фиксированном доступе в Интернет в 9 раз (с 8274 петабайт в 2011 г. до 74480 петабайт в 2021 г.), а при мобильном доступе объем информации возрос в 129 раз (с 218 петабайт в 2011 г. до 28238 петабайт в 2021 г.). Большая часть этого прироста пришлось на 2021 г., в котором эти показатели увеличились на 30%¹⁰.

Алгоритм расчета

В правительственной методике «на первом этапе рассчитывается рейтинговый балл субъекта по каждому показателю, на втором – рейтинговый балл региона по блоку показателей, на третьем – интегральный рейтинговый балл». По блоку баллы, также как и интегральный рейтинг, рассчитываются как простое арифметическое среднее баллов нижнего уровня. Ряд показателей перед расчетом рейтингового бала стандартизировались: из каждого значения ряда вычитался минимум по этому ряду, затем разность делилась на максимум. Таким образом, уже на первом этапе расчета происходит переход от количественных показателей к рейтингам, т. е. к порядковым переменным. Такой подход в правительственной методике, с одной стороны, позволяет использовать качественные показатели, с другой – за счет использования балльной оценки уже на первом этапе происходит некоторое огрубление результата, т. к. происходит замена количественных показателей на ранги. Далее рассчитываются средние арифметические, но не по значениям показателей, а уже по рангам, что еще больше нивелирует различия между регионами¹¹.

Отличие нашего алгоритма расчетов заключается в том, что данные сворачиваются в балльную оценку только на заключительном этапе расчета. На начальных стадиях расчетов использовались их количественные значения, стандартизированные и взвешенные в некоторых

¹⁰ Российский статистический ежегодник. 2022// Росстат. Р76. М., 2022. С. 489.

¹¹ При выводе результатов рейтинга авторы правительственного рейтинга также признают, что регионы, занимающие места больше 30, имеют очень плотные результаты и приведены в рейтинге без учета их балльной оценки.

случаях¹². Затем вычислялись подиндексы, как простое среднее входящих в подиндексы показателей, которые на следующем этапе сворачивались в агрегированный индекс на основании простого среднего из значений всех показателей. Такой подход позволяет построить не только рейтинг как таковой, но и выявить проблемные места в регионах за счет значений подиндексов.

Обсуждение результатов

На основе показателей, приведенных в табл. 1 (данные за 2021 г.), авторами был построен рейтинг научно-технологического развития регионов России. Результаты рейтинга и индексов первого уровня приведены на рис. 1–5.

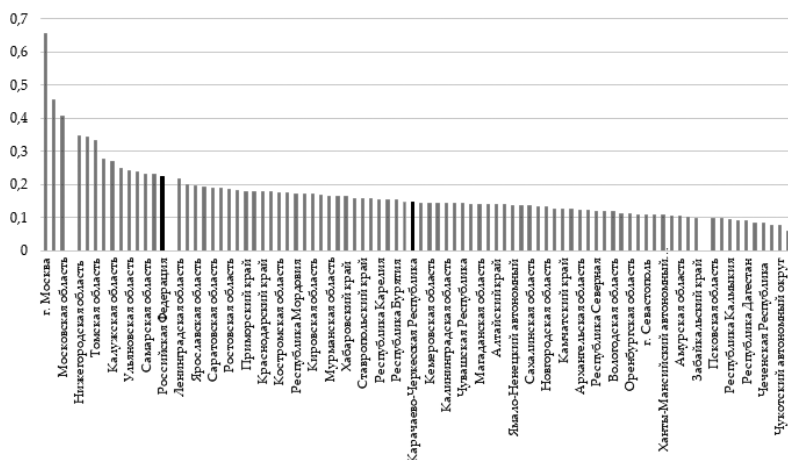
На рис. 1–5 кроме данных по регионам приведены среднеарифметическое значение индексов для Российской Федерации в целом и медианное значение индекса (они выделены на графиках жирной полоской). С нашей точки зрения, медианное значение более точно характеризует положение в среднем по России, чем традиционное среднеарифметическое значение.

Прежде всего необходимо отметить, что значение индекса для г. Москвы (также, как и значения подиндексов верхнего уровня для г. Москвы) существенно опережают следующий за ним регион (г. Санкт-Петербург), причем во второй подгруппе (Научно-технологическая инфраструктура и инвестиционный климат) – более чем в 2 раза. Наименьший отрыв Москвы от ближайшего следующего за ней региона достигается по первой группе показателей (Научно-технологический потенциал). Обе столицы расположены в первых строчках рейтинга¹³. Более того, можно отметить, что первые 10–15 позиций занимают практически одни и те же регионы (см. табл. 2). Они меняются местами в зависимости от подрейтинга.

На графиках видно, что лишь небольшая группа регионов определяет величину индекса в целом по России, поскольку значение среднероссийского показателя сдвинуто к левой части графика. Более или менее равномерно распределено по территории лишь значение индекса «Уровень цифровизации», для которого значения снижаются равномерно, и лишь в конце списка происходит резкое снижение значений показателя.

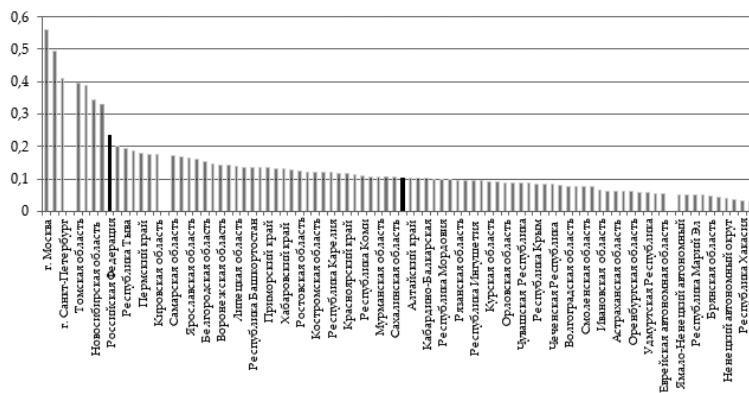
¹² Стандартизация проводилась стандартным образом с использованием минимального и максимального значений. Взвешивание было необходимо для исключения значительных выбросов для показателей, имеющих очень маленькие абсолютные величины. Для признаков, используемых со взвешиванием, весовые коэффициенты подсчитывались либо как «удельный вес предприятий региона, занимающихся исследованиями и разработками, в общем количестве таких предприятий в России», либо как «удельный вес предприятий региона в общем количестве предприятий в России».

¹³ Впрочем, такую позицию эти города занимают во всех рассмотренных выше рейтингах.

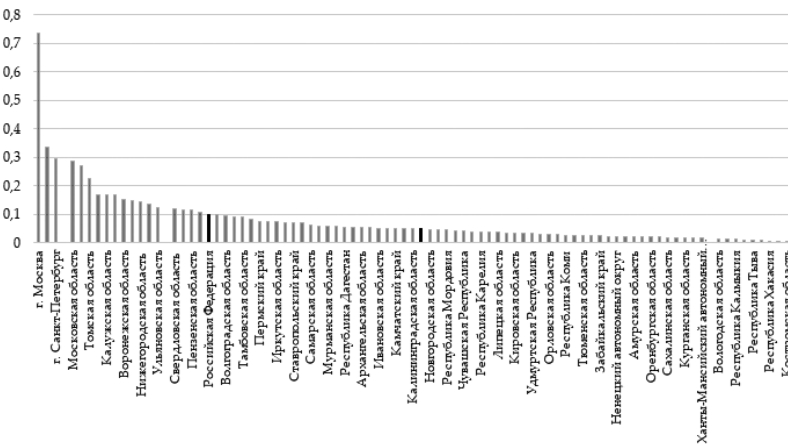
Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Индекс научно-технологического развития

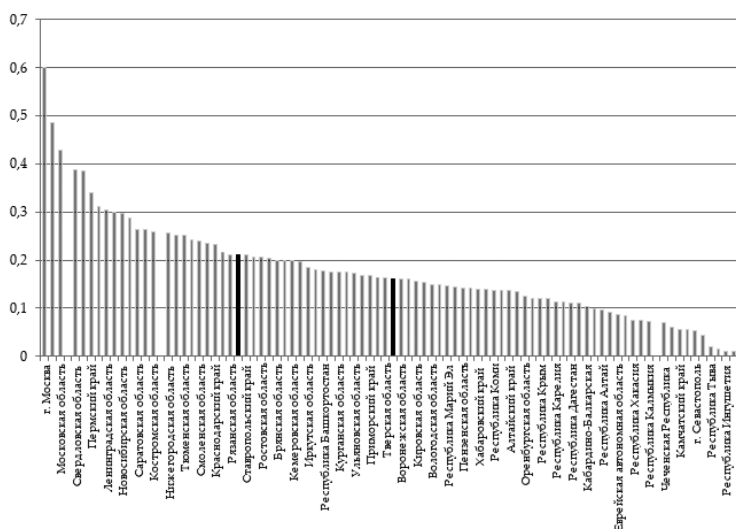
Источник: составлено авторами

Рис. 2. Индекс научно-технологического потенциала.

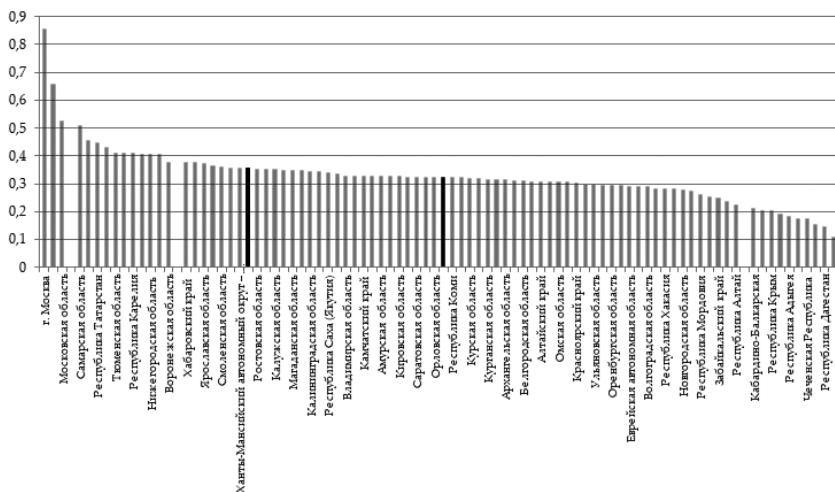
Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Индекс научно-технологической инфраструктуры и инвестиционного климата.

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Индекс научной инновационной и научно-технологической деятельности.

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Индекс уровня цифровизации.

Регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры рейтинга, а также медианное значение и индекс в целом по Российской Федерации представлены в табл. 2.

Если лидирующие позиции занимает небольшая устойчивая группа регионов, то в конце списка ситуация складывается не столь однозначно. Существуют, конечно, регионы, которые стабильно присутствуют в конце всех рейтингов, но состав участников замыкающей группы меняется.

Лидеры и аутсайдеры рейтинга научно-технологического развития

Н/лп	Регионы	НТР	Регионы	НТП	Регионы	НТИ	Регионы	РНИД	Регионы	УЦ
1	г. Москва	0,656	г. Москва	0,561	г. Москва	0,734	г. Москва	0,601	г. Москва	0,855
2	г. Санкт-Петербург	0,455	Нижегородская область	0,494	Новосибирская область	0,336	г. Санкт-Петербург	0,485	г. Санкт-Петербург	0,656
3	Московская область	0,406	г. Санкт-Петербург	0,409	г. Санкт-Петербург	0,297	Московская область	0,428	Московская область	0,527
4	Нижегородская область	0,347	Томская область	0,396	Московская область	0,288	Свердловская область	0,387	Самарская область	0,507
5	Новосибирская область	0,345	Московская область	0,388	Карачаево-Черкесская Республика	0,271	Калужская область	0,384	Свердловская область	0,454
6	Томская область	0,332	Новосибирская область	0,345	Томская область	0,227	Пермский край	0,341	Республика Татарстан	0,446
7	Свердловская область	0,276	Ульяновская область	0,328	Республика Татарстан	0,168	Томская область	0,310	Новосибирская область	0,429
8	Калужская область	0,269	РФ	0,234	Калужская область	0,168	Ленинградская область	0,305	Тюменская область	0,412
9	Республика Татарстан	0,249	Республика Татарстан	0,202	Ленинградская область	0,167	Челябинская область	0,299	Челябинская область	0,409
10	Ульяновская область	0,242	Республика Тыва	0,195	Воронежская область	0,153	Новосибирская область	0,297	Республика Карелия	0,408
14	РФ	0,225			РФ (19)	0,100	РФ (24)	0,210	РФ (22)	0,354
44	Медиана	0,145	Медиана	0,103	Медиана	0,048	Медиана	0,162	Медиана	0,323
80	Республика Калмыкия	0,094	Республика Марий Эл	0,051	Республика Калмыкия	0,012	Камчатский край	0,055	Республика Крым	0,201

Окончание табл. 2

Н/пп	Регионы	НТР	Регионы	НТП	Регионы	НТИ	Регионы	РНИД	Регионы	УЦ
81	Республика Адыгея	0,091	Амурская область	0,050	Республика Марий Эл	0,011	Магаданская область	0,055	Чукотский автономный округ	0,192
82	Республика Дагестан	0,090	Брянская область	0,046	Республика Тыва	0,009	г. Севастополь	0,053	Республика Адыгея	0,184
83	Республика Хакасия	0,085	Вологодская область	0,042	Еврейская автономная область	0,008	Карачаево-Черкесская Республика	0,044	Республика Тыва	0,175
84	Чеченская Республика	0,085	Ненецкий автономный округ	0,040	Республика Хакасия	0,007	Республика Тыва	0,019	Чеченская Республика	0,174
85	Ненецкий автономный округ	0,077	Забайкальский край	0,035	Республика Алтай	0,006	Чукотский автономный округ	0,014	г. Севастополь	0,153
86	Чукотский автономный округ	0,076	Республика Хакасия	0,033	Костромская область	0,006	Республика Ингушетия	0,011	Республика Дагестан	0,147
87	Республика Ингушетия	0,059	Псковская область	0,029	ЯНАО	0,003	Ненецкий автономный округ	0,010	Республика Ингушетия	0,108

Источник: расчеты авторов.

Наиболее неравномерно распределение регионов в первой группе показателей, где среднему значению по РФ в целом предшествует лишь 7 региональных, а значение индекса этой группы превышает медианное значение более чем в 2 раза. Это может свидетельствовать о том, что среднее по РФ значение индекса определяется очень небольшим числом регионов, что, в свою очередь, вызвано исторически сложившимся территориальным размещением научных центров.

Меньше всего различий в подгруппах «Результативность научной инновационной и научно-технологической деятельности» и «Уровень цифровизации». Стоит отметить, что в подиндексе второго уровня, названного нами «Выход на внешние рынки», который включает показатели экспорта-импорта технологий и кооперационные связи, Москва теряет лидирующие позиции.

Хотя в подиндексе «Уровень цифровизации» распределение более равномерное, нужно иметь в виду, что показатель «Доступ» косвенно характеризует развитие коммуникационной инфраструктуры по территории, поэтому резкие его различия говорят о неодинаковых возможностях для регионов дистанционно использовать инфраструктуру для обмена научно-технологической информацией.

Сгруппируем субъекты Российской Федерации по уровню научно-технологического развития на основе значений агрегированного индекса (см. табл. 3)¹⁴.

Таблица 3

Результаты группировки субъектов РФ по значению индекса научно-технологического развития в 2021 г.

Границы групп	Уровень научно-технологического развития субъектов РФ	Число субъектов РФ, ед.	Доля группы, %
Выше 0,4	Высокое	3	3,5
0,25-0,4	Среднее	10	11,8
0,1-0,25	Низкое	61	71,8
Ниже 0,1	Крайне низкое	11	12,9
Российская Федерация	0,225	–	–
Медиана	0,145	–	–

Источник: расчеты авторов.

¹⁴ Границы группировки определялись следующим образом: максимальное значение индекса делилось на 4, а затем из предыдущего нижнего значения интервала вычитался его размер.

Как следует из табл. 3, большинство регионов (почти 72%) обладают низким уровнем научно-технологического развития и еще почти 13% – крайне низким уровнем. Значение индекса в целом по России находится в группе регионов со средним уровнем технологического развития, но медианное значение, которое характеризует уровень большей части регионов России, попадает в группу с низким уровнем научно-технологического развития субъектов Российской Федерации. Таким образом, доля группы с высоким уровнем НТР очень незначительна и составляет чуть больше 3%, а подавляющее число регионов, которому соответствует и медианное значение, входят в группу с низким уровнем научно-технологического развития. И даже высокие показатели лидеров рейтинга не позволяют «вытащить» средний по России индекс в группу с высоким уровнем развития. Исследование показало очень резкую дифференциацию регионов РФ с точки зрения научно-технологического развития.

В первую группу входит всего три региона: г. Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область. При этом значение индекса по г. Москва в полтора раза превышает индекс следующего за ней г. Санкт-Петербург. Эти позиции лидеры занимают почти по всем показателям, перечисленным в табл.1. Однако если обратиться к показателям, которые можно условно считать результатами научной деятельности (Отношение количества выданных патентных заявок к количеству работников, занятых исследованиями и разработками, Доля инновационно активных предприятий в общей численности предприятий), то обращает на себя внимание то, что эти регионы не входят в лидеры по данным показателям¹⁵. Так, в 2021 г. количество выданных патентных заявок на одного работника в Москве хотя и превосходило значение в целом по России, но было далеко от максимума¹⁶ (в Москве – 0,6, в целом по РФ – 0,3, в Костромской области – 1,14), доля инновационно активных предприятий была близка к среднему – 11,9% в целом по РФ, 13,2% – по Москве, максимальное значение по этому показателю было в Республике Татарстан – 29,0%.

В Московской области оба этих показателя были даже ниже, чем в среднем по России (0,2 – количество выданных патентов и 11,7% – доля инновационно активных предприятий соответственно). В г. Санкт-Петербург количество выданных патентов соответствовало общероссийскому значению (0,3), хотя доля инновационно активных предпри-

¹⁵ Эти субъекты РФ также «не дотягивают» и до соотношения между средней заработной платой в регионе и средней зарплатой в науке, что объяснимо, учитывая общий высокий уровень зарплат в этих регионах.

¹⁶ Все данные по показателям рассчитаны по статистическому сборнику Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2022.

ятий превышала общее по России – 15,9%, но она сильно отставала от этого показателя в Татарстане.

Такое положение, что лидирование в выделенных средствах не всегда определяет лидирование в результатах, можно объяснить рядом факторов. Кроме нерационального использования выделенных средств и относительно высоких цен в столичных регионах, можно констатировать, что в этих регионах сосредоточены учреждения фундаментальной науки и высшего образования, которые не дают непосредственных практических результатов в ближайшей перспективе, а измерение отдаленных результатов науки – вопрос дискуссионный.

Во второй группе сосредоточено 10 промышленно развитых регионов России: Нижегородская область, Новосибирская область, Томская область, Свердловская область, Калужская область, Республика Татарстан, Ульяновская область, Пермский край, Самарская область, Челябинская область. Они имеют относительно высокую величину индекса, но не дотягивают до лидеров. Значение индекса в целом по России находится на нижней границе данной группы. Следует заметить, что значения подиндексов в целом по РФ находятся в группе низких значений, кроме первого подиндекса (Научно-технологический потенциал).

Нижегородская, Новосибирская, Томская области, а также Республика Татарстан уверенно входят в топ-10 почти во всех подиндексах в 2021 г. Показатели их НТР, включенные в табл.1, выше, чем в целом по России. По некоторым из них регионы этой группы достигают максимальных значений. Так, как было сказано выше, доля инновационно активных предприятий в Республике Татарстан максимальна. Число организаций инновационной инфраструктуры на 1000 организаций в регионе в Ульяновской области достигает 0,58, что существенно выше, чем в целом по России¹⁷.

Третья группа регионов является самой многочисленной и включает 61 субъект федерации (71,8%). Значения индексов внутри группы очень плотные, а также там же находится медианное значение, которое определяет наиболее часто встречающееся значения индекса. Кроме того, в подиндексы третьей группы также входят значения в целом по Российской Федерации. Таким образом, можно констатировать, что, с точки зрения НТР, большинство регионов относятся к слабой и очень слабой группам, в которую входят республики Северного Кавказа и некоторые автономные округа и области (Еврейская автономная

¹⁷ Рассчитано по данным базы «Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации». https://www.miiris.ru/inno_subject/reestr и (дата обращения 9.02.2023) и Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2022.

область, Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Ингушетия). Для более детального анализа необходим кластерный анализ, который авторы планируют провести в дальнейшем.

Кроме того, необходимо сказать, что в 2021 г. наибольший вклад в агрегированный индекс НТР почти во всех регионах был внесен подиндексом, отвечающим за цифровизацию, что вполне закономерно в 2021 г., в котором влияние пандемии было еще очень велико.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что субъекты РФ находятся на разном уровне научно-технологического развития, что вызвано сложившимся пространственным размещением научно-технологической инфраструктуры, причем наиболее велики различия в показателях, отражающих инновационную активность предприятий, а также наличие научной инфраструктуры.

Выявлено, что фактор цифровизации является важным трендом, во многом определяющим развитие в научно-технологической сфере Российской Федерации. Развитие цифровой и инновационной инфраструктуры увеличило бы связность территории и могло бы способствовать НТР на тех территориях, которые объективно не обладают развитым научно-технологическим потенциалом.

Показатель в целом по России определяется лишь небольшой группой регионов, которые занимают первые 10–15 позиций в рейтинге, и их высокий рейтинг обеспечивается высоким уровнем развития научно-технологического потенциала, инфраструктуры, инвестиционного климата и результатами научной деятельности. Регионы-лидеры являются центрами инновационного развития в Российской Федерации, в которых сосредоточены ведущие научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения с высоким научным потенциалом, созданы институты развития и инфраструктуры национальной инновационной системы.

По результатам исследований можно сделать вывод, что по совокупности выявленных факторов в целом экономика Российской Федерации на данный момент характеризуется невысоким уровнем научно-технологического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доржиева В.В., Сорокина Н.Ю., Беляевская-Плотник Л.А., Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Пространственные аспекты инновационного и научно-технологического развития России / Научный доклад. Институт экономики РАН, 2022. eLIBRARY ID: 50284610.
2. Доржиева В.В. Научно-технологический контур: основные характеристики, институциональные условия и факторы формирования // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 2. С. 1199–1210. DOI: 10.18334/vines.12.2.114213.
3. European Innovation Scoreboard 2022. Luxembourg: Publications Office of the European Union // Электронный ресурс. 2022. Available at: URL:<https://op.europa.eu/o/opportal-service/download-handler?identifier=f0e0330d-534f-11ed-92ed-01aa75ed71a1&format=pdf&language=en&productionSystem=cellar&part=DOI:10.27777/309907>.
4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Стратегия инновационного развития: истоки и логические продолжения // ЭТАП. 2021. № 3. С. 7–24.
5. Belyakov G., Ryzhaya A., Belyakova Y., Shpak A., Belyakov S. Regional system of scientific and technological development of the industrial complex in the Russian Federation. 2023. <https://www.revistaespacios.com/a18v39n36/a18v39n36p28.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).
6. Бейнар И.А., Наролина Т.С., Смотрова Т.И. Исследование рейтинга научно-технологического развития (на примере ЦЧР и Воронежской области) // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 4 (59). С. 171–180.
7. Рейтинг инновационных регионов России 2018. АИРР. <https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf> (дата обращения: 29.12.2022).
8. Индекс научно-технологического развития субъектов РФ – итоги 2019 года. РИА Рейтинг. http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_R&D_20.pdf (дата обращения 29.12.2022).
9. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 7. Электронный ресурс НИУ ВШЭ. 2021. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/480515891.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).
10. Топ-20 инновационных регионов. https://raex-rr.com/country/region_potential/rating_of_regions_by_innovation_potential (дата обращения: 29.08.2022).
11. Унтура Г.А., Есикова Т.Н., Зайцев И.Д., Морошкина О.Н. Проблемы и инструменты аналитики инновационного развития субъектов РФ // Мир экономики и управления. 2014. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-instrumenty-analitiki-innovatsionnogo-razvitiya-subektov-rf> (дата обращения: 16.02.2023).
12. Архипова М.Ю., Кучмаева О.В. Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. №2. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-zapros-rossiyan-na-innovatsii-po-dannym-vyborochnogo-obsledovaniya> (дата обращения: 04.02.2022).
13. Чичканов В.П., Сухарев О.С., Воробьева М.В. Научно-технологическое развитие: проблемы измерения в региональном разрезе // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2022. № 3. С. 74–79. DOI: 10.52135/2410-4124_2022_3_74. – EDN YXQKEA.
14. Никитская Е.Ф. Пространственная неравномерность инновационного развития макрорегионов и регионов России // Федерализм. 2020. Т. 25. № 4 (100). С. 68–89.

REFERENCES

1. *Dorzhiyeva V.V., Sorokina N.Yu., Belyaevskaya-Plotnik L.A., Volkova N.N., Romanyuk E.I.* Spatial aspects of innovative and scientific-technological development of Russia. Scientific report. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2022. eLIBRARY ID: 50284610. https://inecon.org/docs/2022/Spatial_aspects_innovative_scientific-technological_development_Russia.pdf (date of application 14.02.2023). (In Russ.).
2. *Dorzhiyeva V.V.* Scientific and technological contour: main characteristics, institutional conditions and factors of formation // *Issues of innovative economy*. 2022. Vol. 12. № 2. P. 1199–1210. DOI: 10.18334/vinec.12.2.114213. (In Russ.).
3. European Innovation Scoreboard 2022. Luxembourg: Publications Office of the European Union // Electronic Resource. 2022. <https://op.europa.eu/o/opportal-service/download-handler?identifier=f0e0330d-534f-11ed-92ed-01aa75ed71a1&format=pdf&language=en&productionSystem=cellar&part=> DOI: 10.27777/309907.
4. *Ivanov O.B., Buchwald E.M.* Strategy of innovative development: origins and logical continuations // *STAGE*. 2021. № 3. Pp. 7–24. (In Russ.).
5. *Belyakov G., Ryzhaya A., Belyakova Y., Shpak A., Belyakov S.* Regional system of scientific and technological development of the industrial complex in the Russian Federation. 2023. <https://www.revistaespacios.com/a18v39n36/a18v39n36p28.pdf> (date of application 23.03.2023). (In Russ.).
6. *Beinar I.A., Narolina T.S., Smotrova T.I.* Research of the rating of scientific and technological development (on the example of the Central Chernozem Region and the Voronezh region) // *Region: systems, economics, management*. 2022. 4 (59). Pp. 171–180. (In Russ.).
7. Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. Issue 7 // HSE Electronic Resource 2021. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/480515891.pdf> (date of application 04.02.2023). (In Russ.).
8. Index of scientific and technological development of the subjects of the Russian Federation – results of 2019. RIA Rating // Electronic Resource. http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_R&D_20.pdf (date of application 29.12.2022). (In Russ.).
9. Rating of innovative regions of Russia 2018. AIRR. <https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf> (date of application 29.12.2022). (In Russ.).
10. Top-20 innovative regions. https://raex-rr.com/country/region_potential/rating_of_regions_by_innovation_potential (date of application 29.08.2022). (In Russ.).
11. *Untura G.A., Esikova T.N., Zaitsev I.D., Moroshkina O.N.* Problems and tools of analytics of innovative development of subjects of the Russian Federation // *World of economics and management*. 2014. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-instrumenty-analitiki-innovatsionnogo-razvitiya-subektov-rr> (date of application 16.02.23). (In Russ.).
12. *Arkhipova M.Yu., Kuchmaeva O.V.* The social demand of Russians for innovation (according to a sample survey) // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2018 №2. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-zapros-rossiyan-na-innovatsii-po-dannym-vyborochnogo-obsledovaniya> (date of application 04.02.23). (In Russ.).
13. *Chichkanov V.P., Sukharev O.S., Vorobyeva M.V.* Scientific and technological development: measurement problems in the regional context // *Scientific Bulletin of the military-industrial complex of Russia*. 2022. № 3. Pp. 74–79. DOI: 10.52135/2410-4124_2022_3_74. – EDN YXQKEA. (In Russ.).
14. *Nikitskaya E.F.* Spatial unevenness of innovative development of macro-regions and regions of Russia // *Federalism*. 2020. Vol. 25. № 4 (100). Pp. 68–89. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 13.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Наталия Николаевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7026-2856

volkova@inecon.ru

Романюк Эвелина Игоревна – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3178-6451

Romvel57@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia N. Volkova – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7026-2856

volkova@inecon.ru

Evelina I. Romanyuk – Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3178-6451

romvel57@yandex.ru

RATING OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

In this paper, the authors continue their research of the scientific and technological development of the Russian Federation's regions. The relevance of this issue in the context of technological sanctions pressure blocking the country's access to foreign technologies and investment resources is increasing. Given the federal nature of the state, its subjects' different levels of development in all spheres, including science and technology, and the shortage of resources, it seems appropriate to identify local scientific and technological growth points. The authors provide a comparative analysis of various methods for rating scientific and technological development, including the governmental one. In addition, they propose their own methodology based on existing statistical data, and rate Russian regions taking into account different aspects of scientific and technological development.

The authors have come to a conclusion about the uneven scientific and technological development of the subjects of the Russian Federation, which is caused by the existing spatial distribution of scientific and technological infrastructure. They have identified a small group of regions determining the index for Russia as a whole. These regions are the country's centers of innovative development where the necessary scientific and technological infrastructure was created, hosting leading research institutes and higher educational institutions with the high R&D potential.

Keywords: *rating, scientific and technological development, regional development, comparative analysis.*

JEL: O18, R11.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

О.Ю. БОЛДЫРЕВ

кандидат юридических наук, доцент кафедры политической экономики
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
ассистент кафедры конституционного и муниципального права
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник Института экономической политики
и проблем экономической безопасности Финансового университета
при Правительстве РФ

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В РАМКАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В статье представлен в кратком изложении процесс развития политической экономики. Тезисно раскрываются принципиальные отличия методологии политической экономики от методологии economic. Показывается, что современная политическая экономика не сводится ни к марксизму, ни к «новой политической экономике» Дж. Бьюкенена. Обосновывается актуальность исследований в рамках институциональной политической экономики, способной развить достижения классической политической экономики, традиционного институционализма и институционально-эволюционной теории. Конституционную политическую экономию предлагается развивать в рамках именно этого направления политико-экономических исследований.

Ключевые слова: конституционная политическая экономика, конституционная экономика, политическая экономика, институциональная политическая экономика, традиционный институционализм, методология экономической науки.

УДК: 303, 330.101, 330.8

EDN: QCYHNA

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_73_85

Конституционная экономика и конституционная политическая экономия развиваются на стыке экономической и конституционно-правовой наук, являясь междисциплинарными направлениями¹. По мнению П.Д. Баренбойма, эти направления «...укладываются в рамки конституционно-экономической теории, начатой Адамом Смитом...», а разница между ними «только в прилагательном и терминах «экономика» и «экономия» [3, с. 13–14]. Соглашаясь с П.Д. Баренбоймом в том, что можно выделять широкое понятие «конституционно-экономической теории» [4], не согласимся ни с тем, что политическая экономия вписывается в рамки этой теории (несмотря на возможность вычленить у некоторых классиков политэкономии конституционный аспект [4]), ни с тем, что содержательного различия между экономикой (economics) и политической экономией не существует.

Во-первых, методологический выбор – изучать ли экономику «в чистом виде» или же включать туда политический аспект и иные социальные аспекты – приводит исследователей к разным результатам как в видении мира, так и в практических рекомендациях по его преобразованию. Еще С. Сисмонди писал, что проблема, стоящая перед социальными науками, сложнее, чем проблемы естественных наук, так как обращается к сердцу человека, а исследователь «...не должен хладнокровно наблюдать ... страдания и не может проходить без ответа, не указывая какого-нибудь средства для их исцеления» [26, с. 140].

Во-вторых, различия в терминах «экономика» («economics») и «политическая экономия» не сводятся ни к окончанию (экономика, экономия), ни к наличию прилагательного «политическая». Если бы дело было только в прилагательном, можно было бы считать его лишь уточнением, о каком направлении economics идет речь. В таком случае требовалось бы признать политическую экономию разновидностью economics. Однако политическая экономия и economics – это разные направления экономической науки.

До конца XIX в. политическая экономия выполняла роль базовой экономической науки, ее теории. Ее создатели – меркантилисты – интересовались экономикой государства (полиса) и предлагали практические рекомендации в области государственной политики. Говоря современным языком, меркантилисты занимались макроэкономикой и макроэкономической политикой. Позже, в трудах представителей либеральной политической экономии, получило развитие и то, что назовут микроэкономикой. Однако, обратившись к индивидам, классики либеральной политической экономии не отбросили и политический аспект.

Во-первых, они писали о богатстве народов (государств) – пусть и осуществляя поиск его причин, в том числе во взаимодействии инди-

¹ См. предыдущие статьи автора, в частности [4].

видов внутри государства. А. Смит рассматривал политическую экономию как «отрасль науки государственного человека и законодателя», задачи которой – обеспечить народу средства к существованию и дать необходимые государству доходы. Книга V его «Исследования о природе и причине богатства народов» была посвящена функциям государства [27, с. 651–879]. Аналогично и вторая часть первого русского учебника по политической экономии Х.А. Шлёцера «Начальные основания государственного хозяйства, или Науки о народном богатстве», называвшаяся «Собственно политическая экономия», была посвящена функциям государства и его экономической политике [28, с. 24].

Во-вторых, методология политэкономов была междисциплинарно–обществоведческой, учитывавшей политические и иные социальные, а также этический аспекты. Так, подход А. Смита, будучи глубоко контекстуальным, противостоял «...универсализму, формализму и обрыву научной традиции» [30, с. 9]. Нельзя также забывать, что многие политэкономы не были «чистыми экономистами». А. Смит был моральным философом, И. Бентам – юристом и философом, Дж.Ст. Милль – политическим философом и логиком, С. Сисмонди – историком, Л. фон Штейн – историком, юристом и философом. Если же говорить о марксизме, то он с момента своего возникновения представлял междисциплинарное направление.

Создатели маржинализма (Джевонс, Менгер и Вальрас), хотя и продолжали использовать термин «политическая экономия», но лишь сохраняли приверженность традиции. Л. Вальрас критиковал А. Смита за устремленность его теории на практические результаты. По мнению Л. Вальраса, «...характер собственно науки состоит в полном бескорыстии, с которым она стремится найти чистую истину независимо от каких-либо полезных или вредных последствий» [10, с. 4]. В его работе «Элементы чистой политической экономии» был сформулирован отход от обществоведческого подхода в пользу создания «чистой экономической науки». По мнению Вальраса и его соратников, использование математики не нарушало эту «чистоту», а придавало экономике «строгость», подобную естественным наукам, из которых в качестве образца бралась в первую очередь ньютоновская механика и термодинамика [19]².

Представляется, что Л. Вальрас допустил два дискуссионных утверждения. Во-первых, он редуцировал понимание науки лишь до «чистой» теории. Между тем даже в естественных науках есть науки преимущественно прикладные (например, медицина). Такие же общественные науки, как юриспруденция и экономика, изначально под-

² Исключение составляет К. Менгер, заложивший основы австрийской школы, скептически относившейся к использованию математического аппарата.

разумевают прикладную направленность, что не отрицает, конечно, возможности проведения и чисто абстрактных исследований – как из познавательного интереса, так и в целях более глубокого познания действительности, которую предполагается реформировать.

Во-вторых, имеет место дискуссия, а существует ли вообще в экономической науке та «чистая истина», о которой писал Вальрас. Ее существование в виде объективных экономических законов признавали не только представители классической либеральной политэкономии и неоклассики, но и их политические противники – марксисты. В то же время ряд исследователей, в частности, глава немецкой исторической школы Г. Шмоллер, ставили ее под сомнение, отводя ключевую роль не экономическим законам, а институтам, существующим в конкретном обществе. Более того, вокруг признания «объективных истин» в общественных науках ведется борьба, обусловленная не только научными, но и идеологическими причинами. Как писал А. Уайтхед, «...если бы теорема Евклида затрагивала финансовые или политические интересы, то она была бы предметом самых яростных споров» [29, с. 16]. И сегодня экономисты признают, что «...экономическая наука, находясь в эпицентре столкновения экономических интересов разных групп населения, не может не отражать их в своих научных позициях» [25, с. 68]. В связи с этим можно вспомнить слова лауреата Нобелевской премии по экономике Г. Мюрдаля: «...каждое исследование социальной проблемы<...> определяется и должно определяться оценками. «Безразличная» социальная наука никогда не существовала и не будет существовать. На протяжении всей истории социальных исследований сокрытие оценок маскировало стремления ученого избежать постановки действительных проблем» [22, с. 98–99].

Подвергнув критике Л. Вальраса, попытаемся и несколько оправдать его. Несмотря на критику понимания политической экономии А. Смитом, Вальрас не считал ее и наукой только естественной. В политической экономии он выделял три составляющих – «науку естественную, науку о морали и искусство» [10, с. 9]. При этом Вальрас не отрицал значения социально-этических факторов и даже называл себя «научным социалистом». Тем не менее, представляется, что он слишком увлекся первой составляющей политической экономии, причем не просто как естественной науки, а как науки точной, в основе которой должна лежать математика, что впоследствии было абсолютизировано неоклассическим мейнстримом.

Сегодня экономический мейнстрим берет за образец естественные науки. Но, говоря, что критерием научности является применение математики, его представители не учитывают историю самого естествознания. Следуя такому критерию, можно сделать вывод, что, например, «...микробиология Луи Пастера не является научной, так

как «ни одного вычисления нет в семи томах полного собрания сочинений Пастера» [15, с. 7]. Все чаще высказывается мысль, что если и выстраивать экономическую науку по образцу естественных наук, то им должна быть не столько физика, сколько биология (так называемая эволюционная экономика). При этом использование математики возможно, но, во-первых, оно не должно быть избыточным, а, во-вторых, возникает вопрос о том, какой именно математический аппарат использовать. Так, хотя Й. Шумпетер и восхищался Л. Вальрасом с его математической статической теорией экономического равновесия [33, с. 120], но сам сделал акцент на динамике и предвосхитил возникновение эволюционной экономики.

Как отмечает Д.С. Чернавский, Шумпетер сформулировал основные положения будущего эволюционного направления вербально, «но настолько четко и ясно, что их легко перевести на язык математических моделей» [32, с. 298]. Правда, открытым остается вопрос: требуется ли их переводить на язык математики – подобно тому, как нужно ли было А. Маршаллу переводить на язык математики идеи классиков политической экономии, а позже Дж. Хиксу математически излагать теорию Кейнса³? Но Д.С. Чернавский, как представляется, прав в том, что если и использовать математический аппарат, то он должен быть адекватен анализируемым динамическим процессам: если и из физики, то не из классической ньютоновской механики, а из современной физики, описывающей нелинейные динамические процессы. Этот подход находит отражение в таких новейших направлениях исследований, как «синергетическая экономика» [32, с. 298] или анализ неравновесных экономических процессов (эволюционно-синергетическая парадигма) [18].

Возможности математического аппарата в экономических исследованиях, особенно в их «расчетной части», при обработке экономической статистики, в актуарных расчетах и т.д., конечно, нельзя принижать. Но одновременно, как писал М. Алле, «Целые области экономики <...> могут изучаться ... без помощи математики» [1, с. 39]. Разумеется, нельзя говорить, что все неоклассики, увлекшись математическими формулами, пожертвовали этикой. Не только Вальрас, но и частично А. Маршалл и А. Пигу симпатизировали левым идеям и необходимости этического решения социального вопроса. А О. Ланге пытался на языке математической неоклассики доказать возможность рационального планирования при социализме. Тем не менее надо признать, что переход от политической экономии к неоклассическому economics

³ Показательно, что Дж.М. Кейнс прекрасно владел математикой и был даже автором работы по теории вероятностей. Но в своей знаменитой работе «Общая теория занятости, процента и денег» он практически не использует математический аппарат.

привел к отбрасыванию социально-политических и этических аспектов, являющихся очень важными в общественных науках.

При этом марксистское направление политической экономии продолжало в XX в. развиваться в СССР и других социалистических государствах. Развивалась политическая экономия и в других государствах, где имелась национальная школа, отличная от *economics* (например, историческая школа в Германии).

В «англо-американском мире» политическая экономия тоже не умерла. Во-первых, в некоторых аспектах ее подходы были возрождены в рамках традиционного институционализма⁴ [11, с. 27]. Причем, если У. Гамильтон и Дж. Коммонс продолжали подход немецкой исторической школы [15], то Т. Веблен находился под влиянием классической политической экономии [8, с. 6], а в конце XX в. такой институционалист, как У. Даггер, прямо подчеркнул близость своей теории марксизму [17, с. 8].

Во-вторых, политическую экономию продолжили развивать западные марксисты. На Западе возникли и такие частично пересекающиеся с марксизмом направления, как радикальная политическая экономия [9] и неорикардизм. Кроме того, так называемое посткейнсианство, в отличие от некейнсианства, тяготеет в большей степени не к *economics*, а к политической экономии и также имеет пересечения с неомарксизмом. Как отмечал С.С. Дзарасов, источником посткейнсианства не менее, чем идеи Кейнса, послужили идеи К. Маркса и опередившего Кейнса экономиста марксистского направления М. Калецкого [14, с. 5–6, 13].

В-третьих, за последние десятилетия получили известность направления, связываемые с именем Дж. Бьюкенена: новая политическая экономия и конституционная политическая экономия. Правда, от классической политической экономии Дж. Бьюкенен позаимствовал лишь термин. Методология же исследования представляет методологию *economics*, хотя предмет исследования был расширен. Поэтому логичнее было бы называть подход Бьюкенена неоклассической экономической политологией.

⁴ Используются также термины «исходный», «оригинальный», «старый» институционализм. Но термин «старый» представляется неверным: подходы традиционного институционализма не умерли. Их поддерживали К. Эйрс, Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Дж.К. Гэлбрейт, Р. Хейлбронер. Одним из признанных современных продолжателей традиционного институционализма является Дж. Ходжсон. Иногда к ним относят и нобелевского лауреата по экономике А. Сена [31]. Интересно, что и Д. Норт, ставший лауреатом Нобелевской премии по экономике за работы по новому институционализму, позже вернулся к традиционному [15, с. 274]. Последователем традиционного институционализма был доцент кафедры политической экономии МГУ имени М.В. Ломоносова А.И. Московский [21, с. 110–124]. Жестко стоит на позиции именно традиционного институционализма в версии Дж. Коммонса д.э.н. В.М. Ефимов [15].

В-четвертых, на стыке науки международных отношений и экономической науки возникло направление «международная политическая экономия». Также развивается такое направление, как геополитическая экономия /геоэкономика [35; 12; 13].

Сегодня термин «политическая экономия» часто понимается в значении либо новой политической экономии (Дж. Бьюкенен и др.) [23], либо неомарксистской политической экономии. Однако исследователи могут использовать его и в иных значениях.

Так, как политико-экономические могут рассматриваться работы, продолжающие домарксистскую политическую экономию. Их дальнейшее развитие возможно и не в рамках марксистской политэкономии, и не в рамках неоклассики. Неорикардизм, как говорилось, во многом пересекается с неомарксизмом и посткейнсианством. Исследователи пишут и о неосмитианстве, предлагая заимствовать от А. Смита не столько идею «невидимой руки рынка», сколько отказ от «абстрактности и социальной отрешенности экономической теории» [30; 2]. А, например, политическую экономию Дж. Ст. Милля можно рассматривать как одну из попыток совместить исследование «сущего» – законов производства, которые он рассматривал как объективно заданные, – с конструированием «должного» – приемлемой модели распределения, которая, по замечанию Милля, «...всецело является делом человеческого учреждения» [20, с. 337–338]. Ведутся исследования, продолжающие и досмитианскую политическую экономию. Причем речь может идти как о рекомендациях в области экономической политики (так называемый неомеркантилизм), так и о методологических аспектах [15, с. 8, 345–346].

Под политической экономией сегодня может пониматься и продолжение исследований экономических школ, которые уже с XIX в. искали «третий путь» между либерализмом и социализмом. Так, С. Сисмонди, а позже Ш. Жид и некоторые другие авторы подходили к экономике с социально-этических позиций, критиковали либеральную политэкономия, но и не встали на позиции социализма. Учение Ш. Жида о «социальной экономии» [16] можно отнести к политической экономии в широком смысле слова, учитывающей политические, социальные и этические аспекты, т.е. как альтернативе economics. Сюда же можно отнести те направления социалистической политэкономии, которые, в отличие от марксизма, рассматривали эволюционный путь движения к социализму (фабианский социализм, «ревизионизм» марксизма Э. Бернштейна, «частичный ревизионизм» в поздних работах Р. Гильфердинга и др.).

Некоторые авторы ставят вопрос и о продолжении национальной политической экономии производительных сил Ф. Листа, которую он противопоставил «космополитической политической экономии

меновых ценностей» А. Смита [24, с. 10]. В некотором смысле ее современным продолжением можно считать геополитическую экономию [13, с. 251].

Возможно также развитие подходов немецкой исторической школы Г. Шмоллера и близких ей направлений в других государствах (У. Каннингем – в Англии, И.И. Янжул – в России, Р. Эли – в США). Так, хотя сегодня принято считать, что в знаменитом споре о методах (какой быть экономической науке) между Г. Шмоллером и К. Менгером победил сторонник «универсальной» науки Менгер, некоторые исследователи призывают вернуться к подходу Шмоллера, предлагавшего изучать экономическую реальность в конкретном государстве в конкретный исторический период и на основе этого вырабатывать практические рекомендации [15].

Наконец, под политической экономией можно понимать те направления экономической науки, которые учитывают политические, а если шире, то и социальные, культурные и этические аспекты [27, с. 140; 11, с. 27] и используют методологию различных общественных наук и этики. Например, Г. Сиджвик в конце XIX в. уделял особое внимание этическому аспекту. Обращение к нему и к методологии различных общественных наук и философии сегодня можно увидеть у лауреата Нобелевской премии по экономике А. Сена. Академик РАН О.Т. Богомолов интересовался взаимовлиянием экономики и общественной среды, а академик РАН Д.С. Львов писал о «нравственной экономике». Здесь налицо пересечение с традиционным институционализмом.

Поэтому представляется верным, что «...следует ожидать синтеза институциональной экономики и политэкономии» [11, с. 27] и развития институциональной политической экономии [7; 34]. В рамках последней и на стыке с юриспруденцией и политологией возможно развивать конституционную политическую экономию [4; 5; 6], но не в понимании Дж. Бьюкенена как применение методов *economics* к политической сфере, а как исследование взаимовлияния экономики, конституционного права и политики, опирающееся на методологию и подходы и экономической науки (включая школы классической политической экономии, традиционный институционализм и институционально-эволюционную теорию), и юридической и политической наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алле М. Экономика как наука. М., 1995.
2. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009.
3. Баренбойм П.Д. Российская школа конституционной экономики (конституционной политической экономики, конституционно-правовой экономики). Фантомы, мифы и термины конституционно-экономической теории // Ежегодник Конституционной Экономики. 2018 / Отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. Составитель П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2018. С. 7–18.
4. Болдырев О.Ю. Политэкономический анализ права и конституционная политэкономия как альтернативы «экономическому империализму» // Вопросы политической экономии. 2023. № 1. С. 94–108.
5. Болдырев О.Ю. Конституционная реформа-2020 и экономическое развитие России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 94–107.
6. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / научн. ред. С.А. Авакьян. М.: Проспект, 2018.
7. Буайе Р., Бруско Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. 2008. №3. Т. 9. С. 17–25.
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И., Московский А.И. Марксизм и институционализм: сравнительное исследование // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика, 2012. № 5. С. 3–18.
9. Вайскопф Т.Э. Размышления о пятидесятилетней истории радикальной политической экономии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, 2015. Сер. 5. Вып. 1. С. 69–84.
10. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000.
11. Воейков М.И. Политическая экономия в российской традиции: от Посошкова до Абалкина / IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Т. I. Тематическая конференция «Политическая экономия» (сборник материалов) / Составители Д.А. Веселов, Г.Д. Гловели, А.М. Либман. М. 2020. С. 27–29.
12. Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя, 2009.
13. Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: Монография / Р. Десаи. Науч. ред. российского издания С.Д. Бодрунов. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центр каталог, 2020.
14. Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2012.
15. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. Монография. М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016.
16. Жид Ш. Возникновение и развитие социальной экономии в XIX в. / Проблемы экономики: От истории социальной экономии до вопроса о мелком земледелии. Лекции профессоров Русской высшей школы общественных наук в Париже. Изд. Стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2022.
17. Кирдина-Чэндлер С.Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Journal of Institutional Studies. 2017. № 4. Т. 9. С. 6–16.

18. *Маевский В.И.* Об эволюционно-синергетической парадигме в экономике / Очерки по экономической синергетике / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 9–17.
19. *Майровски Ф.* Физика и «маржиналистская революция» // *TERRA ECONOMICUS*. 2012. № 1. Т. 10. С. 100–116.
20. *Мильт Дж.С.* Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. М.: Изд. «Прогресс», 1980. Т. 1.
21. *Московский А.И.* Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // *Вопросы экономики*. 2009. № 3. С. 110–124.
22. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира». М.: Прогресс, 1972.
23. *Нуреев Р.М.* Политическая экономия: старая и новая // *Journal of Institutional Studies*. 2011. № 3. Т. 3. С. 4–10.
24. *Олейников А.А.* Политическая экономия национального хозяйства / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
25. *Рязанов В.Т.* Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2010. Сер. 5. Вып. 3. С. 66–84.
26. *Сисмонди С.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
27. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов [пер. с англ. П. Ключкина]. М.: Эксмо, 2016.
28. *Сорокин Д.Е.* Российская политико-экономическая мысль: основные черты и традиции // *Вопросы экономики*. 2001. № 2. С. 18–27.
29. *Уайтхед А.* Избранные работы по философии. М., 1990.
30. *Федотова В.Г., Колпаков В.А.* Эволюция экономической теории: от А. Смита к неосмитианству // *Мир перемен*. 2010. № 4. С. 9–25.
31. *Худокормов А.Г.* Амартия Сен – представитель левореформистского направления современной институциональной теории (о творчестве индийского экономиста – лауреата Нобелевской премии по экономике) // *Российский экономический журнал*. 2008. № 5–6. С. 45–69.
32. *Чернавский Д.С.* О математическом аппарате эволюционной экономики / Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты. Материалы международного симпозиума по эволюционной экономике и методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. СПб.: Алетея, 2015. С. 294–300.
33. *Шумпетер Й.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса / пер. с англ. Н.В. Автономовой, И.М. Осадчей, Н.А. Розинской, под науч. ред. В.С. Автономова. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
34. *Ha-Joon Chang.* Breaking the Mould: An Institutionalist Political Economy Alternative to Neo-Liberal Theory of the Market and the State // *Cambridge Journal of Economics*. 2002, February, Pp. 539–559.
35. *Luttwak E.* From Geopolitics to Geoeconomics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // *The National Interest*. 1990. № 20. Pp. 17–24.

REFERENCES

1. *Alle M.* Economics as a science. M., 1995. (In Russ).
2. *Arrighi J.* Adam Smith in Beijing. What did the 21st century inherit. M.: Institute of public design. 2009. (In Russ).
3. *Barenboim P.D.* Russian school of constitutional economics (constitutional political economics, constitutional legal economics). Phantoms, myths and terms of constitutional economic theory // Yearbook of Constitutional Economics. 2018 / Managing editors S.A. Avakyan, P.D. Barenboim, V.V. Komarov. Compiled by P.D. Barenboim. M.: LUM. 2018. Pp. 7–18. (In Russ).
4. *Boldyrev O.Yu.* The Political Economic Analysis of Law and Constitutional Political Economy as an Alternative to “Economic Imperialism” // Issues of Political Economy. 2023. No. 1. Pp. 94–108. (In Russ).
5. *Boldyrev O.Yu.* Constitutional reform-2020 and the economic development of Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 5. Pp. 94–107. (In Russ).
6. *Boldyrev O.Yu.* Economic sovereignty of the state and the constitutional and legal mechanisms of its protection: monograph / scientific. ed. S.A. Avakyan. Moscow: Prospect. 2018. (In Russ).
7. *Boyer R., Brousseau E., Kaye A., Favreau O.* Toward the establishment of institutional political economy // Economic sociology. 2008. T. 9. No. 3. Pp. 17–25. (In Russ).
8. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I., Moskovsky A.I.* Marxism and institutionalism: a comparative study // Moscow University Bulletin. Series 6: Economics, 2012. No. 5. Pp. 3–18. (In Russ).
9. *Weiskopf T.E.* Reflections on the fifty-year history of radical political economy // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. 2015. Ser. 5. Issue. 1. P. 69–84. (In Russ).
10. *Walras L.* Elements of pure political economy. M.: Izograph. 2000. (In Russ).
11. *Voikov M.I.* Political economy in the Russian tradition: from Pososhkov to Abalkin / IV Russian Economic Congress “REK-2020”. Volume I. Thematic Conference “Political Economy” (collection of materials) / Compiled by D. A. Veselov, G. D. Gloveli, A. M. Libman. M. 2020. P. 27–29. (In Russ).
12. *Gloveli G.D.* Geopolitical Economy in Russia from Discussions of Identity to Global Models (19th century – first third of the 20th century). SPb.: Aletheia. 2009. (In Russ).
13. *Desai R.* Geopolitical Economy: After American Hegemony, Globalization and Empire: Monograph / Radika Desai; scientific ed. Russian edition of S.D. Bodrunov. M.: INIR im. S.Yu. Witte: Center catalogue, 2020. (In Russ).
14. *Dzarasov S.S.* Where is Keynes calling Russia? M.: Algorithm. 2012. (In Russ).
15. *Efimov V.M.* Economics in question: different methodology, history and research practices. Monograph. M.: COURSE: INFRA-M. 2016. (In Russ).
16. *Zhid Sh.* The emergence and development of social economy in the XIX century. / Problems of the economy: From the history of social economy to the question of small-scale agriculture. Lectures by professors of the Russian Higher School of Social Sciences in Paris. Ed. Stereotype. M.: LENAND. 2022. (In Russ).
17. *Kirdina-Chandler S.G.* Radical institutionalism and fake economy in the 21st century // Journal of Institutional Studies, 2017. Vol. 9. No. 4. Pp. 6–16. (In Russ).
18. *Maevsky V.I.* On the evolutionary-synergetic paradigm in economics / Essays on economic synergetics / Ed. IN AND. Mayevsky, S.G. KirdinaChandler, M.A. Deryabina. M.: IE RAN, 2017. Pp. 9–17. (In Russ).

19. *Mairowski F.* Physics and “marginalist revolution” // *TERRA ECONOMICUS*, 2012. Vol. 10. No. 1. Pp. 100–116. (In Russ).
20. *Mill J.S.* Fundamentals of political economy and some aspects of their application to social philosophy. M.: Progress Publishing House. 1980. Vol. 1. (In Russ).
21. *Moskovsky A.I.* Institutionalism: theory, decision-making basis, method of criticism // *Questions of Economics*. 2009. No. 3. Pp. 110–124. (In Russ).
22. *Myrdal G.* Modern problems of the “third world”. M.: Progress Publishing House. 1972. (In Russ).
23. *Nureev R.M.* Political Economy: Old and New // *Journal of Institutional Studies*. 2011. Vol. 3. No. 3. Pp. 4–10. (In Russ).
24. *Oleinikov A.A.* Political economy of the national economy. / Rev. ed. O.A. Platonov. M.: Institute of Russian Civilization. 2010. (In Russ).
25. *Ryazanov V.T.* Russian school of economic thought: universal-general and national-special // *Bulletin of St. Petersburg University*. 2010. Ser. 5. № 4. P. 66–84. (In Russ).
26. *Sismondì S.* New principles of political economy or wealth in relation to population. M.: State socio-economic publishing house. 1937. (In Russ).
27. *Smith A.* Research on the nature and causes of the wealth of nations [per. from English. P. Klyukina]. M.: Eksmo. 2016. (In Russ).
28. *Sorokin D.E.* Russian political and economic thought: main features and traditions // *Questions of Economics*, 2001. No. 2. Pp. 18–27. (In Russ).
29. *Whitehead A.* Selected Works in Philosophy. M., 1990. (In Russ).
30. *Fedotova V.G., Kolpakov V.A.* The evolution of economic theory: from A. Smith to neo-Smithism // *World of Changes*. 2010. № 4. Pp. 9– 25. (In Russ).
31. *Khudokormov A.G.* Amartya Sen is a representative of the left-wing reformist direction of modern institutional theory (on the work of an Indian economist – Nobel Prize winner in economics) // *Russian Economic Journal*. 2008. No. 5–6. Pp. 45–69. (In Russ).
32. *Chernavsky D.S.* On the mathematical apparatus of evolutionary economics / *Evolution of economic theory: reproduction, technology, institutions. Proceedings of the International Symposium on Evolutionary Economics and Methodological Seminar on Institutional and Evolutionary Economics*. SPb.: Aleteyya, 2015. Pp. 294–300. (In Russ).
33. *Schumpeter J.* Ten great economists from Marx to Keynes [Text] / transl. from English. N. V. Avtonomova, I. M. Osadchey, N. A. Rozinskaya; under scientific ed. V.S. Avtonomov. M.: Ed. Gaidar Institute. 2011. (In Russ).
34. *Ha-Joon Chang* Breaking the Mould: An Institutional Political Economy Alternative to Neo-Liberal Theory of the Market and the State // *Cambridge Journal of Economics*, 2002, February. Pp. 539–559.
35. *Luttwak E.* From Geopolitics to Geo economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*. 1990. №20. Pp. 17–24.

Дата поступления рукописи: 01.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болдырев Олег Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7030-1501

oleg211291@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oleg Yu. Boldyrev – Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; Assistant at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher at the Institute for Economic Policy and Economic Security Problems of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7030-1501

oleg211291@bk.ru

ON THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL POLITICAL ECONOMY IN THE FRAMEWORK OF "INSTITUTIONAL POLITICAL ECONOMY"

The article presents a brief summary of the development of political economy. The fundamental differences between the methodology of political economy and the methodology of economics are briefly described. It is shown that modern political economy is not reduced to either Marxism or the "new political economy" of J. Buchanan. The relevance of research within the framework of institutional political economy, which is capable of developing the achievements of classical political economy, traditional institutionalism and institutional evolutionary theory, is substantiated. It is proposed to develop constitutional political economy within the framework of this particular area of political and economic research.

Keywords: *constitutional political economy, constitutional economics, political economy, institutional political economy, traditional institutionalism, methodology of economic science.*

JEL: A12, A13, B1, B2, B4, B52, K00.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.А. СИДОРОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных
экономических отношений и внешнеэкономических связей
им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России

ДОСТУП НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ФАКТОРЫ

В статье анализируется понятие «доступ на внешние рынки» и теоретические подходы к исследованию этой категории. Разграничиваются понятия «доступ на внешние рынки» и «поддержка экспорта». Представлена система факторов, определяющих доступ на внешние рынки. Выделены факторы общего порядка, а также обусловленные состоянием общехозяйственной и товарной конъюнктуры факторы I и II порядка. Факторы I порядка непосредственно связаны с внешнеторговой политикой, факторы II порядка – с иными видами экономической политики. Определены современные тенденции указанных групп факторов и их значимость для России. Отдельно проанализировано влияние экономической интеграции на формирование условий доступа на рынок. В зависимости от стадии экономической интеграции отслеживается степень интегрированности групп факторов доступа на рынок, а также уровень их преимущественного формирования (национальный либо наднациональный).

Ключевые слова: доступ на внешние рынки, преференциальные торговые соглашения, экономическая политика, внешнеторговая политика, тарифные барьеры, нетарифные барьеры, промышленная политика, национальная безопасность, защита окружающей среды, экономическая интеграция.

УДК: 339.5, 339.98

EDN: SGBXYX

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_86_107

Доступ на внешние рынки как экономическая категория и объект исследования

Исследованию понятия «доступ на внешние рынки», его определению и научному осмыслению в имеющейся на сегодняшний день научной литературе посвящено очень небольшое количество работ. Это в значительной степени связано с использованием данного термина преимущественно в практической деятельности бизнеса и государ-

ственных органов. Например, в Минэкономразвития России¹, в Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)², Федеральном центре развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России³, в Министерстве иностранных дел Финляндии⁴, Министерстве сельского хозяйства США⁵ существуют специальные подразделения или осуществляется деятельность, связанная с вопросами доступа на внешние рынки.

При этом общепринятого определения понятия «доступ на внешние рынки» пока нет. Так, ВТО определяет доступ на рынок как условия, тарифные и нетарифные меры, согласованные членами Организации для поступления конкретных товаров на свои рынки⁶. С одной стороны, эта формулировка соответствует практической направленности организации, с другой – не в полной мере раскрывает сущность рассматриваемой категории.

В зарубежной научной литературе понятие «доступ на внешние рынки», как правило, упоминается без конкретных определений и теоретических осмыслений. Финский исследователь Ю. Снелл отмечает, что точное содержание данного понятия остается неясным, а его использование в практике ЕС и ВТО не дает точных ориентиров [23, р. 437].

Некоторые экономисты предпринимают попытки более глубокого рассмотрения сущности доступа на внешние рынки, при этом, как правило, уделяя внимание отдельным аспектам данной категории. Так, М. Фугацца и А. Ничита рассматривают влияние на международную торговлю преференциального доступа на рынок. Отмечается, что он отрицательно влияет на торговлю, поскольку предоставление отдельным странам относительных преимуществ, по сути, является дискриминационным [21, р. 2]. Рассматривая доступ на рынок с позиции экспортера, эти авторы отмечают, что доступ на рынки других стран зависит не только от трудностей, с которыми экспортеры сталкиваются по сравнению с внутренними производителями, но и от относительных преимуществ или барьеров, с которыми сталкиваются одни экспортеры по сравнению с другими [19, р. 5]. Данные экономисты, по сути,

¹ Доступ на внешние рынки и защитные меры. https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/dostup_na_vneshnie_rynki_i_zashchitnye_mery/.

² Доступ на внешние рынки и урегулирование торговых споров. <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/dostup.php>.

³ Доступ на внешние рынки. <https://aemcx.ru/support/access/>.

⁴ Market Access Unit. <https://um.fi/market-access-unit>.

⁵ Market Access Program (MAP). <https://www.fas.usda.gov/programs/market-access-program-map>.

⁶ Market access for goods. https://www.wto.org/english/tratop_e/markacc_e/markacc_e.htm.

рассматривают влияние только таможенно-тарифных средств внешне-торговой политики на условия доступа.

На преференциальном аспекте доступа на внешние рынки концентрируются и С. Каррер, Х. де Мело, Б. Тумурчудур. Они отмечают, что одна из целей переговоров о создании зоны свободной торговли – выровнять правила игры и взаимные условия доступа на рынок за счет других торговых партнеров [17, р. 2].

Несколько шире рассматривают вопросы доступа на внешние рынки А. Эстевадеордал, М. Ширер и К. Суоминен. Они выделяют 6 составляющих преференциального доступа на внешние рынки: таможенно-тарифные меры (как предыдущие авторы), а также нетарифные, «другие меры», специальные режимы, правила происхождения и таможенные процедуры [18, р. 2]. Влияние региональной интеграции на доступ на рынок также рассматривают эксперты Всемирного банка (ВБ) М. Шифф и Л. Уинтерс [15], Б. Хокман, М. Шифф, Ю. Гото [13, с. 198].

О разных составляющих доступа на внешние рынки в контексте присоединения к ВТО упоминают зарубежные эксперты ВБ и российские специалисты. Так, К. Михалопулос пишет о режиме наибольшего благоприятствования (РНБ), предоставляемом членам ВТО, а также более частом применении антидемпинговых мер против не-членов этой организации [13, с. 280]. Е. Серова и Н. Карлова, рассматривая сельскохозяйственные товары, отмечают связывание и снижение ввозных таможенных пошлин, тарификацию нетарифных ограничений, обеспечение минимальных возможностей доступа на рынок в качестве обязательств и, соответственно, последствий присоединения к ВТО [13, с. 306–307].

Н.В. Киреенко, не давая определения самого понятия, приводит подробную классификацию требований к сельскохозяйственным товарам по доступу на потенциальные внешние рынки [2, с. 76]. Ее система отражает как общие подходы ВТО к классификации мер внешнеторговой политики, так и отраслевую специфику.

Дж. Бхагвати, размышляя о том, как менее развитые страны могут расширить доступ на рынки развитых стран, выделил три основных элемента. К ним относятся: 1) барьеры в менее развитых странах, которые препятствуют экспорту; 2) ограничения со стороны предложения, которые не позволяли большинству менее развитых стран активно участвовать в многосторонней торговой системе; 3) степень «проницаемости» рынков (the degree of market penetrability) развитых стран [24, р. 1–2].

Таким образом, Дж. Бхагвати, не давая конкретного определения понятию «доступ на внешние рынки», приводит достаточно широкий перечень его составляющих. Первые два элемента, которые он выде-

ляет, обусловлены внутренней экономической политикой страны–экспортера. Они первичны для ведения внешнеэкономической (и внутриэкономической) деятельности в принципе. Не обеспечив предложения продукции, соответствующей количественным и качественным требованиям внешних рынков, не создав внутри страны необходимых условий для экспорта, не имеет смысла критиковать барьеры на внешних рынках и объяснять наличием последних неудовлетворительные результаты внешней торговли.

В третьем элементе, выделяемом Дж. Бхавати, в наибольшей степени отражено содержание понятия «доступ на внешние рынки». В ряде развитых стран существуют скрытые барьеры, которые затрудняют проникновение менее развитых стран на их рынки. Другими словами, открытость рынка не является синонимом более широкого доступа на рынок [24, р. 1–2]. Высокая воспроизводственная открытость экономики, то есть отношение внешнеторгового оборота к совокупному ВВП, еще не означает благоприятного доступа на соответствующий рынок. Необходимо учитывать степень «проницаемости» рынка, которая зависит от множества мер экономической политики иностранного государства. В свою очередь воспроизводственная открытость экономики зависит и от степени «проницаемости» рынка.

Широко трактуют понятие «доступ на внешние рынки» эксперты ЮНКТАД: он определяется совокупностью пограничных и внутриэкономических мер, которые повышают цену импортируемого товара [25, с. IX]. Имеются в виду тарифные и различные нетарифные меры регулирования. Эксперты ЮНКТАД также используют понятие «физический доступ на рынок» [25, р. 55], то есть издержки ведения торговли, прежде всего транспортные. Последняя составляющая определяется преимущественно факторами естественного характера.

В публикациях российских экономистов рассматриваются, как правило, отдельные элементы доступа на внешние рынки. Так, А.В. Данильцев и Т.Ю. Кошелева в контексте переговоров в рамках ВТО по доступу на рынок товаров поясняют, что речь идет о снижении или обнулении пошлин, устранении тарифных пиков, а также нетарифных барьеров [1, с. 291]. Д.И. Ушкалова, говоря о необходимости улучшения условий доступа российских товаров на перспективные внешние рынки, акцентирует внимание на развитии интеграционных процессов [14, с. 206], то есть, по сути, преференциального доступа на рынок.

Наиболее глубокое научное осмысление категории доступа на внешние рынки в отечественной литературе, который удалось найти автору, представлен у В.О. Никишиной [6]. Она отмечает неразработанность понятийного аппарата, многих вопросов доступа на внешние рынки, прежде всего методических, а также научного описания [6,

с. 7]. И сегодня теоретические и методологические вопросы доступа на внешние рынки в отечественных публикациях по-прежнему недостаточно разработаны, несмотря на очевидные проблемы российского бизнеса в этой сфере.

Тем не менее В.О. Никишина дает четкое определение понятию «доступ товаров на рынки зарубежных государств» – это способность ведения национальными предпринимателями экспортных операций той или иной степени успешности на рынках зарубежных государств. Условия доступа определяются как совокупность существующих на рынке каждого иностранного государства барьеров различной природы на пути экспорта и факторов содействия их преодолению. Под управлением доступом понимается целенаправленная деятельность предпринимателя и государства по созданию благоприятных условий ведения экспортных операций отечественными предпринимателями на рынках иностранных государств [6, с. 16]. В целом соглашаясь с приведенными определениями, необходимо, однако, внести в них ряд уточнений.

В современных условиях более корректно говорить о доступе на внешние рынки, поскольку формулировка с рынками зарубежных государств несколько сужает предмет рассмотрения. Национальные предприниматели могут вести экспортные операции и на рынках зарубежных интеграционных объединений (например, ЕС), где условия доступа формируются на наднациональном уровне. Речь может идти и о рынках административно-территориальных единиц зарубежных государств, фактически представляющих собой отдельные экономики (например, Гонконг, Тайвань) и обладающих автономией во внешнеторговой политике. В связи с этим при наименовании предмета исследования целесообразно использовать более общую формулировку «доступ на внешние рынки». В самом тексте определения необходимо отразить все варианты понимания внешнего рынка.

Приведенное определение условий доступа проясняет, от чего зависит доступ на внешние рынки, чем определяется способность ведения национальными предпринимателями экспортных операций. В данном случае речь идет исключительно о барьерах (мерах) экономической (прежде всего внешнеторговой) политики *зарубежного* государства / интеграционного объединения / административно-территориальной единицы. Таким образом, четко разграничивается влияние на экспортные операции зарубежной и национальной экономической политики. В этом отношении зарубежная политика – первична, а национальная – вторична. Последняя, при определенных условиях, может стимулировать либо затруднять ведение экспортных операций, однако в основе доступа на внешние рынки – именно первая.

При определении управления доступом В.О. Никишина акцентирует внимание на том, что на условия ведения экспортных операций

на внешних рынках может влиять как государство, так и национальные предприниматели. Государство может обеспечить благоприятные условия доступа на внешние рынки путем проведения двусторонних или многосторонних переговоров с другими государствами. Отдельные компании могут принимать участие в тех или иных процедурах (например, в антидемпинговых расследованиях), чтобы минимизировать для себя последствия введения внешнеторговых ограничений.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что условия доступа устанавливаются на макроэкономическом уровне, то есть меры экономической политики вводятся именно государственным национальным либо наднациональным органом. При этом объект этих мер, как правило, также находится на макроэкономическом уровне – отрасль или товар. В свою очередь компания путем участия в определенных процедурах может добиться условий доступа, отличных от базовых для рассматриваемой отрасли или товара. Возможны исключения – после 24 февраля 2022 г. ряд стран ввели ограничительные меры в отношении ряда российских компаний и физических лиц, в том числе предпринимателей.

С учетом вышеизложенного сформулируем уточненное и дополненное определение доступа на внешние рынки: *способность ведения национальными предпринимателями экспортных операций той или иной степени успешности на рынках зарубежных государств, интеграционных объединений, административно-территориальных единиц, обусловленная мерами зарубежной экономической (прежде всего внешнеторговой) политики. Соответственно, доступ на тот или иной зарубежный рынок может иметься либо отсутствовать, а условия доступа могут быть относительно благоприятными либо неблагоприятными.*

Приведенное определение позволяет конкретизировать предмет исследования – меры *зарубежной* экономической политики. Успешность ведения экспортных операций на зарубежных рынках может определяться и мерами национальной экономической политики, в частности, государственной поддержкой экспорта. Она может включать финансовые и нефинансовые механизмы. К последним относятся информационно-консультационная поддержка, обучение и специальные информационно-образовательные мероприятия, промоутерская поддержка (включая выставочно-ярмарочную деятельность), торговополитическая поддержка (куда относятся вопросы улучшения условий доступа на внешние рынки различными способами), политико-дипломатическая поддержка, государственная поддержка высокотехнологического экспорта, устранение избыточных административных барьеров [12, с. 134–152].

Финансовые и большинство нефинансовых механизмов стимулируют экспорт преимущественно на этапе нахождения товара внутри

страны и служат лишь дополнительным фактором повышения его конкурентоспособности. Те нефинансовые механизмы, которые способствуют реализации товара непосредственно на внешних рынках (в частности, промоутерская поддержка), также являются лишь дополнением к конкурентоспособной цене и качеству продукции наряду с принятыми внутри страны стимулирующими мерами. Таким образом, указанные механизмы способствуют повышению конкурентоспособности продукции и успешности операций на внешних рынках, однако не влияют на меры зарубежной экономической политики и на условия доступа на внешние рынки (за исключением торгово-политической поддержки экспорта). Соответственно, они не относятся к предмету доступа на внешние рынки.

Особую категорию нефинансовых механизмов составляет торгово-политическая поддержка экспорта. В ее рамках предполагается содействие государства-экспортера в улучшении условий доступа на внешние рынки, в том числе в устранении дискриминационных ограничений на зарубежном рынке. Таким образом, речь идет о воздействии экспортирующего государства на зарубежную экономическую политику, что принципиально отличает данное средство поддержки экспорта от других.

Отметим также фундаментальную роль условий доступа на внешние рынки в определении успешности ведения экспортных операций и, соответственно, политики государственной поддержки экспорта. При отсутствии благоприятных условий доступа и наличии ограничений на внешних рынках не имеют смысла ни сам экспорт, ни иные меры его поддержки, помимо торгово-политических.

С учетом изложенного необходимо разграничить понятия «доступ на внешние рынки» и «поддержка экспорта». Обе категории определяют степень успешности ведения экспортной деятельности, однако первая связана с зарубежной, вторая – с национальной экономической политикой. При этом вторая категория в части торгово-политической поддержки оказывает влияние на первую.

Сформулированное определение доступа на внешние рынки дает общее понимание, от чего он зависит. Рассмотрим и классифицируем факторы доступа на внешние рынки.

Основные факторы, определяющие доступ на внешние рынки

Для выявления факторов доступа на внешние рынки целесообразно руководствоваться индуктивным подходом, рассмотрев сначала те, которые непосредственно влияют на анализируемую категорию. В первую очередь доступ на внешние рынки зависит от зарубеж-

ной внешнеторговой политики. Ее средства можно отнести к группе факторов I порядка. Выделяются также факторы II порядка и факторы общего порядка (см. рис.), чей механизм влияния на доступ на внешние рынки будет подробно проанализирован далее, в следующих разделах статьи. Изменения в группах факторов I и II порядка в значительной степени определяются экономической конъюнктурой, в то время как факторы общего порядка, как правило, мало зависят от ее состояния. Соответственно, на рисунке факторы I и II порядка расположены под элементами «состояние общехозяйственной конъюнктуры» и «состояние товарной конъюнктуры», а факторы общего порядка – отдельно.

Источник: составлено автором.

Рис. Система факторов, определяющих доступ на внешние рынки

Средства внешнеторговой политики (или факторы доступа на внешние рынки I порядка) традиционно классифицируются на тарифные и нетарифные. К группе тарифных относят таможенные пошлины и таможенные тарифы. При анализе проблем доступа на внешние

рынки необходимо учитывать не только так называемые *прямые* условия доступа, согласно терминологии М. Фугаццы и А. Ничиты (то есть пошлины, с которыми сталкивается экспортируемая продукция), но и *относительные* (пошлины, с которыми сталкивается экспортируемая страной продукция, по сравнению с пошлинами, с которыми сталкивается продукция, экспортируемая конкурентами) [20, р. 3]. Так, если Россия сталкивается с минимальными, или базовыми пошлинами, необходимо учитывать, что в то же время ее конкуренты могут уплачивать преференциальные пошлины. Последние могут предоставляться как в рамках Общей системы преференций (для содействия экономическому развитию менее развитых стран), так и в рамках преференциальных торговых соглашений с любыми странами.

Если же страна сталкивается с преференциальными пошлинами, нужно учитывать, что такие пошлины могут предоставляться и другим партнерам. В этом случае фактическое преимущество в условиях доступа на рынок будет меньше, чем разница между пошлиной по РНБ (базовой) и преференциальной [17, р. 3]. Россия на большинство внешних рынков, в том числе основных партнеров, не имеет преференциального доступа и платит базовые пошлины.

В научной литературе распространены утверждения, что в условиях современной конкуренции значение тарифных мер существенно уменьшилось [5, с. 534], что нетарифные меры фактически заняли «нишу» тарифных барьеров в регулировании международной торговли [8, с. 132], что пошлины в целом более не являются значительным барьером [16, р. X]. Вместе с тем необходимо учитывать ряд современных тенденций применения тарифных мер, в том числе в отношении России.

В условиях вызовов, с которыми мировая экономика столкнулась в 2020–2023 гг. (распространение COVID-19 в 2020 г., постковидное восстановление в 2021 г., геополитическая напряженность 2022–2023 гг.), наблюдается рост значения мер тарифного регулирования. Они призваны в первую очередь сдерживать рост цен и касаются не только экспорта (ограничение вывоза товара для расширения предложения на внутреннем рынке), но и импорта (снижение либо установление нулевых ставок ввозных таможенных пошлин в тех же целях). Так, в ЕАЭС в 2022 г. для повышения экономической устойчивости и насыщения внутреннего рынка необходимыми товарами в условиях внешнего давления обнулены ставки ввозных таможенных пошлин по широкой номенклатуре товаров (1307 кодов ТН ВЭД ЕАЭС)⁷. Схожие меры при-

⁷ Нулевые ставки пошлин и тарифные льготы в отношении отдельных видов товаров критического импорта будут продлены до конца марта 2023 г. // Евразийская экономическая комиссия. 26.09.2022. <https://eec.eaeunion.org/news/nulevye-stavki-poshlin-i-tarifnye-lgoty-v-otnoshenii-otdelnykh-vidov-tovarov-kriticheskogo-importa-b/>.

меняются в других экономиках, что существенно влияет на доступ на внешние рынки.

В мире, по данным *Global Trade Alert* с 2009 г., наблюдается тенденция роста количества применяемых тарифных мер. Если в 2009 г. таких мер насчитывалось 490, то в 2022 г. – 610. Максимальное их число пришлось на 2020 г., год наибольшего распространения пандемии *COVID-19*, – 706 мер⁸, что связано с необходимостью расширить предложение на внутренних рынках в условиях вынужденного ограничения экономической активности.

Что касается среднего уровня тарифной защиты, то у развитых экономик он действительно является относительно низким, и на их рынках важнее нетарифные барьеры. Так, в ЕС средняя применяемая ставка ввозной таможенной пошлины составляет 5,2%, в США – 3,4%, в Японии – 4,2% [26, р. 89, 109, 189]. Для России, с учетом геополитической обстановки и санкционных мер, а также нацеленности руководства страны на так называемый «разворот на Восток», существенное значение имеют тарифные барьеры на рынках менее развитых стран.

В этом смысле сложно говорить об эволюции применения подобных мер указанной группой стран. Так, в 1970-е годы менее развитые страны ограничивали «экспансионистские устремления монополий империалистических держав» путем установления таможенно-тарифных барьеров. Например, таможенно-тарифная политика Египта носила выраженный характер защиты, пошлины на металлы составляли примерно 10–20%, а на товары не первой необходимости 50–200% и более [4, с. 56–57]. Сегодня картина принципиально не поменялась. Средняя связанная ставка ввозной таможенной пошлины в Египте составляет 36,6%, а связанные ставки пошлин почти по половине товарной номенклатуры – 25–100% [26, р. 85].

В крупной экономике Индии, на поставки в которую Россия намерена во многом переориентироваться, средняя применяемая ставка ввозной таможенной пошлины составляет 18,3%, а средняя связанная – 50,8% [26, р. 104]. Таким образом, нет оснований преуменьшать значение тарифных барьеров, и именно с них традиционно следует начинать анализ условий доступа на внешние рынки.

Значение тарифных барьеров повышается в свете отказа отдельных стран в 2022 г. от предоставления России РНБ. Например, подобные решения приняли Канада, США, Япония. Применение в отношении России максимальных (генеральных) ставок ввозных таможенных пошлин как минимум затрудняет, если не закрывает доступ отечественной продукции на соответствующие рынки.

⁸ Global Trade Alert. Global Dynamics. https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_goods/.

Не менее важны для доступа на внешние рынки нетарифные средства внешнеторговой политики. В этой категории более 170 видов мер. Из наиболее актуальных классификаций нетарифных барьеров отметим классификации ЮНКТАД и ВТО.

Последняя классификация ЮНКТАД включает 16 разделов, каждый из которых затем детализирован. Разделы объединены в 3 группы: технические меры; меры, не относящиеся к техническим (традиционно используемые в качестве средств торговой политики) и отдельно меры, связанные с экспортом (поскольку предыдущие два раздела касаются импорта) [22, р. VII]. Данная классификация основана на разделении мер технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер (которые могут быть не связаны непосредственно с внешнеторговой политикой), с одной стороны, и всех остальных мер, с другой стороны.

Более общий характер носит классификация ВТО, по которой нетарифные меры делятся на 5 групп: 1) участие государства в торговле и ограничительная практика государства; 2) таможенные процедуры и административные формальности; 3) технические барьеры в торговле; 4) количественные и специфические ограничения; 5) ограничения, заложенные в механизме платежей [27, р. 44–45].

Классификация ВТО, однако, не лишена недостатков, поскольку зачастую по формальным признакам в одну группу объединяются меры совершенно различной природы, что не соответствует практике их применения. Например, неясно, каким образом антидемпинговые меры могут относиться к таможенным процедурам, а тем более к административным формальностям. Более того, вызывает вопросы разделение антидемпинговых и компенсационных по различным группам (компенсационные меры отнесены к участию государства в торговле). Эти меры, наряду со специальными защитными мерами, должны составлять отдельную группу мер нетарифного регулирования, для которых характерны особые схожие процедуры и основания для их введения.

Гораздо четче определен перечень мер нетарифного регулирования в Договоре о ЕАЭС: 1) запрет ввоза и (или) вывоза товаров; 2) количественные ограничения ввоза и (или) вывоза товаров; 3) исключительное право на экспорт и (или) импорт товаров; 4) автоматическое лицензирование (наблюдение) экспорта и (или) импорта товаров; 5) разрешительный порядок ввоза и (или) вывоза товаров⁹. Примечательно, что в качестве отдельной меры нетарифного регулирования не выделено лицензирование (неавтоматическое), что логично, поскольку оно, по сути, не является самостоятельной мерой и опосредует другие. Напри-

⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе (ред. от 05.08.2021, с изм. от 25.10.2022). Астана, 2014.

мер, ввоз товаров в рамках количественных ограничений (квоты) возможен путем неавтоматического лицензирования.

В отдельный раздел выделены меры защиты внутреннего рынка (антидемпинговые, компенсационные, специальные защитные), которые в Договоре не отнесены ни к тарифным, ни к нетарифным мерам. Меры технического регулирования, санитарные и фитосанитарные меры не отнесены к мерам внешнеторговой политики в целом, что, с позиции ЕАЭС, логично. Однако с учетом роли, которую они могут играть во внешней торговле, а также в системе международных классификаций, их следует все же считать нетарифными барьерами.

Подход, изложенный в Договоре о ЕАЭС, представляется наиболее внятным и логичным, с учетом классификации, применяемой ЕЭК при ведении Реестра ограничительных мер третьих сторон в отношении государств – членов ЕАЭС и ЕАЭС¹⁰. Таким образом, можно выделить следующие виды нетарифных барьеров: все три вида мер защиты внутреннего рынка; технические барьеры в торговле; санитарные и фитосанитарные меры; количественные ограничения (включая запреты); административные меры; прочие барьеры.

В отношении России в 2022 г. рядом стран введены ограничительные меры, ухудшившие либо закрывшие доступ России на рынки отдельных товаров. Для обозначения таких мер обычно используют термин «санкции», в том числе в российской литературе. Термином «санкции» правомерно обозначать только те меры принудительного характера, которые применяются Советом Безопасности ООН на основании главы VII Устава ООН для поддержания или восстановления международного мира и безопасности¹¹. Более корректным применительно к России мог бы быть термин «ограничительные меры». Данный термин достаточно широк, и под него могут подпасть любые другие виды барьеров, введенные вне связи с политическими мотивами. С учетом изложенного предлагается использовать термин «санкционные ограничения». По форме эти меры являются нетарифными барьерами и могут быть отнесены к количественным или к прочим ограничениям.

Доступ на внешние рынки нельзя рассматривать вне связи с зарубежной экономической политикой в целом, по крайней мере, некоторыми ее видами. Тарифные и нетарифные средства внешнеторговой политики – это те факторы, которые непосредственно определяют доступ на внешние рынки в настоящий момент (хотя сами меры с течением времени могут изменяться и отменяться). Зачастую для участников внешнеэкономической деятельности важно понимать, какие тенденции доступа на тот или иной рынок прослеживаются и что

¹⁰ Торговля. Доступ на внешние рынки. <https://trade.eaeunion.org/ru-ru/Pages/default.aspx>.

¹¹ Санкции Совета Безопасности. <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>.

может измениться в будущем. В этом отношении факторами доступа на внешние рынки выступают также иные виды и средства экономической политики, помимо внешнеторговой.

Факторы доступа на внешние рынки II порядка

В первую очередь выделим тесно связанную с внешнеторговой политикой промышленную политику. В научной среде не существует единого подхода к определению данного вида политики, однако можно обобщить, что ее целью является развитие перспективных, поддержание функционирующих отраслей экономики и компенсирование спада – в деградирующих. Для этого используется весь спектр средств экономической политики: помимо внешнеторговых – финансовые, налоговые и другие [9, с. 16]. Как правило, в менее развитых странах проводится политика индустриализации, а в развитых – реиндустриализации (в частности, принимающей на современном этапе форму «решоринга»).

Основной объект промышленной политики – производство. Однако как состояние экономической конъюнктуры «обнаруживается благодаря рынку» [3, с. 30], так успешность промышленной политики зависит от востребованности продукции поддерживаемой отрасли на рынке. Речь идет и о внутреннем (политика импортозамещения), и о внешнем рынках (политика экспортно ориентированного промышленного развития).

Результатом зарубежной промышленной политики будет повышение уровня конкурентоспособности какой-то отраслевой продукции либо его сохранение в первую очередь на внутреннем рынке. Иными словами, продукция третьих стран, поставляемая на рынок страны, активно проводящей промышленную политику, столкнется как минимум с более высокой конкуренцией. В отдельных случаях результатом такой политики может стать затруднение доступа товаров из третьих стран на внешние рынки.

Примером мер в рамках промышленной политики, способных усложнить доступ определенных товаров на рынок США (прежде всего из Китая), стал Закон о чипах и науке от 9 августа 2022 г. Он направлен на обеспечение лидерства США в области полупроводников и предусматривает в том числе выделение 52,7 млрд долл. на исследования, разработки, производство и подготовку рабочей силы в этой отрасли¹². За счет мер поддержки США хотят повысить свою

¹² Fact Sheet: CHIPS and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China. August 09, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter-china/>.

роль в мировом производстве полупроводников и одновременно снизить участие Китая в соответствующих глобальных цепочках создания стоимости.

В схожем ключе будет действовать Закон о снижении инфляции от 16 августа 2022 г., предусматривающий в том числе расширение налоговых субсидий на покупку электромобилей, которые собраны в Северной Америке и используют произведенные в США батареи из материалов местного происхождения¹³. Закон может усложнить доступ на рынок США товаров из более широкого перечня стран, в том числе ЕС.

В перечень факторов доступа на внешние рынки, связанных с иными видами экономической политики, включим национальную безопасность. Это неконкретное, расплывчатое понятие активно используется членами ВТО, в частности в рамках статьи XXI ГАТТ. Как правило, соображениями национальной безопасности в рамках ВТО страны объясняют введение жестких ограничительных мер разного характера, прежде всего санкционных ограничений. Однако как фактор доступа на внешние рынки национальную безопасность следует понимать в относительно узком и конкретном смысле – как независимость (либо низкую степень зависимости) от импортных поставок. Для России речь в первую очередь идет о зависимости от импорта машин и оборудования, а также их комплектующих¹⁴, а для других стран речь может идти о сырьевых товарах.

С одной стороны, национальная безопасность неотделима от промышленной политики. Так, стремление развивать или поддерживать отдельные отрасли экономики связано и с опасениями попасть в критическую зависимость от импорта соответствующей продукции. Однако это не единственное и не главное основание для проведения промышленной политики; существуют и иные, например, стимулирование экономического роста и НТП, создание рабочих мест, повышение производительности труда, преодоление бедности и другие.

С другой стороны, национальную безопасность можно выделять как отдельный фактор доступа на внешние рынки, когда при принятии той или иной меры преобладают соображения независимости (либо снижения зависимости) от импорта. Примером может служить концепция стратегической автономии в экономике ЕС и принятые в ее рамках меры. Так, ЕС обеспокоен зависимостью от внешних поставщи-

¹³ Fact Sheet: The Inflation Reduction Act Supports Workers and Families. August 19, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/19/fact-sheet-the-inflation-reduction-act-supports-workers-and-families/>.

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

ков по ряду критически значимых сырьевых материалов: соответствующий список ведется с 2011 г., пересматривается один раз в течение нескольких лет и насчитывает уже четыре редакции. Такие материалы важны для современных отраслей промышленности, в частности, для электронной, а также для экологически чистых или щадящих технологий и производства соответствующих товаров (например, солнечных батарей, электромобилей).

Еще одним фактором доступа на внешние рынки является политика в области защиты окружающей среды. Исследователи используют понятие «зеленая промышленная политика», относя к ней меры, направленные на приведение структуры экономики в соответствие с потребностями повышения эффективности использования традиционных (ископаемых) ресурсов и устойчивого развития с учетом внешних (международных, глобальных) условий [9, с. 32]. Можно также конкретизировать, что к этой политике относятся и меры по расширению использования возобновляемых источников энергии (неископаемых ресурсов).

Политика в области защиты окружающей среды включает комплекс государственных мер (стандартов, ограничений, запретов) для решения или смягчения остроты основных экологических проблем, прежде всего нехватки природных ресурсов, разрушения и загрязнения компонентов природной среды. Эти меры воздействуют в первую очередь на внутреннее производство и потребление, затрагивают и внешнюю торговлю.

Несмотря на нацеленность политики в области защиты окружающей среды на решение указанных проблем, устанавливаемые правительствами экологические ограничения могут воздействовать на импорт товаров, и в ряде случаев трудно отделить целенаправленность их использования в качестве природоохранных или протекционистских средств по отношению к ввозимым товарам из других стран, в первую очередь менее развитых [7, с. 55]. Соответственно, такого рода меры не могут не являться факторами, определяющими доступ на внешние рынки.

Во втором и начале третьего десятилетия XXI в. защита окружающей среды все чаще служит предлогом для ограничительных мер в торговле и для поддержки производителей. Среди партнеров России этим отличается в первую очередь ЕС. Наиболее наглядный пример – пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ)¹⁵, сбор с ввозимой в ЕС продукции на основе выделенных при ее производстве парниковых газов. Однако ПКУМ является не столько мерой

¹⁵ Carbon Border Adjustment Mechanism. European Commission. https://taxation-customs.ec.europa.eu/green-taxation-0/carbon-border-adjustment-mechanism_en.

противодействия изменению климата, сколько протекционистской мерой [10, с. 92–96]. ПКУМ и ряд других мер по защите окружающей среды непосредственно повлияет на доступ на внешние рынки многих стран, в том числе России.

Факторы доступа на внешние рынки общего порядка

Завершая характеристику факторов, определяющих доступ на внешние рынки, выделим еще одну группу – факторы общего порядка. Первым в этой группе идет членство в ВТО страны, доступ на рынок которой рассматривается.

Сегодня в ВТО состоит 164 члена, на которых приходится 98% международной торговли¹⁶. Немногочисленные не присоединившиеся к ВТО страны при проведении экономической политики (прежде всего внешнеторговой) не связаны какими-либо обязательствами. При отсутствии отдельных торговых соглашений с такими странами условия доступа на их рынки, как правило, являются неблагоприятными и мало-предсказуемыми. С учетом введения развитыми экономиками (кроме Израиля) санкционных ограничений в отношении России отметим, что подавляющее большинство внешнеторговых партнеров, не относящихся к категории «недружественных», являются членами ВТО. С наиболее важными из тех, кто не входит в ВТО, заключены преференциальные торговые соглашения (Белоруссия, Иран, Сербия).

Членство в ВТО по умолчанию означает предоставление и получение РНБ во внешней торговле. В третьем десятилетии XXI в. в условиях геополитического противостояния эта аксиома была нарушена, поэтому соответствующий фактор необходимо выделить отдельно. Как уже отмечено, отдельные страны в 2022 г. отказались предоставлять России РНБ.

Еще один фактор общего порядка, определяющий практику применения такого вида нетарифных мер, как защитные, заключается в наличии статуса страны с рыночной либо с нерыночной экономикой. Этот фактор имеет значение при анализе условий доступа на рынки развитых стран, прежде всего США. Если стране отказывают в статусе рыночной экономики (прямо, как это делают США, или косвенно, как это делает ЕС), против такой страны применяется упрощенная (не предусмотренная правилами ВТО) процедура проведения антидемпинговых или компенсационных расследований, а соответствующие пошлины устанавливаются на более высоком уровне.

Условия доступа на рынок зависят также от интеграционных процессов. Здесь имеются два аспекта. Во-первых, возникают ранее упомя-

¹⁶ WTO in brief. https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/inbrief_e/inbr_e.htm.

нутые относительные условия доступа на рынок страны – члена интеграционного объединения. Во-вторых, необходимо понимать, в каком случае условия доступа определяются на национальном уровне, а в каком – на наднациональном. Это нужно не только для правильного анализа таких условий, но и для возможного воздействия на них различными методами. Член интеграционного объединения может быть заинтересован в улучшении условий доступа на свой рынок, но не иметь возможности повлиять на них в рамках своей национальной компетенции.

Подобно тому, как прослеживается степень влияния различных стадий и элементов воспроизводственного процесса на формирование конъюнктуры объединения в зависимости от этапа интеграции, а также определяется, когда правомерно говорить о конъюнктуре группировки [11, с. 159–163], можно на разных этапах оценить соотношение между национальным и наднациональным влиянием на формирование условий доступа на рынок. Степень интегрированности групп факторов доступа на рынок, а также уровень их преимущественного формирования (национальный либо наднациональный) в зависимости от стадии экономической интеграции представлены в таблице.

Таблица

**Факторы доступа на рынок
при разных стадиях экономической интеграции**

Стадия интеграции \ Группа факторов	Факторы общего порядка	Факторы I порядка, непосредственно связанные с внешнеторговой политикой	Факторы II порядка, связанные с иными видами экономической политики
Зона свободной торговли	–	–	–
Таможенный союз	+	+	–
Общий рынок	+	+	±
Экономический и валютный союз	+	+	+
Полная экономическая интеграция	+	+	+

Источник: составлено автором на основе классификации этапов развития любой экономической интеграции, предложенной Б. Балашши.

Примечания: «–» – определяются целиком либо преимущественно на национальном уровне; «±» – определяются как на национальном, так и на наднациональном уровне; «+» – определяются целиком либо преимущественно на наднациональном уровне.

Представленная схема основана на общепризнанной классификации этапов развития любой экономической интеграции Б. Балашши. На первой стадии страна сохраняет самостоятельность в проведении экономической политики, в том числе внешнеторговой, и условия доступа на рынок определяются на национальном уровне.

На второй стадии проводится единая внешнеторговая политика, происходит интеграция на уровне стадии обмена воспроизводственного процесса, и факторы, непосредственно связанные с внешнеторговой политикой, определяются на наднациональном уровне. Возможны отклонения от данной теоретической схемы преимущественно в случае интеграционных объединений менее развитых стран, когда таможенный союз функционирует не в полном формате, а часть компетенций внешнеторговой политики остается на национальном уровне.

В рамках общего рынка, на третьей стадии интеграции, проводятся отдельные виды согласованной экономической политики. Факторы, связанные с иными видами экономической политики, определяются как на национальном, так и на наднациональном уровне.

На четвертой стадии интеграции – экономической и валютный союз – проводится согласованная экономическая политика стран-участниц, а также отдельные виды единой экономической политики, происходит фактическое сближение национальных стандартов и законодательств. Факторы, связанные с иными видами экономической политики, в значительной степени определяются уже на наднациональном уровне.

Пятая стадия – полная экономическая и политическая интеграция – представляющая на сегодня теоретическое допущение, означает, что группировка фактически превращается в государство. Проводится единая экономическая политика, унифицируется законодательная база, и тогда все факторы доступа на рынок определяются на наднациональном уровне.

Подводя итог, можно говорить об условиях доступа на рынок интеграционной группировки, а не страны, начиная с таможенного союза (если рассматривать только факторы внешнеторговой политики). При более глубоком исследовании, когда во внимание принимается также совокупность факторов, связанных с иными видами экономической политики, единые условия доступа на рынок формируются, начиная с экономического и валютного союза.

Соответственно, при глубоких формах экономической интеграции воздействовать на условия доступа на рынок логично в первую очередь на наднациональном уровне, что не исключает двусторонних переговоров на уровне отдельных государств. Целесообразность таких переговоров зависит от характера интеграции – степени ее симметричности. При асимметричной интеграции, когда в объединении есть явно выражен-

ный лидер, условия доступа на рынок во многом будут определяться на национальном уровне, даже на глубоких стадиях интеграции.

В отличие от группы факторов общего порядка, которые следует воспринимать как данность на протяжении как минимум среднесрочного периода, факторы I и II порядка зависят от состояния общеэкономической и товарной конъюнктуры, что показано на рисунке. Взаимосвязь доступа на внешние рынки с экономической конъюнктурой и анализ места этой категории в системе конъюнктурных исследований заслуживают отдельной публикации.

Представленную систему и механизм взаимодействия факторов доступа на внешние рынки целесообразно использовать при проведении углубленного анализа проблем отечественного бизнеса, осуществляющего внешнеэкономическую деятельность в условиях нарастания протекционизма (в том числе в форме санкционных ограничений), при выстраивании прогноза и выработке стратегии развития российского экспорта и в целом – при проведении экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальное экономическое регулирование / Под ред. В.Н. Зуева. М.: Магистр, 2014.
2. Киреенко Н.В. Методические подходы к классификации требований по доступу сельскохозяйственной продукции на рынки, используемые в мировой практике // Аграрная экономика. 2022. № 4 (323). С. 63–79.
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
4. Костюхин Д.И. Конъюнктура мирового капиталистического хозяйства. М.: Международные отношения, 1973.
5. Мировая экономика и международные экономические отношения / Под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2021.
6. Никишина В.О. Управление доступом российских товаров на рынки зарубежных государств в современных условиях: дис.... канд. экон. наук. М.: МИРБИС, 2006.
7. Пискулова Н.А. Экология и глобализация. М.: МГИМО-Университет, 2010.
8. Правила ВТО и основы торговой политики. М.: Международные отношения, 2017.
9. Промышленная политика / Под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2020.
10. Сидоров А.А. Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 4. С. 81–101.
11. Сидоров А.А. Теоретические предпосылки формирования общеэкономической конъюнктуры интеграционных объединений // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 3. С. 152–165.
12. Спартак А.Н., Французов В.В., Хохлов А.В. Мировой экспорт: тенденции и перспективы развития, системы поддержки. М.: ВАВТ, 2015.
13. Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ / Под ред. Д.Г. Тарра. М.: Весь мир, 2006.

14. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в новых условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1. С. 199–207.
15. Шифф М., Уинтерс Л.А. Региональная интеграция и развитие. М.: Весь мир, 2005.
16. A World Trade Organization for the 21st Century. The Asian Perspective. Ed. by R. Baldwin, M. Kawai, G. Wignaraja. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2014.
17. Carrère C., De Melo J., Tumurchudur B. Disentangling Market Access Effects for ASEAN Members under an ASEAN-EU FTA. October 2008. https://www.dagliano.unimi.it/media/wp2008_259.pdf.
18. Esteveadeordal A., Shearer M., Suominen K. Market Access Provisions in Regional Trade Agreements. Inter-American Development Bank, 2008.
19. Fugazza M., Nicita A. Measuring Preferential Market Access. September 2011. <https://core.ac.uk/download/pdf/211603299.pdf>.
20. Fugazza M., Nicita A. On the importance of market access for trade // New York and Geneva: United Nations, 2011.
21. Fugazza M., Nicita A. The Value of Preferential Market Access. June 2010. https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/gtdw_e/wkshop10_e/nicita_e.pdf.
22. International classification of non-tariff measures. 2019 version. Geneva: UNCTAD, 2019.
23. Snell J. The Notion of Market Access: A Concept or a Slogan? // Common Market Law Review. 2010. Vol. 47. Iss. 2. Pp. 437–472.
24. Summary of the discussions on Market Access. 2002, April 29. WTO Secretariat. https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/summary_report_market_access.doc.
25. Trading into Sustainable Development: Trade, Market Access, and the Sustainable Development Goals. Geneva: United Nations, 2016.
26. World Tariff Profiles 2022. Geneva: World Trade Organisation, 2022.
27. World Trade Report 2012. Trade and public policies: A closer look at non-tariff measures in the 21st century. Geneva: World Trade Organisation, 2012.

REFERENCES

1. Global economic regulation; ed. by V.N. Zuev. M.: Magistr, 2014. (In Russ.).
2. Kireyenko N.V. Methodological approaches to the classification of requirements for the access of agricultural products to markets used in world practice // Agrarian Economics. 2022. № 4 (323). Pp. 63–79. (In Russ.).
3. Kondrat'ev N.D. Long economic cycles and the theory of foresight. Selected writings. M.: Ekonomika, 2002. (In Russ.).
4. Kostyukhin D.I. Conjunctionure of the world capitalist economy. M.: International Relations Publisher, 1973. (In Russ.).
5. World economy and international economic relations / ed. by A.S. Bulatov. M.: KNORUS, 2021. (In Russ.).
6. Nikishina V.O. Management of the access of Russian goods to the markets of foreign countries in modern conditions: thesis. M.: MIRBIS, 2006. (In Russ.).
7. Piskulova N.A. Ecology and globalization. M.: MGIMO-University, 2010. (In Russ.).
8. WTO rules and trade policy framework. M.: International Relations Publisher, 2017. (In Russ.).
9. Industrial policy / ed. by A.S. Bulatov. M.: KNORUS, 2020. (In Russ.).
10. Sidorov A.A. Features of the Modern Protectionism of the USA and the EU towards Russia // MGIMO Review of International Relations. 2022. № 4. Pp. 81–101. (In Russ.).

11. *Sidorov A.A.* Theoretical premises of general business situation formation in integration blocks // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2015. № 3. Pp. 152–165. (In Russ.).
12. *Spartak A.N., Frantsuzov V.V., Khokhlov A.V.* World exports: trends and development prospects, support systems. M.: VAVT, 2015. (In Russ.).
13. Trade policy and the importance of joining the WTO for the development of Russia and the CIS countries / ed. by D.G. Tarr. M.: Ves' mir, 2006. (In Russ.).
14. *Ushkalova D.I.* Foreign trade of Russia in the new conditions // The Journal of the New Economic Association. 2020. № 1. Pp. 199–207. (In Russ.).
15. *Schiff M., Winters L.A.* Regional integration and development. M.: Ves' mir, 2005. (In Russ.).
16. A World Trade Organization for the 21st Century. The Asian Perspective /Ed. by R. Baldwin, M. Kawai, G. Wignaraja. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2014.
17. *Carrère C., De Melo J., Tumurchudur B.* Disentangling Market Access Effects for ASEAN Members under an ASEAN-EU FTA. October 2008. https://www.dagliano.unimi.it/media/wp2008_259.pdf.
18. *Estevadeordal A., Shearer M., Suominen K.* Market Access Provisions in Regional Trade Agreements. Inter-American Development Bank, 2008.
19. *Fugazza M., Nicita A.* Measuring Preferential Market Access. September 2011. <https://core.ac.uk/download/pdf/211603299.pdf>.
20. *Fugazza M., Nicita A.* On the importance of market access for trade. New York and Geneva: United Nations, 2011.
21. *Fugazza M., Nicita A.* The Value of Preferential Market Access. June 2010. https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/gtdw_e/wkshop10_e/nicita_e.pdf.
22. International classification of non-tariff measures. 2019 version. Geneva: UNCTAD, 2019.
23. *Snell J.* The Notion of Market Access: A Concept or a Slogan? // Common Market Law Review. 2010. Vol. 47. Iss. 2. Pp. 437–472.
24. Summary of the discussions on Market Access. 2002, April 29. WTO Secretariat. https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/summary_report_market_access.doc.
25. Trading into Sustainable Development: Trade, Market Access, and the Sustainable Development Goals. Geneva: United Nations, 2016.
26. World Tariff Profiles 2022. Geneva: World Trade Organisation, 2022.
27. World Trade Report 2012. Trade and public policies: A closer look at non-tariff measures in the 21st century. Geneva: World Trade Organisation, 2012.

Дата поступления рукописи: 01.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидоров Алексей Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7632-3653
aa.sidorov@yahoo.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Sidorov – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at N.N. Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs, MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7632-3653
aa.sidorov@yahoo.com

FOREIGN MARKET ACCESS: THEORETICAL APPROACH AND FACTORS

The author analyzes the concept of access to foreign markets and theoretical approaches to study this category. He differentiates the concepts of market access and one of export support, presents a system of factors determining access to foreign markets, and singles out general factors, as well as factors of the I and II order conditioned by the general economic and market situation. Factors of the first order are directly related to foreign trade policy, factors of the second order correspond to other types of economic policy. The author identifies current trends in the above groups of factors and their significance for Russia. He analyzes the influence of economic integration on the formation of market access conditions by examining the degree of integration of groups of market access factors, as well as the level of their predominant formation (national or supranational) depending on the stage of economic integration.

Keywords: *market access, preferential trade agreements, economic policy, trade policy, trade barriers, tariff barriers, non-tariff barriers, industrial policy, national security, environmental protection, economic integration.*

JEL: F13, F15, F51, F52.

А.С. КУЗАВКО

кандидат экономических наук, доцент,
доцент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучение динамики межгосударственных взаимодействий в ходе глобализации и регионализации мировой экономики позволило накопить значительный объем теоретических и эмпирических работ, результаты которых могут быть использованы для оценки влияния приграничного торгового сотрудничества на развитие экономики регионов. Особый интерес представляет анализ развития приграничных регионов в условиях интеграции, который проводится исследователями с помощью разных подходов и методов. В данной статье сопоставляется динамика развития некоторых приграничных регионов Союзного государства России и Белоруссии, ЕС и ряда других государств, включенных в интеграционные процессы, предпринимается попытка обобщить наиболее значимые выводы зарубежных и отечественных исследователей о влиянии межгосударственной интеграции на социально-экономическое положение приграничных регионов. Отмечается, что определенные возможности для оценки влияния приграничного положения региона на его развитие предоставляют новая теория торговли и новая экономическая география. Исследование показало, что влияние интеграции на развитие приграничных регионов очень различное, что обусловлено разными целями и мотивами сближения независимых государств, а также уникальными институциональными факторами приграничных территорий.

Ключевые слова: *приграничные регионы, интеграция, экономический рост.*

УДК: 339.924

EDN: WMGGWU

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_108_130

О специфике приграничного положения

Результаты проведенных научных исследований свидетельствуют о неоднозначности приграничного положения как фактора социально-экономического развития регионов. Государственные границы влияют на развитие приграничных районов и страны в целом через свои фундаментальные свойства – барьерность и контактность [1]. В целом,

общей закономерностью является прямая зависимость контактности границ от: 1) уровня развития и структуры экономики стран-соседей; 2) однотипности экономических и правовых систем; 3) институтов, регулирующих взаимные связи; 4) развития транспортной инфраструктуры. При неисполнении этих условий соответственно возрастает значение барьерных функций государственных границ [2].

Приграничные территории – это территории, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями [3]. Результаты исследований приграничных территорий уникальны, их сложно обобщать, а результаты анализа одних случаев приграничного взаимодействия проблематично использовать в дальнейшем для прогнозирования развития ситуации в других. Национальные особенности законодательства, уровень экономического развития, политическое влияние, инфраструктура, религиозное и культурное наследие формируют уникальность процесса взаимодействия между граничащими государствами на микро- и макроуровне.

Часто к приграничным регионам относят территории в установленных административных границах субъектов страны. Однако прямое соседство может распространять свое влияние и вглубь национальной территории. Это может быть связано со спецификой гравитационного влияния экономически более развитых центров, а также с неразвитостью транспортной инфраструктуры.

Ключевым понятием, собирающим в себе и учитывающим множественность факторов, которые оказывают влияние на социально-экономическое развитие территории, является «экономико-географическое положение». По определению Н.Н. Баранского, это «отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение... Чрезвычайно важно положение данной страны (или района, города) к путям, рынкам, крупным центрам» [4, с. 129].

Мировая экономика в современных условиях характеризуется все большей фрагментарностью. Поэтому тезис «прозрачности границ» [5], используемый при описании открытости приграничных территорий для экономического взаимодействия, становится невостребованным в современных реалиях. Утверждение известного японского экономиста Киничи Омае [6], что в результате развития глобализационных процессов государство самоликвидируется, а на смену ему придут «регионы-государства» – самодостаточные экономические комплексы, которые будут взаимодействовать друг с другом, минуя уровень государства, – оказалось утопией. По крайней мере пока сохраняются возможности и желание отдельных государств отстаивать свой суверенитет, самоидентичность и независимость, такой сценарий маловероятен.

Новый миропорядок в виде «мира без границ» представляется возможным при установлении единых правил и единого центра принятия решений. Это предполагает единственного глобального суверена, с чем сегодня многие страны согласиться не могут. Большинство участников интеграционных процессов не готовы ставить экономическую целесообразность «контактности» выше необходимости обеспечения национальной безопасности и возможности в одностороннем порядке контролировать трансграничные потоки.

Одним из основных экономических аспектов приграничного положения той или иной территории, который влияет на ее социально-экономическое развитие и поэтому вызывает интерес у исследователей, являются трансграничные потоки. Развернутую классификацию этих потоков в области движения человеческого капитала, товаров, финансовых ресурсов, а также инфраструктуры разработал английский исследователь Дж. Хауз [7]. Он делал свои выводы на основе изучения границы между США и Мексикой, которая интересна разным уровнем социально-экономического положения граничащих друг с другом государств.

Необходимо учитывать, что территория может быть приграничной, но при этом иметь слабые контакты с территориями по другую сторону границы. О. Дж. Мартинесом [8] и Дж. Хаузом была разработана классификация приграничных территорий, которая затем была усовершенствована Б. ван дер Мартином Вельде [9]:

- отчужденные приграничные территории: приграничные связи отсутствуют из-за военных действий, политических диспутов, сильных националистских тенденций, идеологической или религиозной среды, культурных различий или этнического соперничества;
- сосуществующие приграничные территории: наличествует некоторая степень экономического и культурного взаимодействия;
- взаимозависимые приграничные территории: полное взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах, насколько это возможно в условиях все еще действующей границы;
- интегрированные приграничные территории: высшая степень интеграции, свободное движение людей, товаров, денежных потоков и идей.

Разная степень взаимодействия приграничных регионов со смежными странами и их регионами, сказывается на их экономическом развитии. В связи с этим экономическое содержание «эффекта приграничности» в условиях интеграции выражается в динамике внешних связей приграничных территорий и развития их экономики. Эти эффекты могут возникать в результате взаимодействия субъектов хозяйствования, получающих от этого дополнительный доход, но правила этого взаимодействия определяются национальными и интегра-

ционными институтами. В этом контексте приграничное положение регионов и соответственно близость к рынкам партнеров по интеграции рассматривалось как ресурс их развития. Однако в случае Союзного государства эта гипотеза оправдалась далеко не полностью.

Российско-белорусские приграничные регионы в условиях Союзного государства и ЕАЭС

Значительный вклад в изучение вопросов трансграничного взаимодействия внесли российские и белорусские исследователи: В.Л. Бабурин, Л.Б. Вардомский, И.С. Гуменюк, Т.Ю. Кузнецова, В.А. Колосов, А.П. Клемешев, А.П. Катровский, В.С. Корнеевец, Г.М. Федоров, Л.Ф. Трацевская, В.С. Фатеев, И. Точицкая, А.В. Шурубович и др.

Для российско-белорусского приграничья характерна достаточно слабая реализация ряда преимуществ особого приграничного местоположения либо нивелирование преимуществ какими-либо другими негативными социально-экономическими процессами. Причем, как отмечают в своей статье А.Н. Михайленко и И.И. Арсентьева [10], после создания Единого экономического пространства и Таможенного союза все преимущества для рассматриваемых приграничных территорий сократились, что, соответственно, весьма негативно отразилось на количестве и характере межстрановых проектов по взаимодействию в этой области. «Данная ситуация вполне объяснима, ведь в ходе интеграции принципиально меняются условия торговли между странами. То, что раньше можно было назвать локальными приграничными преференциями, сегодня распространяется на всю территорию России, Казахстана и Белоруссии...» [10, с. 88]. В результате «эффект приграничности» и «эффект интеграции», реализуясь одновременно, могут трансформировать экономику приграничных регионов, создавая отличную от страны в целом институциональную среду. Интеграция размывает идентичность экономики приграничных регионов тем сильнее, чем меньше различий в ведении экономической деятельности и повседневной жизни граждан по обе стороны существующей или существовавшей когда-то границы. Дезинтеграция усиливает приграничные контрасты и может формировать экономическую целесообразность взаимодействия организаций на региональном уровне, например, спекуляцию отдельными группами товаров.

Большое внимание исследованию трансформации институциональной среды регионов российско-белорусского приграничья уделено в работах К.А. Морачевской. Она рассматривает ключевые последствия государственных интеграционных процессов для экономического развития российско-белорусского приграничья и также приходит к выводу, что эти процессы имели как положительные, так и отрица-

тельные стороны [11]. В частности, из-за свободного перемещения товаров через российско-белорусскую границу усилилась конкуренция на смоленском рынке продовольственных товаров, что привело к вытеснению смоленской продукции более дешевой белорусской.

В одной из своих последних работ К.А. Морачевская подробно рассматривает существующие в настоящее время определения понятия «приграничность» [12, с. 47] и делает вывод, что ключевым фактором, оказывающим влияние на развитие приграничной территории, является экономическая мощь соседней страны [12, с. 50].

Впервые к выводу о том, что приграничные регионы России и Беларуси развиваются более медленно по сравнению с экономиками своих стран, пришли А.П. Катровский и Г.В. Ридевский [13]. Они выдвинули гипотезу, что межстоличное положение снижает экономический потенциал Смоленской, Витебской и Могилёвской областей за счет оттока человеческих и финансовых ресурсов. Проведенные автором исследования подтверждают этот вывод [14, с. 49].

Были сопоставлены темпы роста реального ВРП отдельно для регионов РБ (см. табл. 1) и некоторых регионов ЦФО РФ (см. рис.) за доступный для анализа временной период (с 2008 по 2020 г.).

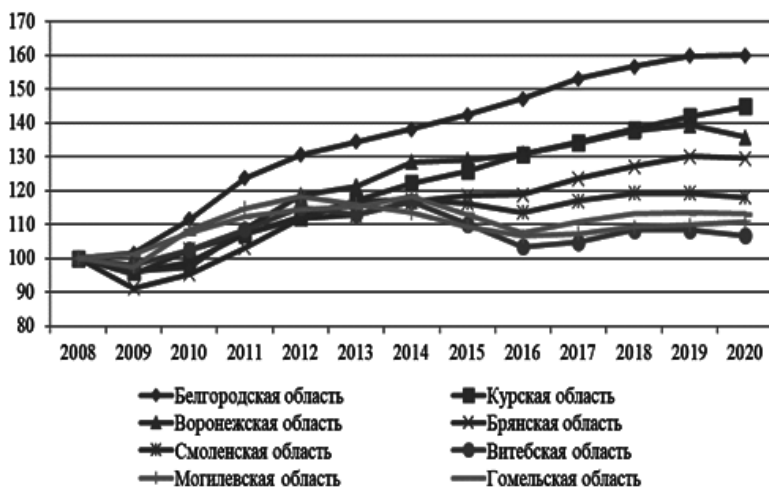
Таблица 1

Динамика индекса ВРП регионов РБ в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., в % (рассчитано с помощью индекса физического объема)

Область	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Брестская	100,0	100,6	112,0	114,2	115,6	117,5	119,9
Витебская	100,0	98,0	102,5	108,6	115,1	113,0	116,8
Гомельская	100,0	101,2	107,4	112,3	114,4	115,1	118,4
Гродненская	100,0	101,4	108,4	114,6	118,8	123,1	128,8
г. Минск	100,0	97,7	106,4	122,4	117,5	119,6	119,9
Минская	100,0	100,6	120,9	129,4	137,5	143,3	150,5
Могилёвская	100,0	97,4	108,5	114,8	118,4	116,0	113,4
ВРП РБ	100,0	99,4	109,7	118,3	120,3	122,2	125,0
Область	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Брестская	114,1	113,3	117,3	120,7	124,1	124,0	
Витебская	110,2	103,5	104,8	107,8	108,4	106,7	
Гомельская	113,0	107,6	110,9	113,4	113,4	113,2	
Гродненская	121,3	119,3	122,6	127,5	127,2	127,3	
г. Минск	114,5	110,5	114,2	119,4	121,6	118,8	
Минская	148,1	147,2	154,4	158,3	165,9	164,7	
Могилёвская	109,4	106,6	107,4	109,1	109,8	110,8	
ВРП РБ	119,9	116,6	120,3	124,1	126,5	125,4	

Рассчитано автором по: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 19.03.2023).

Процесс интеграции РФ и РБ начался почти сразу после распада СССР. Практически ежегодно начиная с 1992 г. принимались нормативные акты, содействовавшие снятию барьеров для взаимной торговли и кооперации. Однако это не способствовало опережающему росту по ВРП Витебской и Могилёвской областей в сравнении с другими регионами.

Источник: рассчитано автором по: данные Федеральной службы государственной статистики. <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

Рис. Сравнение динамики ВРП областей Днепро-Двинского региона (ДДР) и регионов северо-восточного участка российско-украинской границы в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., в %

Анализ динамики реального ВРП некоторых регионов российско-белорусского и российско-украинского приграничья за период с 2008 по 2020 г. показывает общее отставание темпов роста трех регионов так называемого Днепро-Двинского региона (Смоленская, Витебская и Могилёвская области) [15, с. 10]. При этом были выявлены следующие закономерности: темпы роста ВРП регионов РБ и РФ, расположенных вдоль границы, увеличиваются строго с севера на юг; темпы роста ВРП российских приграничных регионов выше белорусских.

Анализ оборота розничной торговли на душу населения в Смоленской области свидетельствует о его незначительном уменьшении относительно общероссийского значения – с 84,4% в 2000 г. до 80,5% в 2020-м [16, с. 95]. Для Витебской и Могилёвской областей характерны те же тенденции в динамике изменения оборота розничной торговли, что и в Смоленской области. В сравнении с 2010 г. увеличилось отставание от среднего по Беларуси значения анализируемого показателя: в Витебской области – с 92,8 до 84,7%, а в Могилёвской области – с 85,7 до 79,2% [16, с. 95].

За последние 20 лет сохранилось значительное отставание сектора услуг Смоленской области от среднего по России. Как видно из табл. 2, сектор услуг региона рос быстрее средних значений по стране до 2010 г., затем снова началось неравномерное отставание. В Могилевской и Витебской областях наблюдается похожая ситуация с ростом или снижением объема платных услуг относительно среднего по стране уровня.

Таким образом, подтверждается отставание ряда приграничных регионов российско-белорусского приграничья от средних по стране значений социально-экономических индикаторов. Такой эффект может быть обусловлен не только приграничным положением, но и межстоличным фактором, возникающим в условиях межгосударственной интеграции государств, столицы которых находятся на незначительном расстоянии – чуть более 710 км.

Таблица 2

Объем платных услуг населению на душу населения

Год/ регион	Смоленская область		Витебская область		Могилевская область	
	\$*	%	\$*	%	\$*	%
2000	81,3	55,2	66,1	74,8	59,6	67,4
2005	311,0	55,6	264,7	81,3	229,3	70,4
2010	770,4	67,6	470,3	84,8	443,9	80,0
2012	906,3	66,8	391,8	82,9	377,8	79,9
2013	969,6	64,0	533,8	83,0	520,9	81,0
2014	863,9	65,2	565,9	72,5	550,6	70,5
2015	573,8	63,9	382,2	72,4	348,9	66,1
2016	570,9	64,8	344,9	69,9	320,3	64,9
2017	604,7	56,2	387,0	69,9	356,4	64,3
2018	586,7	55,7	412,8	68,2	390,6	64,5
2019	590,9	54,8	433,8	66,6	414,5	63,6
2020	484,1	56,8	374,9	68,7	358,4	65,7

Расчитано автором по: средневзвешенный годовой курс ЦБ РФ и НБ РБ. Регионы России. Социально-экономические показатели.2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 19.12.2021); Смоленская область в цифрах. 2021. Смоленск. Краткий стат. Сб., 2021.

Примечание: \$* – пересчет фактически действовавших цен показателя в доллары США; % – отношение показателя в регионе к значению по стране в целом.

Значительно отстают регионы Днепро-Двинья от средних значений по своей стране и по показателю среднедушевых номинальных денежных доходов населения (см. табл. 3).

Среднедушевые номинальные денежные доходы населения*

Год/ регион	Смоленская область		Витебская область		Могилевская область	
	\$*	%	\$*	%	\$*	%
2000	61,1	75,4	59,4	91,4	56,8	87,3
2005	193,7	67,8	132,4	85,6	127,4	82,4
2010	478,9	76,7	281,9	88,2	276,3	86,4
2012	589,1	78,8	303,1	89,3	302,1	88,9
2013	579,2	71,9	385,9	88,0	382,9	87,3
2014	531,2	74,7	402,6	88,7	387,1	85,3
2015	386,0	78,2	274,0	87,9	262,8	84,3
2016	353,2	76,5	224,8	86,5	221,5	85,2
2017	424,7	77,6	249,1	85,2	248,1	84,9
2018	413,0	77,8	268,0	85,0	265,7	84,3
2019	423,5	77,5	292,5	84,7	287,9	83,4
2020	390,3	78,0	275,5	83,9	271,0	82,5

Рассчитано автором по: средневзвешенный годовой курс ЦБ РФ и НБ РБ. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 19.12.2021); Регионы Республики Беларусь. 2021. Т. 1. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41220/ (дата обращения: 19.03.2023).

Примечание: \$* – пересчет показателя в доллары США; % – отношение показателя в регионе к значению по стране в целом.

Проблемы сотрудничества приграничных регионов рассматривались в работе сотрудников Института экономики Национальной академии наук Беларуси П.Г. Никитенко и Т.С. Вертинской. Ими было детально изучено влияние формирования Союзного государства на внешнюю торговлю России и Беларуси [17]. Т.С. Вертинская, исследуя процесс возникновения и развития трансграничных связей в российско-белорусском приграничье, отмечает, что, по ее мнению, связи между субъектами хозяйствования или носят исторически сложившийся характер, или возникают стихийно под воздействием рыночных сил [18]. Также Т.С. Вертинская констатирует, что до сих пор нет всестороннего анализа структуры, тенденций развития единого экономического пространства ЕАЭС в региональном срезе [19].

Среди исследований последних лет по вопросам региональной интеграции выделяются работы Д.И. Ушкаловой. Она пытается аккумулировать наработки многих зарубежных и отечественных исследователей и развеять основные мифы о международной интеграции, в том числе с участием Российской Федерации [20]. При этом она делает

интересный вывод: «конкретное соотношение “плюсов” и “минусов” участия в интеграционных процессах является уникальным и зависит от комплекса специфических факторов, нередко сложно прогнозируемых. В этих условиях экономическая интеграция, как представляется, в значительной степени утратила свое значение в качестве мощного активатора экономического развития» [20, с. 134].

Эффекты приграничности в ЕС и других странах

В зарубежных исследованиях одним из основателей интеграционной теории, которая продолжает использоваться и одновременно изменяться под влиянием новых научных знаний, в том числе теории международной торговли, принято считать Джейкоба Винера [21]. Фактически он один из первых структурировал и описал «плюсы» и «минусы» экономической интеграции, а также предложил методику статистического анализа для определения эффектов интеграции: «эффект создания торговли» и «эффект отклонения торговли». Винер выделил условия, определяющие вероятность того, что таможенный союз через свободу торговли будет способствовать повышению уровня благосостояния населения.

Вместе с тем межгосударственная интеграция не учитывает специфику взаимоположения регионов интегрирующихся государств. Гравитационные модели доказали, что расстояние может значительно влиять на объемы торговли между странами. В условиях Российской Федерации, занимающей по территории первое место в мире, расстояние является важным фактором для изменения объема международной двусторонней торговли. Экономическая целесообразность внешней торговли может быть у приграничных регионов, в то время как в масштабах страны она нерентабельна. Помимо расстояния международные торговые модели не учитывают мобильность факторов производства, что является неотъемлемым элементом интеграции и особенно сильно может влиять на занятость и переток капитала на приграничных территориях.

Начальные попытки преодолеть описанные выше недостатки торговых моделей, используя одновременно идеи теории интеграции и международной торговли, принадлежали Бертилю Олину [22]. Современные исследования также подтверждают значимость экономико-географического положения территории в инфраструктурном аспекте. Например, регионы с крупными портами и крупными транспортными магистралями, через которые осуществляется международная торговля, привлекают экономическую активность в связи с преимуществом по затратам на доступ к зарубежным рынкам. Поэтому приграничные регионы получают логистические преимущества по

снижению стоимости импортируемых товаров и затратам на экспортные операции. В случае интеграционного процесса между странами стоимость экспортно-импортных операций в приграничье может быть ниже затрат на выстраивание торговых связей с регионами, находящимися внутри страны, но слабо связанными логистически.

Одной из первых работ, посвященных пространственным эффектам экономической интеграции, является труд Августа Лёша [23]. Он подходил к вопросу размещения экономических агентов по географическому признаку, считая, что целесообразность их деятельности связана с дальностью расстояния, на которое организации выгодно поставлять свой товар. В случае если государственная граница препятствует перемещению товаров и тем самым снижает экономическую целесообразность приграничного сотрудничества, как альтернативы для развития торговых связей внутри страны, то размещение предприятия в приграничье нерационально. Соответственно, отсутствие барьеров приграничной торговли создает равнозначный экономический ландшафт для торговли как внутри страны, так и на территории соседнего государства. Таким образом, межгосударственная интеграция может повышать экономическую целесообразность размещения хозяйствующих субъектов в приграничных регионах. Организации, для которых внутренний рынок стал уже недостаточен, получают возможность масштабирования, размещая свои предприятия вблизи границы, тем самым охватывая большую рыночную зону. В то же время усиливается конкуренция на приграничных рынках по тем товарам и услугам, производители которых адаптировались к условиям барьерных границ и концентрировались на удовлетворении потребностей местных потребителей.

В североамериканской и европейской науке значительное количество исследований было направлено на выявление эффектов приграничности, возникающих при отсутствии или ограничении интеграции. Они оцениваются путем сравнения интенсивности внутригосударственных и международных торговых потоков в рамках гравитационной модели. Исследования последних лет так и не смогли опровергнуть вывод, сделанный Джоном МакКаллумом [24]: регионы, вероятно, будут торговать с зарубежными регионами примерно в пятнадцать раз меньше, чем с регионами в той же стране. У Джона Хеллиуэла [25] эта разница составляет еще больше – двадцать раз. Пограничные торговые эффекты все же различны для разных типов стран. Наименьшие значения – для стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в то время как наибольший эффект – для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Метаанализ, проведенный Томасом Хавранekom и Зузаной Ирсовой на основании 1271 оценки из 61 исследования, свидетельствует о среднем сокращении

международной торговли на 28% из-за границ [26, р. 34]. Интеграция в рамках ЕС позволяет сократить пограничный эффект, что показано в работе Фолькера Нитча [27]. Кит Хед и Тьерри Майер [28] приходят к аналогичному выводу и дополняют его тем, что международная торговля после снятия барьеров может замедлять рост из-за предпочтений местных потребителей, склонных приобретать отечественные товары. Согласно исследованию, проведенному Эндрю Роузом и Эриком ван Винкупом [29], национальные валюты также представляют собой барьеры для торговли.

Еще одним типом исследований являются работы авторов, изучающих эффект от интеграции. В них анализируются изменения в доступе к рынкам, возникающие в ходе интеграции. Эти исследования основаны на концепции рыночного потенциала, которая была предложена Чонси Харрисом [30]. Рыночный потенциал представляет собой взвешенную сумму покупательной способности в разных местах, причем веса обратно пропорциональны расстоянию между областями или транспортным расходам, включая пошлины [31]. Потенциальный доход от инвестиций и транспортная доступность формируют инвестиционную привлекательность для региона. Поэтому предполагается, что преимущества от интеграции получают наиболее густонаселенные и инфраструктурно развитые территории. В то же время некоторые европейские исследователи отрицают связь между рыночным потенциалом территорий и региональным развитием [32; 33]. При этом приграничные регионы в центре Европы уже обладали относительно высоким потенциалом до начала интеграции. Положительный эффект от интеграции в Европе для приграничных регионов индивидуален и проявляется в совокупности с другими факторами, характерными для рассматриваемой отдельно территории.

Результаты исследований, посвященных анализу значимости рыночного потенциала, показывают, что доступ к рынку – это фактор, подчеркиваемый теорией местоположения и новой экономической географией, который действительно может быть решающим в региональном развитии. Однако эмпирические данные, касающиеся актуальности рыночного потенциала, по-прежнему недостаточны, поскольку оценки существуют только для Европейского союза и ОЭСР. Исследования основывались на оценке дифференциации заработных плат в различных регионах страны как в ЕС, так и в Мексике. В целом были получены вполне ожидаемые выводы о росте оплаты труда при движении от периферийных регионов к центральным или столичным. До настоящего момента не существует достоверных доказательств, что интеграция и снятие торговых барьеров трансформируют приграничные регионы в центральные. Поэтому невозможно однозначно

утверждать, что рост экономического потенциала приграничья вследствие интеграции будет способствовать его развитию.

Однако ряд исследований подтверждают, что приграничные регионы могут выигрывать от региональных торговых соглашений. Гордон Хэнсон [34] анализирует влияние процесса интеграции между США и Мексикой на размещение экономической деятельности в интегрирующихся странах. В результате перемещения части сборочных предприятий ближе к границе между приграничными регионами выросла в первую очередь внутриотраслевая торговля. Мексиканский бизнес стремился переместить производство ближе к рынку США, поэтому экономическая активность в приграничных регионах расширилась. Из анализа работ, посвященных интеграции США, Мексики и Канады, можно сделать вывод, что при интеграции крупных по территории государств может происходить перемещение экономической активности к общей границе интегрирующихся стран.

Сотрудница Гамбургского института международной экономики Сильвия Стиллер уделяет значительное внимание в своих работах интеграционному эффекту, вызванному новой волной евроинтеграции в восточном направлении. Характер исследований и выводов можно назвать частным, так как страны, включенные в состав ЕС, значительно дифференцированы по структуре экономики, площади, размещению населения и его численности. В одной из своих работ она подтверждает, что приграничные регионы Германии и Польши имеют после интеграции более интенсивные торговые отношения, чем страны в целом [35]. При этом специфика развития приграничных территорий этих стран не выбивается из общих тенденций, характерных для каждой из них. Исключением является занятость, которая снижается в приграничье, когда на национальном уровне преобладает тенденция к росту. Также автор отмечает, что опыт европейской интеграции в целом свидетельствует о значительном временном периоде, в течение которого сегментация рынков по национальному признаку утрачивает свое значение.

Герберт Гирш [36] полагал, что в результате европейской интеграции территории, имевшие преимущества за счет национальных агломераций, проиграют, а выиграют отдельные регионы, которые страдали от угнетающего влияния национальных границ.

Результаты исследований европейской интеграции показывают, что снижение юридических и физических пограничных препятствий не означает равнозначное снижение барьеров для взаимодействия граждан и бизнеса [37]. Эти пограничные эффекты являются результатом дефицита трансграничной инфраструктуры, институциональных и административных, культурных и языковых различий, а также социальных или психологических барьеров. Рынки труда по обе стороны

границы остаются в значительной степени разделенными, несмотря на формальное установление свободного движения рабочей силы. В результате безработица и заработная плата по одну сторону границы практически не зависят от условий рынка труда по другую ее сторону. При этом также европейскими исследователями отмечается усиление конкуренции между приграничными регионами интегрирующихся стран [38].

Эффект от интеграции, рассматриваемый новой экономической географией (NEG) П. Крутмана [39; 40], указывает на изменение пространственного равновесия в приграничных регионах. Оно происходит вследствие изменения стоимости международных перевозок и упрощения трансграничного перемещения факторов производства. Новые экономико-географические модели позволяют показать, что интеграция изменяет распределение населения, производственных факторов и экономических субъектов между странами, а также внутри страны. Миграция рабочей силы изменяет национальную факторную обеспеченность и, как следствие, международное расположение промышленных объектов.

Модели NEG указывают на то, что в результате интеграции приграничный регион, занимавший периферийное положение в национальном масштабе, начинает занимать одно из центральных. Вследствие слияния рынка между странами происходит увеличение регионального рынка в приграничных регионах. Большой эффект от взаимодействия возможен при высоком уровне вертикальной интеграции между организациями приграничья и иностранными контрагентами [25]. Новая экономическая география рассматривает преимущества от интеграции для резидентов приграничья с точки зрения пространственного расположения. Однако следует помнить, что это лишь теоретическое предположение. На практике компании из российско-белорусского приграничья могут не обладать достаточным набором конкурентных преимуществ перед хозяйствующими субъектами из других регионов, чтобы воспользоваться возможностями межгосударственной интеграции для наращивания объемов сбыта. Кроме того, снятие правовых ограничений на перемещение товаров и факторов производства не ликвидирует инфраструктурные барьеры, а также может не содержать потенциальной выгоды для инициации экспорта. Например, транспортные расходы по перемещению сборных грузов из российских приграничных регионов в Беларусь выше, чем из других регионов России, также как и отправка грузов из регионов Беларуси в приграничные российские регионы [41, с. 113].

Многофакторность влияния интеграции на развитие приграничных регионов не дает возможности применять типовые методики для оценки ее последствий. Модели новой и новейшей теории торговли,

а также новая экономическая география расширяют инструментарий проводимых исследований, но не дают исчерпывающего понимания специфики приграничного положения и однозначного ответа на вопрос о положительных и отрицательных последствиях интеграционного процесса для региональной экономики. Каждый интеграционный процесс, как и специфика экономики приграничных регионов, уникален, поэтому для оценки последствий интеграции нужно проводить эмпирическое исследование, на основании которого будет формироваться своя новая уникальная теория интеграционного процесса. Другими словами, последствия европейской интеграции или интеграции между США, Мексикой и Канадой будут существенно отличаться от последствий интеграции Российской Федерации с другими странами. Даже те факторы, которые приводят к экономическому развитию российско-белорусских приграничных регионов, могут давать иной эффект в рамках интеграции на российско-казахстанском участке. Многофакторность формирует сложность управления территориями и межгосударственного диалога, направленного на учет интересов всех заинтересованных в интеграции сторон.

На основе теории Кругмана в 2003 г. была написана работа Марка Мелица [42], где он в модель Кругмана включает фирмы. Модель подразумевает, что более крупные компании – более производительные, а значит, могут выигрывать конкурентную борьбу за счет снижения себестоимости благодаря эффекту масштаба. В любой момент времени есть успешные компании, которые расширяются, и есть те, которые не выдерживают конкуренции и вынуждены уйти с рынка. Экспортные компании реагируют на экономические шоки крайне чутко, поэтому, отслеживая их реакцию на интеграционные процессы, можно предсказать реакцию других экономических субъектов.

С точки зрения снижения торговых барьеров, модель Мелица говорит о том, что при вхождении небольшой страны в крупный торговый союз из отраслей уходят неэффективные производители. Это плохо для неконкурентоспособных компаний, но эта либерализация способствует выходу на экспортные рынки предприятий среднего звена. Больше всех от такой политики выигрывают крупные компании, так как они растут быстрее и захватывают большую долю рынка. Также существует такой факт, как влияние снижения торговых барьеров на ассортимент товаров, особенно при производстве в смежных областях. Есть компании, которые выигрывают от либерализации, но есть и те, которые сворачивают производство из-за нее. Происходит перераспределение рабочей силы на рынке и изменение долей компаний.

Еще одним заметным изменением в международной торговле является рост торговли промежуточными товарами и услугами. Традиционные теории торговли и теория Кругмана исключают торговлю

промежуточными товарами и не могут объяснить разделение производства товаров по странам и регионам. Ё. Сиозава [43] и Т. Фудзимото [44] в своей торговой модели, которую называют «новой» новой теорией торговли, анализируют, как конкурируют между собой разные иностранные производственные площадки, принадлежащие одним и тем же или разным фирмам, расположенным в разных странах мира.

Важность и возможность оценки эффекта интеграции для экономики приграничных регионов находит свое подтверждение в положительных и отрицательных последствиях этого процесса, отраженных в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Так, С. Стиллер и А. Нибур, изучая влияние интеграционных процессов на развитие приграничных территорий, выделяют и описывают положительные и отрицательные эффекты этого явления [45]. По их мнению, приграничные регионы могут иметь преимущество в привлечении ресурсов из-за нахождения их в центре интеграции государств. Также улучшает положение приграничных регионов близость к внешнему рынку – это обеспечивает дополнительный спрос. Однако, по мнению С. Стиллер и А. Нибур, может сложиться ситуация, при которой экономическому росту противостоят внутрирегиональные силы, которые пытаются сохранить доинтеграционную структуру региональной экономики. В результате эти исследователи пришли к выводу о том, что пространственный эффект интеграции зависит от конкретных обстоятельств. Приграничные регионы могут и выиграть, и проиграть от интеграции, при этом Стиллер и Нибур приводят как теоретические, так и эмпирические доказательства этого тезиса.

Джеймс Мид выделил условия, при выполнении которых позитивные эффекты создания таможенного союза будут перевешивать негативные [46].

Поль де Грауве делает вывод о поляризации регионального развития. Им установлено, что в результате интеграционных процессов волатильность в экономике стран-союзников усилилась, что сопровождается большими спадами и подъемами внутри экономических циклов. Страны и регионы утрачивают в результате интеграции иммунитет к негативным экономическим процессам, происходящим в соседних странах или в странах-союзниках [47].

За последние десятилетия возникло несколько экономических школ, сопряженно изучающих интеграционные эффекты и приграничное сотрудничество в Европе. Одним из ключевых тезисов региональной политики стала «территориальная сплоченность», направленная на выравнивание социально-экономических различий на всей территории Европейского союза [48]. Реализация этого замысла в приграничных регионах осуществляется через создание еврорегионов, основная цель которого – объединение усилий приграничных районов

западноевропейских стран для преодоления их относительной отсталости в социально-экономической сфере и определенной изолированности по отношению к центру [49]. Само создание и применение этого инструмента региональной политики свидетельствует о слабом влиянии интеграционных импульсов на развитие периферийных (приграничных) территорий по сравнению с развитием центральных.

Заключение

По результатам анализа работ зарубежных и отечественных авторов, посвященных исследованиям экономических эффектов приграничного положения в условиях интеграционного процесса или возрастающей барьерности границ, можно сделать несколько выводов.

1. Теоретический задел исследований и знаний по приграничному положению и интеграции сложно систематизировать. Это обусловлено разными подходами к оценке эффекта приграничного положения для социально-экономического развития. В целом можно выделить группу исследователей, уделяющих внимание оценке влияния барьерности границ на международную торговлю. Отдельно можно классифицировать работы по изучению гравитационных эффектов в приграничье. Некоторые авторы изучают более узкие темы, связанные с изменениями на рынке труда в приграничье в результате интеграции. И, наконец, наибольшее число исследований фокусируется на теоретическом осмыслении эмпирических данных взаимодействия отдельно взятых стран (ЕС, ОЭСР и др.), а также последствий интеграционного процесса между ними.

2. Остается нерешенным вопрос о том, как определять размер приграничных территорий с точки зрения экономических эффектов. Примыкание региона с административно заданными рамками к границе не означает равномерность распространения приграничного эффекта по всей его площади. Из-за этого возникает проблема эффективного управления социально-экономическим развитием таких территорий и сглаживания последствий барьерности и прозрачности границ.

3. Межгосударственный интеграционный процесс повышает энтропию в приграничье, одновременно предоставляя возможности для развития одних секторов и создавая ограничения для других. Это требует вовлеченности государства в процесс управления интеграционными эффектами в приграничье. Для реализации возможностей междоличного и приграничного положения Днепро-Двинского региона, а также для противодействия новым вызовам в условиях интеграции необходимо разрабатывать единую стратегию социально-экономического развития ДДР. Документ должен регулировать стратегические цели и приоритеты для Смоленской, Витебской и Могилёвской обла-

стей, а также генерировать общие проекты, интересные российским и белорусским хозяйствующим субъектам. Возможно, это позволит преодолеть отставание социально-экономических индикаторов этих регионов от средних значений, характерных для их стран.

4. Новая и новейшие теории торговли, а также новая экономическая география предоставляют дополнительные возможности для оценки приграничных эффектов интеграции. Однако не существует единой методики анализа последствий межгосударственной интеграции для приграничных или для других регионов. Многофакторность обуславливает необходимость эмпирических исследований отдельно для каждого приграничного региона и для каждого этапа межгосударственной интеграции. Интеграционный эффект – динамическое явление, изменяющееся с течением времени, что еще больше усложняет исследовательскую деятельность и управление приграничными территориями.

5. Снятие юридических и физических пограничных ограничений не означает, что ликвидирована барьерная функция границы. Экономическое взаимодействие в приграничье может быть низким из-за дефицита трансграничной инфраструктуры, институциональных и административных, культурных и языковых различий, а также социальных или психологических барьеров.

6. Интеграционный процесс – сложное явление, требующее всестороннего планирования, политической воли и экономической заинтересованности различных субъектов хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вардомский Л.Б., Голицына И.И., Самбурова Е.Н. Государственные границы и региональное развитие: политико-географический аспект // Политическая география: современное состояние и пути развития. М., 1989. С. 35–46.
2. Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. 2000. № 2 (27). С. 54–64.
3. Арсентьева И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 6(85). С. 24–29.
4. Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // Становление советской экономической географии. М., 1980.
5. Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М., Волгоград: НОФМО, 2002.
6. Ohmae K. The End of the National State: The Rise of Regional Economics. N.Y.: Harper Collins, 1995.
7. House J.W. Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.
8. Martinez O.J. Border People. Life and Society in the U.S. Mexico Borderlands. Tuscon: The University of Arizona Press, 1994.

9. *Velde B. van der Martin*. So Many Regions, So Many Borders. A Behavioural Approach in the Analysis of Border Effects // Paper Prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association (Rome, Italy, Aug. 26–29, 1997). Rome, 1997.
10. *Михайленко А.Н., Арсентьева И.И.* Приграничное сотрудничество России, Белоруссии и Казахстана в контексте евразийской интеграции // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 4. С. 87–93.
11. *Морачевская К.А.* Влияние государственных интеграционных процессов на развитие российско-белорусского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / под ред. Л.Б. Вардомского, Л.И. Попковой. Курск, 2017. С. 267–274.
12. *Морачевская К.А.* Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центр-периферийных градиентов // Региональные исследования. 2022. № 3(77). С. 44–53.
13. *Катровский А.П., Ридевский Г.В.* Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 128–136.
14. *Кузавко А.С.* Экономический рост и структурные отраслевые сдвиги в Днепро-Двинском регионе // Региональные исследования. 2020. № 4(70). С. 46–57.
15. *Кузавко А.С., Катровский А.П., Ридевский Г.В.* Эволюция потребительского рынка Днепро-Двинского региона: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019.
16. *Кузавко А.С.* Особенности развития потребительского рынка в Московско-Минском межстоличье // Региональные исследования. 2022. № 1(75). С. 93–101.
17. *Никитенко П.Г., Вертинская Т.С.* Белорусско-российское приграничное сотрудничество как фактор формирования Союзного государства Беларуси и России // Неприкосновенный запас. 2006. № 3. С. 86–99.
18. *Вертинская Т.С.* Межрегиональные связи Беларуси со странами – членами ЕАЭС // Наука и инновации. 2019. Т. 1, № 191. С. 17–20.
19. *Вертинская Т.С.* Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС. Минск, 2018.
20. *Ушкалова Д.И.* Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 4. С. 120–137. <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-effekty-regionalnoy-integratsii-mify-i-realnost>.
21. *Viner J.* The Customs Union Issue. New York, 1950.
22. *Ohlin B.* Interregional and International Trade. 3rd edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967.
23. *Lösch A.* Die räumliche Ordnung der Wirtschaft, 2. Auflage, 1944.
24. *McCallum J.* National Borders Matter: Canada – U.S. Regional Trade Patterns // American Economic Review. 1995. Vol. 85. Pp. 615–623.
25. *Helliwell J.F.* How Much do National Borders Matter. Washington: The Brookings Institution, 1997.
26. *Havranek T., Irsova Z.* Do Borders Really Slash Trade? A Meta-Analysis // IMF Economic Review. 2017. Vol. 65. No 2. Pp. 365–396. <https://doi.org/10.1057/s41308-016-0001-5>.
27. *Nitsch V.* National borders and international trade: evidence from the European Union // Canadian Journal of Economics. 2000. Vol. 22. No. 4. Pp. 1091–1105.

28. *Head K., Mayer T.* Non-Europe: The Magnitude and Causes of Market Fragmentation in the EU // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 2000. Vol. 136. No. 2. Pp. 284–314.
29. *Rose A.K., Wincoop E. van.* National Money as a Barrier to International Trade: The Real Case for Currency Union // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 2. Pp. 386–390.
30. *Harris C.* The Market as a Factor in the Localization of industry in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 1954. Vol. 44. Pp. 315–348.
31. *Keeble D., Owens P.L., Thompson Ch.* Regional Accessibility and Economic Potential in the European Community // *Regional Studies*. 1982. Vol. 16. No. 6. Pp. 419–432.
32. *Bröcker J.* Räumliche Wirkungen der europäischen Integration – ein Survey // *Jahrbuch für Regionalwissenschaft*. 1990. Vol. 11. Pp. 43–63.
33. *Peschel K.* Die Wirkungen der europäischen Integration auf die Regionalentwicklung. Lehren aus der Vergangenheit, Informationen zur Raumentwicklung. 1989. No. 8/9. Pp. 549–565.
34. *Hanson G.H.* Regional adjustment to trade liberalization // *Regional Science and Urban Economics*. 1998. Vol. 28. Pp. 419–444.
35. *Stiller S.* Integration in the German-Polish border region – Status Quo and Current Developments // 43rd Congress of the European Regional Science Association: «Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe», 27–30th August 2003, Jyväskylä, Finland, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve, 2003.
36. *Giersch H.* Der EG-Binnenmarkt als Chance und Risiko // *Kieler Diskussionsbeiträge*. 1988. No. 147.
37. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration and labour markets in European border regions, *Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung* // *Journal for Labour Market Research*, Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB). Nürnberg. 2006. Vol. 39. Iss. 1. P. 71.
38. *Leibenath M., Korcelli-Olejniczak E., Knippschild R.* Cross-border governance and sustainable spatial development. Mind the gaps! Berlin: Springer, 2008.
39. *Krugman P.* *Geography and Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991.
40. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
41. Днепро-Двинский регион в зеркале социологии: Коллективная монография / А.С. Кузавко, И.Ю. Барановский, О.А. Шевченко [и др.]; Смоленский государственный университет, Ассоциация «Агентство Интеграционных инициатив». Смоленск: Смоленский государственный университет, 2019.
42. *Melitz Marc J.* The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrica*. 2003. Vol. 71. No. 6. Pp. 1695–1725.
43. *Shiozawa Y.* The new theory of interantional values; an overview // *A New Construction of Ricardian Theory of International Values* / Y. Shiozawa, T. Oka and T. Tabuchi (Eds.). Singapore: Springer, 2017.
44. *Shiozawa Y., Fujimoto T.* The nature of international competition among firms // *Industrial Competitiveness and Design Evolution* / T. Fujimoto and F. Ikuine (Eds.). Tokyo: Springer Japan, 2018.
45. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration Effects in Border Regions: A Survey of Economic Theory and Empirical Studies. Hamburg, 2002. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19341/1/179.pdf>.

46. Мид Дж. Теория таможенных союзов // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А.П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 706–717.
47. *Grauwe P.* Design Failures in the Eurozone: Can they be fixed? LSE 'Europe in Question' Discussion // Paper Series LEQS Paper. 2013. No. 57. http://www.lse.ac.uk/european-institute/Assets/Documents/LEQS-Discussion-Papers/LEQSPaper57.pdf?from_serp=1.
48. *Ruidisch R.* Territorial cohesion and border areas // Borders and Border Regions in Europe. Changes, Challenges and Chances / A. Lechevalier, J. Wielgoths (Eds.), transcript Verlag, Bielefeld, 2013. P. 96.
49. *Ооржак В.О.* Опыт создания приграничных еврорегионов в странах Европейского союза // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 12–3. С. 502–508. <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2028>.

REFERENCES

1. *Vardomsky L.B., Golitsina I.I., Samburova E.N.* State borders and regional development: political and geographic aspect // Political geography: current state and ways of development. M., 1989. P. 35–46. (In Russ.).
2. *Vardomsky L.B.* Border belt of Russia: problems and development trends // Russia and the modern world. 2000. No. 2(27). Pp. 54–64. (In Russ.).
3. *Arsenteva I.I.* The concept of “borderland” in modern scientific discourse // Bulletin of the Transbaikal State University. 2012. No. 6(85). Pp. 24–29. (In Russ.).
4. *Baransky N.N.* Economic and geographical position // Formation of Soviet economic geography. M., 1980. (In Russ.).
5. Transparent borders. Security and cross-border cooperation in the zone of new border territories of Russia / L.B. Vardomsky, S.V. Golunov (Eds.). M; Volgograd: NOFMO, 2002. (In Russ.).
6. *Ohmae K.* The End of the National State: The Rise of Regional Economics. N.Y.: Harper Collins, 1995.
7. *House J.W.* Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982.
8. *Martinez O.J.* Border People. Life and Society in the U.S. Mexico Borderlands. Tuscon: The University of Arizona Press, 1994.
9. *Velde B. van der Martin.* So Many Regions, So Many Borders. A Behavioural Approach in the Analysis of Border Effects // Paper Prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association (Rome, Italy, Aug. 26–29, 1997). Rome, 1997.
10. *Mikhailenko A.N., Arsenteva I.I.* Border cooperation between Russia, Belarus and Kazakhstan in the context of Eurasian integration // Actual problems of modern international relations. 2014. No. 4. Pp. 87–93. (In Russ.).
11. *Morachevskaya K.A.* Influence of state integration processes on the development of the Russian-Belarusian border area // Strategy for the development of border areas: traditions and innovations: monograph / L.B. Vardomsky, L.I. Popkova (Eds.). Kursk, 2017. Pp. 267–274. (In Russ.).

12. *Morachevskaya K.A.* Borderline Phenomenon: Approaches to Interpretation and the Role of Center-Peripheral Gradients // *Regional Studies*. 2022. No. 3(77). Pp. 44–53. (In Russ.).
13. *Katrovsky A.P., Ridevsky G.V.* Spatial economic asymmetry as a factor of the Russian-Belarusian transboundary region // *Regional Studies*. 2013. No. 3. Pp. 128–136. (In Russ.).
14. *Kuzavko, A. S.* Economic growth and structural sectoral shifts in the Dnieper-Dvina region // *Regional Studies*. 2020. No. 4 (70). Pp. 46–57.
15. *Kuzavko, A. S., Katrovsky A. P., Ridevsky G. V.* Evolution of the consumer market of the Dnieper-Dvina region Smolensk: Smolensk State University, 2019.
16. *Kuzavko, A. S.* Features of the development of the consumer market in the Moscow-Minsk intercapital region // *Regional studies*. 2022. No. 1 (75). Pp. 93–101.
17. *Nikitenko P.G., Vertinskaya T.S.* Belarusian-Russian cross-border cooperation as a factor in the formation of the Union State of Belarus and Russia. 2006. No. 3. Pp. 86–99. (In Russ.).
18. *Vertinskaya T.S.* Interregional relations of Belarus with the countries – members of the EAEU // *Science and innovations*. 2019. V. 1. No. 191. Pp. 17–20. (In Russ.).
19. *Vertinskaya T.S.* Theoretical and practical foundations for the economic integration of the regions of the EAEU member countries. Minsk, 2018. (In Russ.).
20. *Ushkalova D.I.* Economic effects of regional integration: myths and reality // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4. Pp. 120–137. <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-effekty-regionalnoy-integratsii-mify-i-realnost>. (In Russ.).
21. *Viner J.* The Customs Union Issue. New York, 1950.
22. *Ohlin B.* Interregional and International Trade. 3rd edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967.
23. *Lösch A.* Die räumliche Ordnung der Wirtschaft, 2. Auflage, 1944.
24. *McCallum J.* National Borders Matter: Canada – U.S. Regional Trade Patterns // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. Pp. 615–623.
25. *Helliwell J.F.* How Much do National Borders Matter. Washington: The Brookings Institution, 1997.
26. *Havraneck T., Irsova Z.* Do Borders Really Slash Trade? A Meta-Analysis // *IMF Economic Review*. 2017. Vol. 65. No 2. Pp. 365–396. <https://doi.org/10.1057/s41308-016-0001-5>.
27. *Nitsch V.* National borders and international trade: evidence from the European Union // *Canadian Journal of Economics*. 2000. Vol. 22. No. 4. Pp. 1091–1105.
28. *Head K., Mayer T.* Non-Europe: The Magnitude and Causes of Market Fragmentation in the EU // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 2000. Vol. 136. No. 2. Pp. 284–314.
29. *Rose A.K., Wincoop E. van.* National Money as a Barrier to International Trade: The Real Case for Currency Union // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 2. Pp. 386–390.
30. *Harris C.* The Market as a Factor in the Localization of industry in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 1954. Vol. 44. Pp. 315–348.
31. *Keeble D., Owens P.L., Thompson Ch.* Regional Accessibility and Economic Potential in the European Community // *Regional Studies*. 1982. Vol. 16. No. 6. Pp. 419–432.
32. *Bröcker J.* Räumliche Wirkungen der europäischen Integration – ein Survey // *Jahrbuch für Regionalwissenschaft*. 1990. Vol. 11. Pp. 43–63.
33. *Peschel K.* Die Wirkungen der europäischen Integration auf die Regionalentwicklung. Lehren aus der Vergangenheit, Informationen zur Raumentwicklung. 1989. No. 8/9. Pp. 549–565.

34. *Hanson G.H.* Regional adjustment to trade liberalization // *Regional Science and Urban Economics*. 1998. Vol. 28. Pp. 419–444.
35. *Stiller S.* Integration in the German-Polish border region – Status Quo and Current Developments // 43rd Congress of the European Regional Science Association: «Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe», 27–30th August 2003, Jyväskylä, Finland, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve, 2003.
36. *Giersch H.* Der EG-Binnenmarkt als Chance und Risiko // *Kieler Diskussionsbeiträge*. 1988. No. 147.
37. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration and labour markets in European border regions, *Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung – Journal for Labour Market Research*, Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB). Nürnberg, 2006. Vol. 39. Iss. 1. P. 71.
38. *Leibenath M., Korcelli-Olejniczak E., Knippschild R.* Cross-border governance and sustainable spatial development. Mind the gaps! Berlin: Springer, 2008.
39. *Krugman P.* *Geography and Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991.
40. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
41. Dnieper-Dvinsk region in the mirror of sociology: Collective monograph / A.S. Kuzavko, I.Yu. Baranovsky, O.A. Shevchenko [and others]; Smolensk State University, Association “Agency for Integration Initiatives”. Smolensk: Smolensk State University, 2019.
42. *Melitz Marc J.* The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrica*. 2003. Vol. 71. No. 6. Pp. 1695–1725.
43. *Shiozawa Y.* The new theory of interantional values; an overview // *A New Construction of Ricardian Theory of International Values* / Y. Shiozawa, T. Oka and T. Tabuchi (Eds.). Singapore: Springer, 2017.
44. *Shiozawa Y., Fujimoto T.* The nature of international competition among firms // *Industrial Competitiveness and Design Evolution* / T. Fujimoto and F. Ikuine (Eds.). Tokyo: Springer Japan, 2018.
45. *Niebuhr A., Stiller S.* Integration Effects in Border Regions: A Survey of Economic Theory and Empirical Studies. Hamburg, 2002. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19341/1/179.pdf>.
46. *Meade J.* Theory of customs unions // *Milestones of economic thought*. T. 6. *International Economics* / A.P. Kireeva (Ed.). M.: TEIS, 2006. Pp. 706–717. (In Russ.).
47. *Grauwe P.* Design Failures in the Eurozone: Can they be fixed? LSE ‘Europe in Question’ Discussion // *Paper Series LEQS Paper*. 2013. No. 57. 35 p. http://www.lse.ac.uk/european-institute/Assets/Documents/LEQS-Discussion-Papers/LEQSPaper57.pdf?from_serp=1.
48. *Ruidisch R.* Territorial cohesion and border areas // *Borders and Border Regions in Europe. Changes, Challenges and Chances* / A. Lechevalier, J. Wielgoths (Eds.), transcript Verlag, Bielefeld, 2013. P. 96.
49. *Oorzhak V.O.* Experience in creating border euroregions in the countries of the European Union // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021. No. 12–3. Pp. 502–508. <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2028>. (In Russ.).

Дата получения рукописи: 05.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузавко Антон Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
ORCID: 0000-0001-9758-3940
akuzavko@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anton S. Kuzavko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at Smolensk State University, Smolensk, Russia
ORCID: 0000-0001-9758-3940
akuzavko@rambler.ru

BORDER REGIONS IN CONDITIONS OF INTEGRATION: THEORETICAL ESTIMATIONS AND PRACTICAL RESULTS

The study of the dynamics of interstate interactions during globalization and regionalization of the world economy enabled to accumulate a significant amount of theoretical and empirical results, which can be used to assess the impact of cross-border trade cooperation on regional economic development. A particular interest is using different approaches and methods for the analysis of the development of border regions in the context of integration. The author compares the dynamics of some border regions of the Union State of Russia and Belarus, the EU and a number of other states involved in the integration processes. He attempts to summarize the most significant conclusions of Russian and foreign scholars studying the impact of interstate integration on the socio-economic situation of border regions. He notes that certain opportunities for assessing the impact of a region's border position on its development are provided by the new theory of trade and new economic geography. The study has shown that the impact of integration on the development of border regions differs a lot. It depends on various goals and motives behind the convergence of independent states, as well as on unique institutional factors of border areas.

Keywords: *border regions, integration, economic growth.*

JEL: F02.

В.В. НАРБУТ

кандидат экономических наук, доцент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Е.П. ШПАКОВСКАЯ

кандидат экономических наук, доцент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Целью настоящего исследования явилась оценка векторов развития внешней торговли России в результате введения ограничений. Установлено, что по итогам внешнеэкономической деятельности за 2022 год сформировалось беспрецедентно высокое значение счета текущих операций платежного баланса. Ключевое влияние оказали такие агрегаты, как экспорт, импорт, сальдо баланса товаров и услуг. Выявлено, что значимость торгового партнерства ЕС для России снизилась, а стоимость товаров, поставленных в страны ЕС, увеличилась. Анализ показал, что в основе роста стоимости экспорта лежали две разнонаправленные тенденции: снижение объема поставок и рост цен на основные группы импортируемых товаров. На фоне стремительного свертывания торговых отношений со странами Европейского союза стали строиться альтернативные пути обмена товарами с другими странами мира.

Ключевые слова: *внешняя торговля, экспорт, импорт, санкции, внешнеторговые операции.*

УДК: 339.5, 332.1

EDN: WMGUSN

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_131_148

Введение

В 2022 г. в отношении России были введены санкции и наложены ограничения, которые послужили толчком для серьезной реструктуризации всей ее внешнеэкономической деятельности. Современный этап развития внешней торговли России характеризуется перенаправлением торговых потоков, изменением географической и товарной структуры, интенсификацией одних торговых потоков и замедлением других, что можно назвать «тектоническим сдвигом» во внешнеэко-

номической деятельности страны. Эти процессы требуют анализа и осмысления, что осложняется тем, что в апреле 2022 г. Банк России принял решение о временном прекращении публикации статистических данных, характеризующих товарную и географическую структуру внешней торговли. Приостановила официальные публикации и Федеральная таможенная служба России. Но, учитывая, что все внешне-торговые операции имеют двусторонний характер, для целей анализа можно использовать статистические данные стран – торговых партнеров России. По мнению М. Гарбера, Т. Пека и К. Хауэлла [1] статистические данные, характеризующие двустороннюю торговлю, можно использовать для оценки масштаба торговли и для «понимания экономических взаимосвязей между торговыми партнерами» в условиях отсутствия данных одного из партнеров.

Оценка развития внешней торговли России с ее основными партнерами дается во многих научных публикациях, как российских, так и зарубежных. В исследовании Ушкаловой Д.И. приводятся результаты анализа воздействия санкций на динамику экспорта и импорта России, а также конъюнктуру мировых товарных рынков [2]. В работе Кононенко Д.С. акцент сделан на анализе структуры внешней торговли России по странам-партнерам [3]. В статье Казанцева С. В. [4] представлены результаты влияния увеличения объема выпуска одних товаров на изменение масштабов производства других в российской экономике. В статье Бударинной Н.А., Ненадышиной Т.С. [5] авторы предлагают меры по упрощению процедур торговли и обозначают механизмы их применения. В исследовании Афасальева А.А. [6] предпринята попытка прогноза основных показателей внешнеэкономической деятельности на среднесрочную перспективу и формулируется вывод об открытости национальной экономики России в «процессе формирования ее суверенной модели». В ряде работ, например, Михайловой И.П., Степанова Е.А., Фединой Е.В. [7], предлагаются методики анализа товарных потоков внешней торговли с учетом их трансформации. В исследовании Кулаговской Т.А., Григорьева Д.С., Левченко В.А., Шаповаловой А.В. [8] сделан важный вывод о том, что последствия санкций для России не являются катастрофическими, гораздо более сильное влияние они оказывают на страны – инициаторы санкций. В статье Гонсалеса В., Бельотта Р. [9] рассмотрены пути развития внешнеэкономических отношений России со странами Латинской Америки, обозначены факторы, препятствующие и стимулирующие сотрудничество, сделан вывод о том, что у стран Латинской Америки есть перспективы расширения присутствия в России в условиях анти-российских санкций.

Почти все исследователи сходятся во мнении, что санкции меняют направления внешнеторгового сотрудничества, ограничивая торговые

отношения с одними партнерами и способствуя налаживанию связей с новыми партнерами.

Целью настоящего исследования явилась оценка векторов развития внешней торговли России в результате введения ограничений. В соответствии с целью исследования были поставлены задачи:

- провести анализ ключевых агрегатов торгового баланса России за период с 2000 до 2022 г., выявить основные черты динамики экспорта и импорта, а также оценить их вклад в формирование текущего счета платежного баланса России;
- оценить объем экспортных и импортных операций между Россией и странами ЕС до и после введения санкций;
- выявить причины роста стоимости экспорта в страны ЕС в условиях ограничения поставляемых товаров;
- оценить статистическую значимость изменения доли присутствия России во внешней торговле со странами ЕС по основным видам ввозимых товаров;
- определить векторы развития торговых потоков России после санкционных ограничений: установить состав стран, с которыми был интенсифицирован поток обмена товарами.

Методология

Для проведения анализа внешнеторговых операций России использовались данные платежного баланса за период с 2000 по 2022 г., публикуемые Банком России, а также данные Федеральной таможенной службы России. В связи с приостановкой публикаций официальной статистической информации Банком России и Федеральной таможенной службы в 2022 г., оценка объема внешней торговли между Россией и странами Европейского Союза базировалась на базе данных Евростата «EU27 trade by SITC product group». При оценке структуры экспортных и импортных операций товарные группы были представлены в соответствии со стандартной международной торговой классификацией SITC, разработанной статистической комиссией ООН. Анализ объема экспорта и импорта между Россией и Китаем осуществлялся на основе данных главного таможенного управления Китайской Народной Республики «General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC)». Оценка объема торговли России с другими странами мира базировалась на данных Международного валютного фонда «Direction of Trade Statistics» (см. рис. 1).

При оценке развития внешней торговли России использовались показатели структуры, динамики и вариации. Показатели структуры характеризуют состав изучаемой совокупности и удельные веса компонентов, показатели динамики позволяют увидеть сформировавшиеся

тренды во внешнеэкономической деятельности и их окончание, а показатели вариации – размах выборки и отклонения от средних величин.

Оценка структурных сдвигов в экспортных и импортных операциях со странами ЕС осуществлялась с использованием коэффициента Гатева (Gatev), вычисляемого по формуле:

$$K_{\text{Гатева}} = \sqrt{\frac{\sum (d_{2j} - d_{1j})^2}{\sum (d_{2j}^2 - d_{1j}^2)}} \cdot 2 \cdot 100\%,$$

где d_{1j} – доля j -ой части в базисном периоде; d_{2j} – доля j -ой части в отчетном периоде.

При выявлении преобладания относительных частот внутри одной группы (товарной структуры импорта) осуществлялась проверка нулевой статистической гипотезы об отсутствии различий между ними. При $p > 0,05$ нулевая гипотеза об отсутствии различий не отклонялась, а при $p < 0,05$ нулевая гипотеза отклонялась и принималась альтернативная о существовании различий между относительными частотами.

Оценка изменения цен, физического объема и стоимости экспорта и импорта осуществлялась на основе базисных индексов, характеризующих изменение указанных показателей после введения санкций с ситуацией до их введения. В качестве даты до введения санкций использовался январь 2022 г., а датой после введения санкций принимался последний период, за который имелись официальный статистические данные – октябрь 2022 г.

Период анализа	Платежный баланс – 2000–2022 гг.
	Экспортно-импортные операции – 2021–2022 гг.
Источники данных	Данные Банка России
	Данные Федеральной таможенной службы России «Таможенная статистика внешней торговли РФ»
	Данные МВФ «Direction of Trade Statistics»
	Данные главного таможенного управления КНР «General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC)»
	Данные Евростата «EU27 trade by SITC product group»

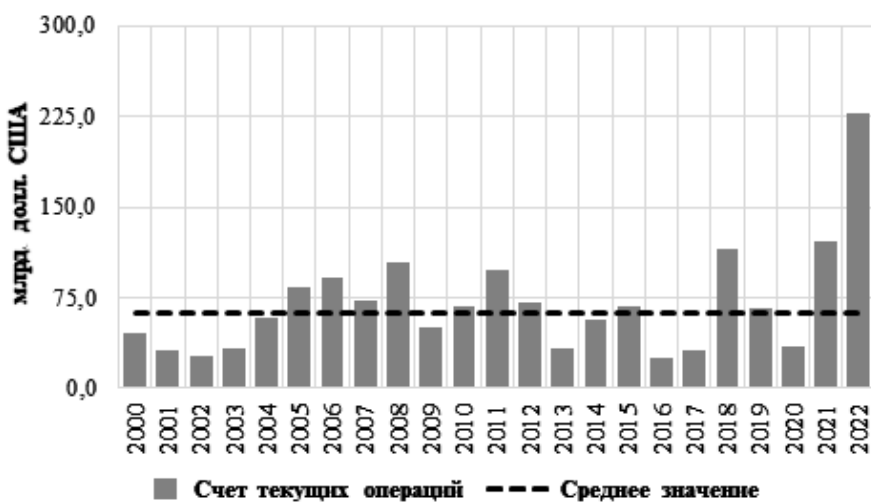
Источник: составлен авторами.

Рис. 1. Исследование развития внешней торговли России в условиях санкций: период анализа и источники данных

Результаты и обсуждение.

Экономические итоги 2022 г. по данным платежного баланса

Итогом внешнеэкономической деятельности за 2022 г. стало беспрецедентно высокое значение счета текущих операций платежного баланса, которое достигло 227,4 млрд долл. США (см. рис. 2). За период с 2000 по 2021 г. величина счета текущих операций в значительной степени варьировала в зависимости от конъюнктуры международных отношений и экономической ситуации. При этом среднее значение составляло 63,2 млрд долл. США при среднем квадратическом отклонении 29,6 млрд долл. США. За указанный период можно выделить три пика: в 2008 г. – 103,9 млрд долл., в 2018 г. – 115,7 млрд долл. и в 2021 г. – 122,3 млрд долл. Итог внешнеторговой деятельности России 2022 г. превысил максимальный пик в 1,9 раза, а среднее значение за предшествующий 21-летний период наблюдения в 3,6 раза.

Источник: построен авторами по: данные Банка России «Платежный баланс РФ». https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

Рис. 2. Счет текущих операций России за период 2000–2022 гг.

В структуре счета текущих операций за анализируемый период просматриваются следующие тенденции:

На всем протяжении периода 2000–2022 г. сальдо торгового баланса было положительное, однако в значительной степени колебалось (см. рис. 3). Среднее значение составляло 105,4 млрд долл. при среднем квадратичном отклонении 42,3 млрд долл.

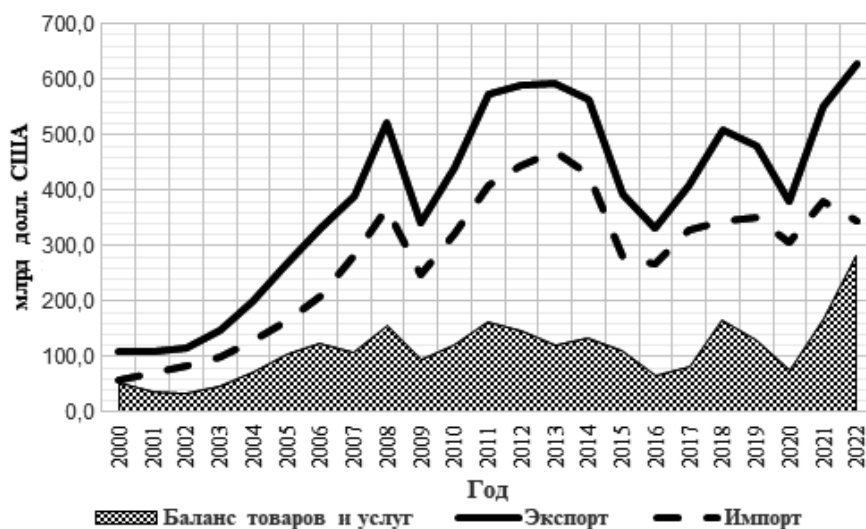
Основной чертой динамики экспорта и импорта товаров и услуг России до 2022 г. было их однонаправленное изменение при изменении

объемов товарооборота. На рис. 2 отчетливо видна симметричность подъемов и спадов в основных агрегатах торгового баланса России. Особенностью 2022 г. стало не только самое большое за 21 год наблюдения сальдо торгового баланса в размере 282,4 млрд долларов, которое в 2,7 раза превысило среднее значение, но и существенное разнонаправленное изменение ключевых показателей внешней торговли: экспорт вырос на 14,2%, а импорт снизился на 9,0% по сравнению с 2021 г.

За весь анализируемый период сальдо услуг было отрицательным, а среднее значение составило –24,2 млрд долл.

Ежегодное сальдо инвестиционных доходов также было отрицательным со средним значением –32,8 млрд долларов.

Такая же тенденция наблюдается и относительно сальдо вторичных доходов, отражающего трансфертные платежи. Среднее значение за период составило –5,2 млрд долларов.

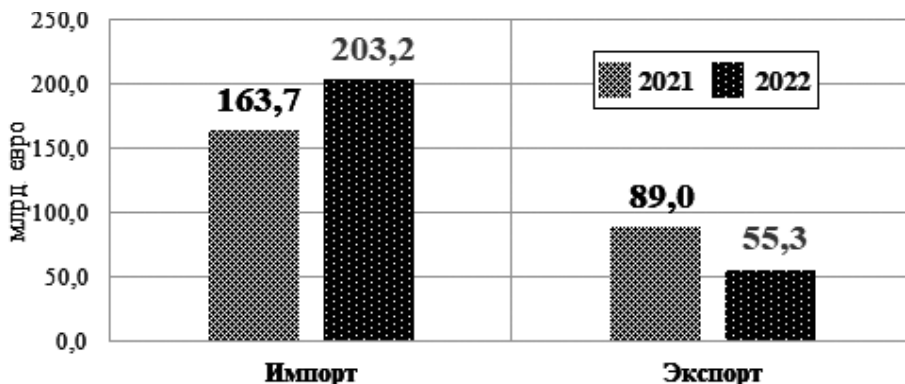
Источник: построен авторами по данным Банка России «Платежный баланс РФ»

Рис. 3. Экспорт, импорт, сальдо товаров и услуг России за период 2000–2022 г.

Внешняя торговля между Россией и странами ЕС

По данным Федеральной таможенной службы России в 2021 г., до введения санкций, доля экспорта России в страны Европейского союза составляла 38,1%, а импорта – 32,0%. Следует отметить, что на протяжении продолжительного периода до санкций значимость торгового партнерства ЕС для России постоянно снижалась. Аналогичная закономерность выявлена в работе Нарбут В.В., Толмачева М.Н., Шнайдер О.В. [10]: за 10 лет доля экспорта снизилась с 57,0 до 38,1%, а доля импорта с 42,2 до 32,0%.

Если обратиться к статистическим данным Европейского союза, в 2021 г. Россия была для него пятым по величине торговым партнером. После введения ограничительных мер на торговлю с Россией, инициированных Европейским союзом, объем импорта из России за 2022 г. по сравнению с 2021 г. увеличился на 39,5 млрд евро (или на 24,1%), а объем экспорта сократился со 89,0 до 55,3 млрд евро (или на 37,9%) (см. рис. 4). При этом, как в 2021 г., так и в 2022 г., сальдо торговли Европейского союза с Россией было отрицательное и произошел его рост с 74,7 млрд евро до 147,9 млрд евро.

Источник: построен авторами по данным Eurostat “EU27 trade by SITC product group”.

Рис. 4. Изменение импорта из России в страны ЕС и экспорта из стран ЕС в Россию до и после введения санкций

Товарная структура импорта в целом по всем группам товаров изменилась на 10,6%¹. Основными товарами, закупаемыми странами ЕС в России, являются минеральное топливо и смазочные материалы. После введения ограничений на торговлю в 2022 г. стоимость импорта товаров данной номенклатурной группы резко увеличилась со 104 млрд евро до 148 млрд евро (на 42,3%), а их доля в общей сумме импорта выросла с 63,5% до 72,8% (см. табл. 1).

Второй по значимости товарной группой, импортируемой странами ЕС из России, являются промышленные товары. Объем закупаемых промышленных товаров сократился на 11,5%, в их доля в объеме импорта снизилась с 12,4% до 8,8%. Серьезно сократились объемы закупки сырья и материалов – на 31%, а их доля уменьшилась с 4,3% до 2,4%. Объем закупаемых химических веществ увеличился на 4,5%, а их доля в объеме экспорта снизилась с 4,1% до 3,5%.

¹ Изменение структуры экспорта оценено на основе коэффициента Гатева.

Таблица 1

Товарная структура импорта в страны ЕС из России до и после введения ограничений торговли

Товарная группа	Импорт, млн евро		Удельный вес, %	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Минеральное топливо, смазочные материалы	104006	148017	63,5	72,8
Промышленные товары	20305	17968	12,4	8,8
Сырье и материалы (за исключением топлива)	7021	4848	4,3	2,4
Химические вещества и сопутствующие товары	6793	7098	4,1	3,5
Другие товары	25576	25270	15,6	12,4
Итого:	163700	203200	100,0	100,0

Источник: составлена авторами по: данные Eurostat «EU27 trade by SITC product group».

Чем же обусловлен существенный рост стоимости импорта топлива и смазочных материалов и химических веществ для стран ЕС из России в условиях действия ограничений на торговлю?

Основными товарами, импортируемыми в страны ЕС из России, являются природный газ, уголь, нефть, удобрения, железо и сталь, никель. Сопоставление цен, объема и стоимости поставок после введения санкций с периодом до ввода ограничений, то есть с январем 2022 г., позволяет сделать вывод, что в основе роста стоимости импорта лежали две разнонаправленные тенденции: снижение объема поставок и рост цен на основные группы импортируемых товаров (см. табл. 2).

Таблица 2

Индексы цен, физического объема и стоимости импорта основных видов товаров из России в страны ЕС

Товар	Базисный индекс, % (январь 2022 г. = 100)		
	Цен	Физического объема	Стоимости
Природный газ	988,7	44,4	439,0
Уголь	436,8	0,4	1,7
Удобрения	280,8	55,3	155,3
Нефть	193,5	73,6	142,4
Никель	158,8	98,4	156,3
Железо и сталь	131,8	31,3	41,3

Источник: составлена авторами по: данные Eurostat «EU27 trade by SITC product group».

Цена на природный газ выросла в 9,9 раза, а объем поставок сократился более, чем в 2 раза. Цена на уголь увеличилась в 4,4 раза, при этом поставки угля практически прекратились. Цены на удобрения выросли в 2,8 раза, а объем их поставок сократился на 44,7%. Цена на нефть увеличилась в 1,9 раза при уменьшении объема поставок на 26,4%. Цены на железо и сталь выросли на 31,8%, а их поставки сократились на 68,7%. И только по никелю при увеличении цены в 1,6 раза объем поставок сократился незначительно по сравнению с другими товарами – всего на 1,6%.

В результате ограничения импорта товаров доля России во внешней торговле по указанным товарным группам существенно снизилась (см. табл. 3).

Таблица 3

Изменения доли присутствия России во внешней торговле стран ЕС по основным видам импортных товаров

Товар	Доля в общем объеме импорта данного товара, %		Изменение доли, п.п.	Значимость изменения доли
	до санкций	после санкций		
Природный газ	36	18	-18	$p = 0,004^*$
Уголь	45	13	-32	$p < 0,001^*$
Удобрения	29	17	-12	$p = 0,044^*$
Нефть	25	14	-11	$p = 0,049^*$
Никель	42	43	+1	$p = 0,886$
Железо и сталь	16	5	-11	$p = 0,011^*$

Источник: составлена авторами по: данные Eurostat «EU27 trade by SITC product group».

* – статистически значимые различия при уровне $p < 0,05$.

До введения ограничений на осуществление внешней торговли Россия была основным поставщиком природного газа в страны Европейского союза. В результате санкций доля Российского природного газа снизилась вдвое. По данным Евростата основным поставщиком природного газа в Европейский союз стали США: их доля в структуре импорта резко возросла с 11% до 20%².

Россия была и основным поставщиком угля. Новые условия внешней торговли в значительной степени снизили долю российского угля с 45% до 13%. В результате Россия для стран ЕС стала только пятым по

² Eurostat. Russia – EU – international trade of main product groups. <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=558089>.

значимости партнером, уступив место Австралии (21%), США (17%), Колумбии (16%) и Южной Африке (14%).

Первенство России по поставкам нефти пока не утрачено, но в значительной степени ослаблено. Доля импорта нефти из России сократилась с 25 до 14%. При этом доля американской нефти увеличилась с 9 до 12%.

До введения санкций треть ввезенных удобрений были из России, также поставлялись удобрения из Белоруссии (8%) и Украины (4%). После ввода санкций доля российских удобрений сократилась до 17%, доли поставок из Белоруссии и Украины сократились до минимума, а США (8%) и Канада (6%) прочно заняли их места в сотрудничестве с Европейским союзом.

Существенно снизилась доля российской стали и железа с 16 до 5%. Будучи основным поставщиком стали и железа до санкций, после их введения Россия сместилась на седьмое место. Основными поставщиками стали и железа для Европы стали Китай (13%), Турция (11%), Индия (10%), Южная Корея (8%), Великобритания (7%), Тайвань (6%).

Единственным товаром из рассмотренных выше, доля присутствия которого на европейском рынке не изменилась, является никель. Доля никеля из России даже незначительно увеличилась с 42 до 43%. Увеличили свое присутствие на европейском рынке никеля Канада (с 6 до 9%) и США (с 12 до 14%).

Таким образом доля присутствия товаров из России на европейском рынке за год существенно снизилась. По всем основным видам импортируемых товаров доля России статистически значимо уменьшилась (таблица 3) в пользу других партнеров по внешней торговле. Единственным товаром, доля которого на рынке Европы не только высока, но и не изменилась, является никель.

Товарная структура экспорта товаров из Европейского союза в Россию в целом по всем группам товаров изменилась на 26%. Стоимость экспорта сократилась по всем товарным группам (см. табл. 4).

Стоимость экспорта машин и транспортного оборудования уменьшилась на 22996 млн евро (или 58,8%), химических веществ – на 1767 млн евро (или 8,8%), промышленных товаров – на 3871 млн евро (или 43,0%). Изменение структуры экспорта произошло в сторону сокращения доли машин и транспортного оборудования (с 43,9 до 29,1%) и увеличения доли химических веществ и сопутствующих товаров (с 22,5 до 33,0%).

Таблица 4

Товарная структура экспорта стран ЕС в Россию до и после введения ограничений торговли

Товарная группа	Экспорт, млн евро		Удельный вес, %	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Машины и транспортное оборудование	39091	16096	43,9	29,1
Химические вещества и сопутствующие товары	19991	18224	22,5	33,0
Разные промышленные товары	10531	6745	11,8	12,2
Промышленные товары	9004	5132	10,1	9,3
Продукты питания и живые животные	3994	3937	4,5	7,1
Другие товары	6389	5166	7,2	9,3
Итого:	89000	55300	100,0	100,0

Источник: составлена авторами по: данные Eurostat «EU27 trade by SITC product group».

Торговые отношения России с другими странами

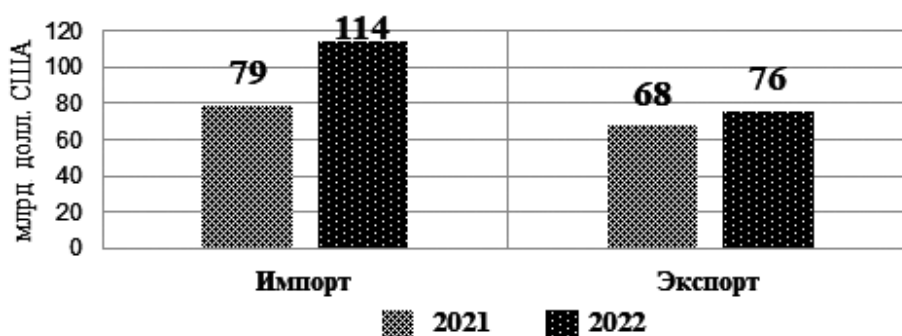
Учитывая падение цен на энергоносители, начавшееся летом 2022 г. и сокращение доли импорта из России по всей номенклатуре товаров, очевидна необходимость в перенастройке товарных потоков в сторону дружественных стран. И действительно, на фоне стремительного свертывания торговых отношений со странами Европейского союза в срочном порядке формируются альтернативные пути обмена товарами с другими странами мира. Анализ поквартальной динамики товарных потоков показывает, что этот процесс уже начался. По данным аналитического центра BRUEGEL (Brussels European and Global Economic Laboratory)³ в Китай, Индию и Турцию (основные торговые партнеры России в 2023) в I квартале 2022 г. было поставлено энергоносителей на 19,5 млрд долл., в то время как в недружественные (ЕС-27, Великобритания, США, Япония, Южная Корея) – всего на 63,5 млрд долл. В IV же квартале это отношение кардинально изменилось – 38,9 млрд долл. в указанные дружественные страны против 31,4 млрд долл. в недружественные страны. В 2023 году можно предположить, что изменение векторов товарооборота от недружественных стран по направлению к дружественным будет только усиливаться.

³ BRUEGEL. Russia's huge trade surplus is not a sign of economic trade. <https://www.bruegel.org/blog-post/russias-huge-trade-surplus-not-sign-economic-strength>.

В середине 2022 г. Российский экспортный центр обозначил приоритетные направления экспорта товаров из России⁴, среди которых названы:

- страны, с которыми уже налажены торговые отношения (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан);
- страны, в которых в настоящее время присутствует возможность освоения новых сегментов рынка (страны Азии и Ближнего Востока);
- страны, с которыми экспорт пока не налажен, но есть потенциал развития торговли (страны Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии);
- страны, «имеющие точечный потенциал» для экспортных поставок.

Санкционное давление стимулировало двустороннюю торговлю между Россией и Китаем. В соответствии с данными главного таможенного управления Китайской Народной Республики в 2022 г. оборот внешней торговли между Россией и Китаем достиг максимального значения за последние 20 лет – 190 млрд долл. США. Объем товаров, ввезенных в Китайскую Народную Республику, увеличился с 79 до 114 млрд долл. (на 44,3%), а объем товаров, ввезенных из Китая в Россию, вырос с 68 до 76 млрд долл. (на 11,8%) (см. рис. 5).

Источник: построена авторами по: данные General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC).

Рис. 5. Показатели внешней торговли Китая с Россией до и после введения санкций

В структуре мирового ВВП доля Китая составляет 19% по итогам 2022 г.⁵ Экономика Китая может с легкостью принять весь выпадающий

⁴ Российский экспортный центр. Российский экспортный центр составил актуальную карту приоритетных направлений для экспорта. https://www.exportcenter.ru/press_center/rossiyskiy-eksportnyy-tsentr-sostavil-aktualnuyu-kartu-prioritetnykh-napravleniy-dlya-eksporta/.

⁵ STATISTA. <https://www.statista.com/statistics/270439/chinas-share-of-global-gross-domestic-product-gdp/>.

объем экспорта из России и, наоборот, обеспечить всей номенклатурой товаров, запрещенных недружественными странами к экспорту в Россию. Кроме того, финансовая система Китая устойчива и может предоставить инфраструктуру расчетов, позволяющую избежать финансовых ограничений со стороны США, Великобритании и стран ЕС.

Проект стратегического плана развития отношений двух стран предполагает сохранение сырьевой экспортной модели, увеличение оборота юаня и рубля в трансграничных расчетах, развитие новых торговых путей через акватории морей Северного Ледовитого океана.

Для оценки процессов развития внешнеторговых потоков с другими странами мира можно воспользоваться статистическими данными Международного валютного фонда. Учитывая, что данные в этой статистической базе на момент написания статьи были представлены до октября 2022 г., то сравнение проводилось с аналогичным периодом 2021 г. В табл. 5 представлены страны, в которые наблюдался ввоз товаров из России, а также оценена степень роста. Рост экспорта преимущественно наблюдался в страны Африки. Обращается на себя внимание закономерность: наибольшая интенсификация торговых отношений происходит со странами, с которыми торговые потоки до этого были не развиты. В странах с объемом экспорта до санкций в среднем 180 млн долл. торговый поток увеличился до 50%, с объемом экспорта в среднем 29 млн долл. – от 50 до 100%, с самым маленьким объемом экспорта в пределах 2 млн долл. – более, чем в 2 раза.

Таблица 5

Страны, в которые был интенсифицирован поток товаров из России после ввода санкций

Темп роста, %	Количество стран	Состав стран	Стоимость товаров в расчете на одну страну в 2021 г., млн долл.
100 – 150	13	Боливарианская Республика Венесуэла, Израиль, Марокко, Намибия, Непал, Панама, Сент-Люсия, Сингапур, Сомали, Судан, Уругвай, Фарерские острова	180
150 – 200	3	Буркина-Фасо, Коста-Рика, Сирия	29
200 и более	5	Бенин, Гибралтар, Мадагаскар, Сейшелы, Южный Судан	2
Итого:	21		116

Источник: составлена авторами по: данные International Monetary Fund «Direction of Trade Statistics».

Приток товаров в Россию наблюдался из 60 стран-партнеров (см. табл. 6). Это были как страны, с которыми уже давно были налажены торговые отношения, так и страны, освоение торговли с которыми произошло уже после введения санкций. Закономерность присутствовала и в интенсификации импорта товаров в Россию: максимальная интенсификация торговли происходила со странами, с которыми до санкций импорт был не налажен, а минимальная – со странами, с которыми объем импорта был в 10 раз выше, чем со странами с развивающимися торговыми отношениями.

Таблица 6

Страны, из которых был интенсифицирован поток товаров в Россию после ввода санкций

Темп роста, %	Количество стран	Состав стран	Стоимость товаров в расчете на одну страну в 2021 г., млн долл.
100–150	27	Австралия, Азербайджан, Ангола, Афганистан, Бразилия, Габон, Египет, Индия, Канада, Кувейт, Кыргызская Республика, Маврикий, Малайзия, Мексика, Нигерия, ОАЭ, Перу, Республика Йемен, Республика Корея, Республика Молдова, Сингапур, Сирийская Арабская Республика, Турция, Узбекистан, Южная Африка, Южный Судан, Япония	3702
150–200	16	Багамские острова, Бангладеш, Вьетнам, Гайана, Гамбия, Гибралтар, Гондурас, Ирландия, Колумбия, Конго, Либерия, Намибия, Панама, Судан, Суринам, Эфиопия	408
200 и более	17	Алжир, Венесуэла, Гватемала, Гвинея-Бисау, Замбия, Зимбабве, Катар, Коморские острова, Коста-Рика, Мальдивы, Мозамбик, Мьянма, Сенегал, Сент-Люсия, Уганда, Фарерские острова, Чад	343
Итого:	60		1872

Источник: составлена авторами по: данные International Monetary Fund «Direction of Trade Statistics».

Данные таблиц 5 и 6 позволяют сделать вывод, что 2022 год стал годом изменения векторов внешней торговли России в направлении стран Африки, Азии и Центральной и Южной Америки. Если до недавнего времени Африка рассматривалась как периферийный партнер, то в настоящее время ценность стран Африки для экономического сотрудничества переоценивается. Потенциал Африканского континента как рынка сбыта товаров из России на данном историческом этапе востребован и важен. Во-первых, это один из самых быстрорастущих регионов в мире, во-вторых, это один из населенных регионов с невысоким уровнем жизни населения. Поэтому поставки из России энергоносителей, зерна, растительных масел, оптических приборов и других товаров выгодны как для России, так и для стран Африки. Торговые отношения со странами Азии были налажены и до введения санкций. Но в настоящее время происходит их упрочение и расширение сфер сотрудничества. Некоторые страны, такие как Турция, а впоследствии может быть и Казахстан, могут выступать в качестве торгового посредника, своеобразного моста, между Россией и странами Европейского Союза.

Заключение

Введение ограничений на торговлю в 2022 г. способствовало перенаправлению торговых потоков, изменению географической и товарной структуры, интенсификации одних торговых потоков и замедлению других. Итогом внешнеэкономической деятельности явилось беспрецедентно высокое значение счета текущих операций платежного баланса, которое превысило среднее значение за предшествующий 21-летний период наблюдения в 3,6 раза. Особенностью стало не только самое большое за 21 год наблюдения сальдо торгового баланса в размере 282, 4 млрд долл., которое в 2,7 раза превысило среднее значение, но и существенное разнонаправленное изменение ключевых показателей внешней торговли: экспорт вырос на 14,2%, а импорт снизился на 9,0% по сравнению с 2021 г.

Значимость торгового партнерства ЕС для России снизилась, а стоимость товаров, поставленных в страны ЕС увеличилась. Установлено, что в основе роста стоимости экспорта лежали две разнонаправленные тенденции: снижение объема поставок и рост цен на основные группы импортируемых товаров. По всем основным видам товаров, поставляемых из России, доля России статистически значимо уменьшилась в пользу других партнеров по внешней торговле. Единственным товаром, доля которого на рынке Европы не только высока, но и не изменилась, является никель. Стоимость товаров, полученных из Европейского союза в целом по всем группам товаров, изменилась

на 38%, при этом стоимость ввезенных товаров сократилась по всем товарным группам.

На фоне стремительного свертывания торговых отношений со странами Европейского союза стали строиться альтернативные пути обмена товарами с другими странами мира. Оборот внешней торговли между Россией и Китаем достиг максимального значения за последние 20 лет – 190 млрд долл. США. Интенсифицировался торговый обмен со странами Африки, Азии, Центральной и Южной Америки. Потенциал Африканского континента как рынка сбыта товаров из России на данном историческом этапе востребован и важен. Наибольшая интенсификация торговых отношений происходит со странами, с которыми торговые потоки до этого были не развиты.

Таким образом, ограничительные санкции оказали масштабное влияние на торговые отношения России и способствовали появлению новых векторов развития внешнеэкономической деятельности страны, оценка которых является важной задачей на перспективу и требует дальнейшего анализа и изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Garber M.E., Peck T., Howell K.L. Understanding Asymmetries Between BEA's and Partner Countries' Trade Statistics // Survey of Current Business. 2018. 98(2).
2. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221–2264–2022-55-3-14.
3. Кононенко Д.С. Внешняя торговля России под влиянием санкций: проблемы и перспективы // Лучшая исследовательская работа 2021. 2022. С. 65–71.
4. Казанцев С.В. Реакция на антироссийские санкции: последствия сокращения объема внешней торговли и рост объемов производства в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2022. 16(4). С. 34–44. [https://DOI.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-34-44](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-34-44)
5. Бударина Н.А., Ненадышина Т.С. Внешняя торговля России: тенденции и перспективы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 6. С. 7–24. DOI: 10.1024412/2072-8042-2022-5-7-24.
6. Афасальев А.А. Прогноз значений основных показателей внешней торговли в условиях формирования ограниченно открытой экономики России // Экономические отношения. 2022. Т. 12. №. 4. С. 635–650. DOI: 10.18334/eo.12.4.115163.
7. Михайлова И.П., Степанов Е.А., Федина Е.В. Внешняя торговля РФ в условиях санкционного давления: анализ товарных потоков с учетом изменения геополитического ландшафта // Инновации и инвестиции. 2022. № 8. С. 128–132.
8. Кулаговская Т.А., Григорьев Д.С., Левченко В.А., Шаповалова А.В. Оценка влияния санкций на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. 1(5). С. 91–102. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.5.9>

9. Гонсалес В., Бельотт Р. Внешнеэкономические отношения России с крупнейшими латиноамериканскими партнерами в условиях антироссийских санкций // Ибероамериканские тетради. 2022. 10(3). С. 109–122. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-3-109-122>
10. Нарбут В.В., Толмачев М.Н., Шнайдер О.В. Российский экспорт и импорт: двусторонняя асимметрия в статистике торговых партнеров // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2022. Т. 17. № 3 (67). С. 154–162. DOI: 10.12737/2073-0462-2022-154-162

REFERENCES

1. Garber M.E., Peck T., Howell K.L. Understanding Asymmetries Between BEA's and Partner Countries' Trade Statistics // Survey of Current Business. 2018. 98(2).
2. Ushkalova D.I. Foreign trade in Russia under sanctions pressure // Journal of the New Economic Association. 2022. № 3 (55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14. (In Russ.).
3. Kononenko D.S. Foreign trade in Russia under the influence of sanctions: problems and prospects // Best Research Paper 2021. 2022. Pp. 65–71. (In Russ.).
4. Kazantsev S.V. Reaction to the anti-Russian sanctions: the consequences of reducing the volume of foreign trade and the growth of production in the Russian Federation // The World of New Economy. 2022. 16(4). Pp. 34–44. <https://DOI.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-34-44>. (In Russ.).
5. Budarina N.A., Nenadyshina T.S. Foreign trade in Russia: trends and prospects of development // Russian Foreign Economic Herald. 2022. No. 6. Pp. 7–24. DOI: 10.1024412/2072-8042-2022-5-7-24. (In Russ.).
6. Afasaliev A.A. Forecast of the values of the main indicators of foreign trade in the formation of a limited open economy of Russia // Economic Relations. 2022. Vol. 12. No. 4. Pp. 635–650. DOI: 10.18334/eo.12.4.115163. (In Russ.).
7. Mikhailova I.P., Stepanov E.A., Fedina E.B. Foreign trade of RF in the conditions of sanctions pressure: analysis of commodity flows taking into account changes in the geopolitical landscape // Innovations and Investments. 2022. No. 8. Pp. 128–132. (In Russ.).
8. Kulagovskaya T.A., Grigoryev D.S., Levchenko V.A., Shapovalova A.V. Assessment of the Impact of Sanctions on Foreign Economic Activity of the Russian Federation. // Vestnik (Herald) of North Caucasus Federal University. 2022. 1(5). Pp. 91–102. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.5.9>. (In Russ.).
9. Gonzalez V., Belleott R. Russia's Foreign Economic Relations with Major Latin American Partners in the Context of Anti-Russian Sanctions // Ibero-American Notebooks. 2022. 10(3) Pp. 109–122. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-3-109-122>. (In Russ.).
10. Narbut V.V., Tolmachev M.N., Schneider O.V. Russian exports and imports: bilateral asymmetry in the statistics of trading partners // Bulletin of Kazan State Agrarian University. 2022. Vol. 17. No. 3 (67). Pp. 154–162. DOI: 10.12737/2073-0462-2022-154-162. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 04.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нарбут Виктория Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Департамента бизнес-аналитики Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1551-5114
vvnarbut@fa.ru

Шпаковская Елена Петровна – кандидат экономических наук, доцент
Департамента бизнес-аналитики Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5337-8029
eshpakovskaya@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Victoria V. Narbut – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Business Analytics of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1551-5114
vvnarbut@fa.ru

Elena P. Shpakovskaya – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Business Analytics of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5337-8029
eshpakovskaya@fa.ru

RUSSIA'S FOREIGN TRADE TRENDS UNDER SANCTIONS

The purpose of this study is to assess the development of Russia's foreign trade after the sanctions imposed. It has been found that the results of foreign economic activity in 2022 was an unprecedentedly high current account value of the balance of payments. Such aggregates as exports, imports, balance of goods and services had a key impact on this. It is revealed that the importance of the EU trade partnership for Russia has decreased, while the value of goods supplied to the EU has increased. The analysis reveals that the increase in the value of exports was influenced by two factors: a decline in the volume of shipments and an increase in the prices of major imported commodity groups. As trade relations with the EU countries are rapidly losing their importance for Russia, it started developing alternative ways of exchanging goods with other countries of the world.

Keywords: *foreign trade, exports, imports, sanctions, foreign trade transactions.*

JEL: F10.

А.В. ГОЛУБКИН

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Ю.К. КНЯЗЕВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С РОССИЕЙ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Статья посвящена анализу состояния торговли стран Центрально-Восточной Европы с Россией за последние 15 лет. Дана сравнительная (пострановая и повременная) характеристика взаимной торговли с точки зрения особенностей динамики товарооборота, экспорта и импорта, товарной структуры в разные периоды этого временного интервала. Выявлена многолетняя тенденция сокращения объемов взаимного товарооборота и российского экспорта при одновременном увеличении экспорта стран ЦВЕ в Россию. Проанализирована товарная структура поставок и показана бесперспективность преимущественно сырьевой направленности российского экспорта в условиях разворачивающегося в Евросоюзе «зеленого энергетического перехода». Показана начавшаяся в 2022 г. тенденция сворачивания взаимных торговых связей вследствие резкого обострения конфликта между Россией и коллективным Западом.

Ключевые слова: *Центрально-Восточная Европа, Европейский союз, Россия, внешняя торговля, динамика товарооборота, структура взаимных поставок, прежние и новые трудности.*

УДК: 339.56.055

EDN: WNJCDN

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_149_166

Введение

Формирующаяся в настоящее время противоречивая ситуация во взаимной торговле стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) и РФ требует детального анализа внешнеторговой динамики и ее возможных изменений. С одной стороны, для стран ЦВЕ имеет место объективная необходимость диверсифицировать торговые связи за счет их расширения за пределы Евросоюза. Достаточно остро стоит проблема выбора странами региона географических приоритетов своих эконо-

мических связей, а с другой — наблюдается выраженное сокращение товарооборота с Россией, усилившееся в 2022 г. в результате введенных по сугубо политическим причинам и вопреки экономическим интересам ограничений. Исследованию этих проблем посвящена настоящая статья.

Для выявления общей тенденции и ее дальнейшей направленности необходимо: проследить динамику в рамках достаточно продолжительного временного интервала (пятнадцати лет) и проанализировать современное состояние торговых связей России с государствами региона; определить место РФ и рассматриваемых стран во взаимных товаропотоках; выявить основные товарные позиции в структуре торговли; рассмотреть помесечную динамику торгового взаимодействия между Россией и государствами ЦВЕ в современных геополитических условиях; оценить влияние санкций Европейского союза на развитие торгово-экономических связей России с данным регионом.

Динамика торговли государств ЦВЕ с Россией в разрезе стран

Торговые связи государств Центрально-Восточной Европы с Россией подвержены влиянию внешних шоков и политических факторов, вследствие чего демонстрируют волнообразную динамику. Согласно данным Евростата, после резкого снижения объема взаимного товарооборота на пике мирового финансово-экономического кризиса в 2009 г. произошел его восстановительный рост в 2010–2013 гг., сменившийся периодами сокращения в 2014–2016 гг. и 2019–2020 гг.

Резкий спад объемов торговли России с государствами региона в 2020 г. (на 23,8% относительно 2019 г.) был обусловлен ограничительными мерами по борьбе с коронавирусной пандемией [1]. 2021 г. характеризовался восстановлением торгово-экономических связей и ростом взаимного товарооборота (на 39,2% по отношению к предыдущему году). В 2022 г., несмотря на ухудшившуюся внешнеполитическую ситуацию, стоимостной объем товарооборота между РФ и странами ЦВЕ не сократился, а даже увеличился на 6,7% благодаря в основном выросшим мировым ценам (см. табл. 1).

Объем товарооборота стран ЦВЕ с Россией в 2022 г., как правило, соответствует их производственному потенциалу и объему национального ВВП (см. табл. 1). Исключение составляют три прибалтийских государства, чья торговля с РФ более активна, чем можно было ожидать исходя из масштабов их экономики [2], и бывшие югославские республики, кроме Сербии, чьи объемы торговли с Россией были, наоборот, ниже их сравнительных потенциальных возможностей (с точки зрения их производственного потенциала).

Таблица 1

Товарооборот России со странами ЦВЕ, 2008–2022 гг. (млрд евро)

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Страны – члены ЕС															
Польша	19,8	12,7	18,7	24,2	29,3	26,8	24,1	17,7	15,5	19,1	22,7	21,7	17,1	24,7	19,9
Венгрия	9,3	6,2	7,8	9,0	9,0	8,9	7,5	4,8	3,8	5,2	6,4	6,3	4,1	6,0	12,1
Словакия	7,1	4,9	6,7	8,4	8,6	8,7	6,6	4,9	4,1	4,6	5,5	4,8	3,6	5,6	6,9
Болгария	4,0	2,6	3,6	4,7	5,9	5,4	4,5	3,6	2,7	3,8	3,5	3,9	2,3	3,4	6,5
Литва	8,9	5,5	8,2	10,7	12,1	12,2	10,4	7,3	6,5	7,5	8,4	8,8	6,4	8,3	5,3
Чехия	8,9	5,6	7,6	9,0	10,4	9,9	8,3	6,0	4,9	5,8	6,4	6,7	5,6	6,6	4,7
Румыния	3,9	2,0	2,9	3,1	3,4	3,7	3,7	3,0	3,0	3,6	4,2	4,1	2,6	4,2	4,3
Латвия	2,2	1,5	2,0	2,6	3,2	2,8	2,7	2,4	2,3	2,8	3,2	3,1	2,8	3,9	4,2
Словения	1,5	0,9	1,1	1,4	1,5	1,7	1,6	1,1	1,0	1,2	1,2	1,5	1,3	1,3	2,8
Эстония	1,7	1,2	1,6	2,6	2,6	2,3	2,1	1,6	1,5	1,9	2,3	2,2	2,1	2,9	2,6
Хорватия	2,3	1,6	1,5	1,4	1,6	1,4	1,1	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,7	0,7
Страны – не члены ЕС															
Сербия	1,4	0,3	0,4	0,8	0,9	1,1	1,1	0,7	1,3	1,7	1,6	1,9	1,7	1,8	1,6
БиГ	0,1	0,2	0,3	0,5	0,5	0,6	0,7	0,2	0,1	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2	0,1
Македония	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1
Албания	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Черногория	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
ЦВЕ-16	69,6	44,5	61,5	76,9	87,7	83,7	72,5	53,1	45,8	56,0	64,3	63,5	48,4	67,4	71,9

Источник: составлено авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

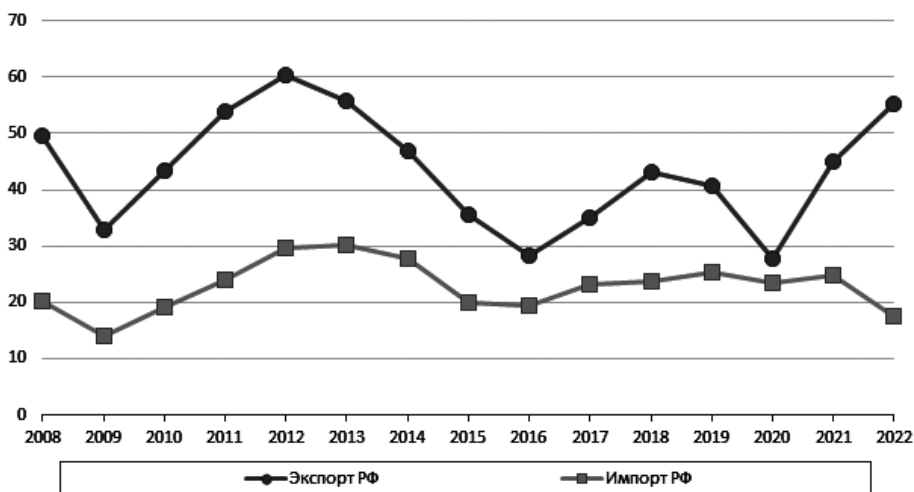
Наибольшим объемом торговли с Россией среди всех государств ЦВЕ отличалась Польша, товарооборот которой с Россией составлял в 2022 г. 19,9 млрд евро, или 27,7% общего объема торговли нашей страны со странами ЦВЕ. Следом шли Венгрия, Словакия, Болгария и Литва с долями в общем товарообороте 16,8, 9,6, 9,1 и 7,4% соответственно.

Менее 5 млрд евро насчитывал в 2022 г. товарооборот с Россией у Чехии, Румынии и Латвии. Для Словении и Эстонии товарооборот не превышал 3 млрд евро, но у обеих стран он увеличился почти вдвое по сравнению с показателями пятнадцатилетней давности. По сравнению с 2008 г. объем торговли с Россией сократился у Словакии, Литвы, Чехии и Хорватии, в то время как у остальных государств – членов ЕС он увеличился.

Что касается стран ЦВЕ, не входящих в состав ЕС, то их внешняя торговля с Россией не отличалась большими объемами, за исключением Сербии, на долю которой в 2022 г. пришлось 3,2% общей тор-

говли России с Центрально-Восточной Европой. Товарооборот Боснии и Герцеговины, Северной Македонии и Албании не превышал 0,2 млрд евро, а их доля в общем товарообороте стран ЦВЕ с Россией составляла менее 0,2%. Объем торговли первых двух стран по сравнению с 2008 г. уменьшился, в то время как у Черногории он практически сошел на нет [5].

Одной из отличительных особенностей торгового взаимодействия России с государствами Центрально-Восточной Европы было преобладание российского экспорта, стоимостной объем которого в 2022 г. превысил 76% совокупного взаимного товарооборота и составил 55,2 млрд евро, увеличившись на 23% относительно уровня 2021 г.

Источник: рассчитано авторами по данным EuroStat. [https:// ec.europa.eu/eurostat/databrowser/](https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/).

Рис. 1. Торговля России со странами ЦВЕ 2008–2022 гг. (млрд евро).

Внешние факторы оказывали выраженное влияние на динамику основных показателей торговли между РФ и государствами рассматриваемого региона (см. рис. 1). Распространение пандемии COVID-19 в 2020 г. вызвало сокращение российских экспортных поставок на 31,7%, а импортных – на 7,1% по сравнению с 2019 г. В 2022 г. наметился перелом в динамике показателей внешней торговли России со странами ЦВЕ, что было обусловлено следующими факторами. Во-первых, рост российского экспорта в регион на 22,9% по большей части обусловлен повышением мировых цен на энергоносители, которые составляют основную его часть. Во-вторых, сокращение импорта РФ из региона на 29,7% относительно объема в 2021 г. связано с западноевропейскими санкциями, большая часть которых накладывает запреты на взаимную торговлю [7].

Таблица 2

Экспорт России в страны ЦВЕ, 2008–2022 гг. (млрд евро)

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Страны ЦВЕ – члены ЕС															
Польша	13,7	9,1	13,6	18,1	21,6	18,7	17,1	12,6	10,3	12,9	16,0	14,2	10,0	16,7	15,1
Венгрия	6,7	4,1	5,2	6,4	6,4	6,4	5,4	3,3	2,4	3,5	4,9	4,5	2,5	4,3	10,8
Словакия	5,3	3,5	4,7	6,3	5,9	6,1	4,5	3,4	2,7	3,0	3,9	3,3	2,5	4,2	6,3
Болгария	3,6	2,3	3,1	4,1	5,3	4,8	4,0	3,2	2,3	3,1	3,1	3,3	1,9	3,0	6,0
Румыния	3,3	1,5	2,0	2,1	2,4	2,4	2,3	2,0	2,0	2,5	3,1	3,1	1,8	3,2	3,9
Чехия	6,0	3,7	4,9	5,2	5,7	5,4	4,1	3,1	2,1	2,7	2,9	2,9	1,9	3,0	3,3
Литва	6,3	3,9	5,8	7,3	7,8	7,4	5,3	4,1	3,4	3,6	4,4	4,6	2,6	4,5	2,6
Латвия	1,2	0,8	0,9	1,0	1,2	1,1	1,1	1,1	1,0	1,1	1,4	1,2	1,0	2,0	2,0
Эстония	0,8	0,6	0,8	1,3	1,1	0,8	0,9	0,8	0,8	1,0	1,4	1,4	1,3	2,1	1,8
Словения	0,4	0,2	0,3	0,4	0,4	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,6	0,4	0,4	1,6
Хорватия	2,2	1,4	1,4	1,2	1,2	1,1	0,9	0,4	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,5	0,5
Страны ЦВЕ – не члены ЕС															
Сербия	0,0	1,2	0,3	0,2	0,5	0,4	0,4	0,5	0,4	0,8	1,0	1,0	1,5	0,9	1,0
Албания	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
БиГ	0,0	0,1	0,1	0,3	0,6	0,5	0,6	0,5	0,2	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1
Македония	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1
Черногория	Нд	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
ЦВЕ-16	49,6	32,8	43,3	54,0	60,3	55,7	47,0	35,5	28,4	35,1	43,1	40,7	27,8	44,9	55,2

Источник: составлено авторами по данным EuroStat. ec.europa.eu/eurostat/databrowser/.

Наибольшая доля экспортных поставок России в страны ЦВЕ приходилась в 2022 г. на Польшу – 27,3%. Следом шли Венгрия, Словакия, Болгария и Румыния с долями в совокупном российском экспорте в этот регион 19,5%, 11,4%, 10,8% и 7,1% соответственно (см. табл. 2; страны приведены в порядке убывания стоимостного объема экспорта в 2022 г.).

Среди государств Западных Балкан наибольший объем экспорта РФ пришелся в 2022 г. на Сербию – 1,0 млрд евро, или 1,8% общих экспортных поставок России в этот регион. Далее следовали Албания, Босния и Герцеговина и Северная Македония со сравнительно небольшими объемами российского экспорта (0,3–0,2% совокупных экспортных поставок России в страны ЦВЕ)¹.

¹ Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/>.

Таблица 3

Импорт России из стран ЦВЕ, 2008–2022 гг. (млрд евро)

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Страны ЦВЕ – члены ЕС															
Польша	6,0	3,6	5,0	6,1	7,7	8,1	7,0	5,1	5,2	6,2	6,8	7,4	7,1	8,0	4,8
Литва	2,6	1,6	2,4	3,3	4,4	4,9	5,1	3,1	3,0	3,9	4,0	4,1	3,8	3,7	2,7
Латвия	1,0	0,7	1,1	1,6	2,0	1,8	1,6	1,3	1,3	1,7	1,8	2,0	1,8	1,9	2,2
Чехия	2,9	1,9	2,7	3,8	4,7	4,5	4,1	2,9	2,8	3,1	3,5	3,8	3,7	3,6	1,5
Венгрия	2,7	2,1	2,6	2,6	2,6	2,5	2,1	1,5	1,4	1,7	1,5	1,8	1,6	1,7	1,3
Словения	1,1	0,7	0,8	1,0	1,2	1,2	1,1	0,9	0,8	0,9	0,8	0,9	0,9	0,9	1,2
Эстония	0,9	0,6	0,8	1,3	1,5	1,4	1,2	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8
Словакия	1,8	1,4	2,0	2,1	2,7	2,6	2,1	1,5	1,4	1,6	1,5	1,4	1,2	1,3	0,6
Болгария	0,4	0,3	0,4	0,5	0,6	0,6	0,5	0,4	0,4	0,7	0,4	0,5	0,4	0,4	0,5
Румыния	0,6	0,5	0,8	1,0	1,0	1,4	1,5	1,0	1,0	1,1	1,1	1,0	0,8	1,0	0,4
Хорватия	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Страны ЦВЕ – не члены ЕС															
Сербия	0,0	0,5	0,4	0,6	0,8	0,9	1,1	1,0	0,8	0,9	1,2	1,1	1,0	1,2	1,1
Македония	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
БиГ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Черногория	Нд	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Албания	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
ЦВЕ-16	20,1	14,0	19,2	24,1	29,6	30,3	27,7	19,9	19,3	23,1	23,8	25,3	23,5	24,9	17,5

Источник: составлено авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

Стоимостной объем российского импорта из стран Центрально-Восточной Европы в 2022 г. сократился на 29,7% относительно предшествующего года (см. табл. 3; страны приведены в порядке убывания стоимостного объема импорта в 2022 г.). Наибольший объем импортных закупок России среди всех стран региона пришелся на Польшу, доля которой составила 27,4% общего объема поставок из стран ЦВЕ. Следом шли Литва, Латвия, Чехия и Венгрия, чьи доли в совокупном импорте РФ из региона составляли 15,4, 12,6, 8,6 и 7,4% соответственно.

Среди государств Западных Балкан наибольший объем российского импорта поступил в 2022 г. из Сербии, чья доля в импортных поставках России из Центрально-Восточной Европы составила 6,3%. Поставки из Северной Македонии, Боснии и Герцеговины и Черногории были невелики, а доли этих стран составили 0,6, 0,5 и 0,2% соответственно².

² Там же.

Согласно данным Евростата, доля России во внешней торговле всей совокупности стран Центрально-Восточной Европы уменьшилась с 2008 г. по настоящее время в 2,5 раза (см. табл. 4), а за последние пять лет снизилась с 4,1% в 2018 г. до минимального значения 3,1% в 2022 г. Причинами этого можно считать изменения в отраслевой структуре экономики в странах ЦВЕ в сторону сокращения металлоемкости и энергоемкости производства и начавшийся по решению Евросоюза «зеленый переход» в энергетике, направленный на сокращение потребления минерального топлива. Соответственно, импорт энергоносителей из России сократился. На фоне постепенного сокращения импорта экспорт большинства стран ЦВЕ в Россию возрастал, исключение составляли Венгрия и Хорватия, у которых экспорт также незначительно снизился за последние 15 лет.

Таблица 4

Доля РФ во внешней торговле стран ЦВЕ, 2008–2022 гг. (%)

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Страны ЦВЕ – члены ЕС															
Латвия	12,3	11,7	12,3	12,4	13,1	11,7	11,0	9,9	9,3	10,2	10,6	10,2	9,4	10,2	9,1
Болгария	10,0	8,9	10,3	10,7	12,7	11,2	9,3	7,3	5,4	6,6	5,8	6,1	3,9	4,6	6,7
Эстония	8,8	8,7	8,9	10,4	9,7	8,6	8,0	6,5	6,1	6,9	7,6	7,4	7,0	7,5	5,6
Литва	23,9	22,0	24,6	24,8	25,3	24,1	20,8	15,1	13,7	13,7	14,1	14,3	11,1	11,4	5,5
Венгрия	6,3	5,4	5,6	5,8	5,8	5,7	4,6	2,8	2,1	2,6	3,1	2,9	2,0	2,5	4,4
Словакия	7,2	6,1	6,7	7,3	7,0	6,9	5,2	3,7	3,0	3,2	3,5	3,0	2,4	3,2	3,5
Польша	7,7	6,2	7,3	8,4	9,8	8,6	7,2	5,0	4,2	4,6	5,0	4,6	3,7	4,3	3,1
Словения	3,1	2,4	2,4	2,7	3,1	3,3	3,0	2,0	1,8	1,8	1,6	1,9	1,7	1,3	2,3
Румыния	4,3	3,0	3,4	3,1	3,4	3,6	3,4	2,5	2,4	2,6	2,8	2,7	1,8	2,4	2,1
Хорватия	7,5	6,8	6,4	5,5	6,1	5,2	4,1	2,1	1,5	1,3	1,4	1,1	1,1	1,5	1,2
Чехия	4,5	3,6	3,9	4,0	4,5	4,3	3,3	2,2	1,8	1,9	1,9	2,0	1,8	1,8	1,0
Страны ЦВЕ – не члены ЕС															
Сербия	0,0	0,0	6,9	11,0	13,0	9,3	9,8	9,6	7,0	7,3	7,6	7,8	7,9	5,3	5,5
Албания	4,5	4,7	1,9	1,8	1,7	1,7	1,5	1,7	1,3	1,5	1,6	1,6	1,3	1,5	1,4
БиГ	0,8	1,4	1,8	4,5	6,4	4,8	5,7	4,6	2,2	1,7	2,3	2,0	1,0	1,3	1,3
Македония	11,0	11,5	4,9	7,7	8,4	3,6	2,0	1,9	1,8	1,9	2,0	1,3	1,3	1,2	1,3
Черногория	0,0	0,0	0,8	1,0	0,6	0,9	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3
ЦВЕ-16	7,1	5,8	6,5	7,0	7,8	7,2	6,0	4,1	3,5	3,8	4,1	3,8	3,1	3,5	3,1

Источник: рассчитано авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

На протяжении всего рассматриваемого периода Россия играла существенную роль во внешней торговле Болгарии, а также Латвии и Эстонии. В товарообороте других стран ЦВЕ доля России сокращалась в рамках рассматриваемого временного интервала в 2–2,5 раза, а у Литвы, Хорватии и Македонии – в 5–8 раз.

Товарная структура торговли стран ЦВЕ с Россией

Товарная структура внешней торговли государств Центрально-Восточной Европы с Россией за период 2014–2022 гг. претерпела некоторые изменения, но основными статьями экспорта этих государств в РФ по-прежнему остаются изделия обрабатывающей промышленности: бытовая техника, машины, транспортное оборудование, электроника и ее компоненты, химическая продукция. Экспорт же России в эти страны состоял, преимущественно, из поставок минерального топлива.

В российском импорте из стран ЦВЕ доля минерального топлива была за исследуемый период незначительной и колебалась в интервале 0,36–0,91%, увеличившись в 2022 г. более чем в два раза по сравнению с 2021 г. (см. табл. 5).

Таблица 5

Товарная структура экспорта стран ЦВЕ в РФ, 2014–2022 гг. (%)

Товарная группа/год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Железо и сталь	0,05	0,08	0,05	0,05	0,09	0,14	0,14	0,11	0,11
Машины и транспортное оборудование	46,13	43,44	43,14	42,71	45,57	45,06	46,69	46,05	28,97
Минеральное топливо	0,49	0,68	0,36	0,41	0,53	0,37	0,32	0,42	0,91
Сельхоз сырье	1,17	2,01	2,04	1,76	1,66	1,83	1,95	2,01	2,32
Текстиль	0,08	0,12	0,15	0,19	0,25	0,24	0,19	0,16	0,11
Химическая продукция	15,34	19,02	19,60	19,37	18,27	19,08	17,53	17,62	28,99
Другие товары	36,74	34,65	34,66	35,51	33,63	33,28	33,18	33,63	38,59

Источник: рассчитано авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>

В рамках рассматриваемого периода экспортные поставки стран региона были диверсифицированы существенно больше, чем российские (см. табл. 5). В 2022 г. структурные изменения в экспорте государств ЦВЕ были вызваны санкционными ограничениями: произошло резкое сокращение доли машин и транспортного оборудования с 45% в 2021 г. до 29% в 2022 г., в то время как возросла доля продукции химической отрасли – до 29%.

Российский экспорт в рассматриваемый регион (см. табл. 6) был более однороден по своей структуре и состоял преимущественно из поставок минерального топлива (65% в 2021 г. и около 80% в 2022 г.), наибольшую долю среди которых занимала нефть и нефтепродукты (около 50%).

Таблица 6

Стоимостная структура экспорта товаров из РФ в страны ЦВЕ, 2014–2022 гг. (%)

Товарная группа/год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Железо и сталь	1,02	1,11	1,35	1,43	0,81	0,74	1,77	1,85	0,38
Машины и транспортное оборудование	1,73	2,70	3,56	3,25	2,25	2,85	2,92	1,98	1,26
Минеральное топливо	80,82	74,67	70,85	71,14	74,54	72,76	66,42	64,79	78,52
Сельхоз сырье	2,87	3,74	4,56	4,49	3,36	3,56	5,82	5,12	2,43
Текстиль	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Химическая продукция	3,71	4,90	5,27	5,68	5,15	5,84	6,81	6,87	5,45
Другие товары	9,83	12,87	14,40	14,00	13,88	14,24	16,25	19,39	11,95

Источник: рассчитано авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

Хотя минеральное топливо сохранило ведущее место среди торговых товарных групп, его доля в стоимостном объеме экспорта России в страны ЦВЕ постепенно сокращалась еще в 2019–2021 гг. Ухудшение геополитической ситуации вызвало повышение мировых цен на энергоносители [8], что привело к росту доли минерального топлива, которая выросла до 78,5% в 2022 г.

Поскольку на стоимостную динамику торговли энергоносителями в рассматриваемый период большое влияние оказывала волатильность мировых цен [8], то подлинную картину происходивших изменений показывают объемы поставок в физических величинах.

Таблица 7

Импорт энергоносителей странами ЦВЕ из России, 2009–2022 гг. (млн т)

Товарная позиция / год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего энергоносителей, в том числе:	87,6	91,8	89,7	85,9	87,7	82,1	81,4	79,3	81,4	88,5	87,0	78,1	76,5	58,5
газ, природный и промышленный	19,5	21,7	19,7	16,8	19,8	17,6	15,7	14,0	15,4	17,5	18,7	16,4	17,7	10,0
нефть и нефтепродукты	56,4	58,7	57,5	59,6	58,6	54,4	57,0	56,8	53,8	53,9	52,9	48,7	46,4	43,1
уголь, кокс и брикеты	11,7	11,5	12,5	9,4	9,3	10,1	8,6	8,5	12,2	17,2	15,4	13,0	12,4	5,4

Источник: составлено авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

Физический объем поставок энергоносителей из России в страны ЦВЕ в период 2009–2018 гг. (см. табл. 7) колебался в пределах 80–90 млн т в год, в 2020–2021 гг. произошло его плавное снижение из-за вводимых ограничительных мер по борьбе с коронавирусом, а в 2022 г. он сократился из-за событий на Украине [6] и был на 32,7% ниже уровня 2018 г. В целом же объем поставок российского минерального топлива в указанные страны был в 2022 г. на 33,2% ниже, чем в 2009 г. Аналогичную динамику продемонстрировали поставки нефти и нефтепродуктов, игравшие основную роль в структуре энергоносителей. Особенно резкое сокращение в 2022 г. произошло в поставках из России угля и коксов по причине введенного Евросоюзом эмбарго, а также газа вследствие прекращения его подачи по трубопроводам «Северный поток» и Ямал-Европа, и ограничения его прокачки через территорию Украины.

Данные о взаимных поставках энергоресурсов между Россией и странами ЦВЕ показывают их сугубо односторонний характер в том смысле, что в обмене участвовала традиционная взаимодополняемая продукция без налаживания полезного производственного сотрудничества типа давальческих поставок российского сырья для переработки в готовую продукцию, поставляемую обратно в Россию [3]. Такая структура товарооборота энергоносителями не является устойчивой и таит в себе опасность возможного разрыва связей, наметившегося в 2022 г. по политическим соображениям.

Говоря о причинах постепенного сокращения поставок российских энергоносителей в страны ЦВЕ, необходимо напомнить, что Евросоюзом разрабатывались и в 2014–2015 гг. были утверждены стратегические документы о европейской энергетической безопасности, целями которых были диверсификация поставок энергоносителей, постепенное уменьшение зависимости от России, строительство альтернативных трубопроводов и терминалов для приемки сжиженного газа при одновременной декарбонизации экономической деятельности путем перехода на возобновляемые источники энергии [4]. Выполнение этого комплексного плана привело к плавному уменьшению закупок российских углеводородов еще до специальной военной операции на Украине, после начала которой Евросоюз активизировал мероприятия по ускоренному отказу от закупок в России угля, нефти и газа [9]. В качестве подготовительной работы по замене российского газа сжиженным, поставляемым из других стран, были созданы терминалы по приемке СПГ в Польше и Литве, расширены подземные газохранилища в Латвии, построена сеть связующих газопроводов в Венгрии, Словакии и Польше [15]. Все это делалось в условиях продолжавшейся нормальной работы газопроводов через территорию Украины и Польши, «Северного потока» и «Балканского потока» из

Турции, нефтепровода «Дружба» и завершения строительства «Северного потока-2». Поставки российских нефти и газа даже увеличились в 2016–2018 гг. в ответ на возросший спрос. Значительное сокращение доли энергоносителей в импорте стран ЦВЕ из России на пике коронакризиса было связано с сокращением промышленного производства и уменьшением потребности в энергии на транспорте и в общественном питании.

Перелом в торговых отношениях стран ЦВЕ с Россией в 2022 г.

В связи с обострением геополитической обстановки после начала специальной военной операции на Украине в начале 2022 г. тренды торговли между Россией и странами ЦВЕ начали существенным образом меняться.

Таблица 8

Импорт России из стран ЦВЕ – членов ЕС, январь–декабрь 2022 г. (прирост к соответствующему месяцу 2021 г., %)

Страна/ месяц	Экспорт стран ЦВЕ в РФ											
	январь	фев.	мар.	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	ноя.	дек.
Болгария	22,6	14,1	-28,4	-4,1	12,6	4,3	10,6	52,1	16,2	18,3	16,4	5,6
Венгрия	-4,0	17,3	-50,2	-69,5	-46,4	-30,2	-31,1	0,0	-20,1	-22,0	4,2	-5,3
Латвия	16,0	0,4	9,9	-26,4	16,2	66,7	14,4	13,7	14,4	18,2	19,5	11,0
Литва	36,7	8,2	-34,2	-52,5	-42,4	-37,4	-26,9	-29,3	-24,0	-24,2	-33,4	-34,0
Польша	29,3	8,2	-51,2	-69,4	-55,9	-43,5	-47,7	-46,1	-49,1	-46,1	-41,5	-45,7
Румыния	13,9	-0,5	-72,3	-87,2	-70,1	-80,8	-66,1	-79,5	-68,9	-56,4	-69,4	-70,4
Словакия	1,2	-25,4	-58,2	-72,2	-56,3	-57,5	-61,9	-61,9	-63,6	-61,5	-60,3	-68,9
Словения	2,4	15,1	13,8	-26,3	33,8	66,5	54,4	39,8	63,3	52,5	108,3	53,5
Хорватия	8,0	2,7	-40,0	-65,5	-32,8	19,5	63,9	7,4	120,4	-10,9	-34,4	-45,4
Чехия	28,6	-4,5	-76,3	-78,1	-77,0	-66,7	-72,1	-69,3	-70,6	-67,2	-67,0	-69,5
Эстония	1,2	5,0	-16,6	-21,8	-29,1	6,5	14,6	13,3	18,4	14,9	-3,9	-4,4
ЦВЕ	20,5	3,9	-45,6	-61,1	-47,4	-33,7	-36,0	-34,7	-33,4	-31,7	-29,1	-36,3

Источник: составлено авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

Экспортные поставки большинства стран ЦВЕ в Россию довольно существенно сократились по сравнению с 2021 г. (см. табл. 8). Такая же тенденция наблюдалась по региону ЦВЕ в целом: после роста стоимостного объема экспорта государств ЦВЕ в РФ на 20% в январе

и начавшегося в феврале небольшого его снижения, в апреле 2022 г. было зафиксировано наибольшее сокращение поставок – на 61%. В августе–декабре 2022 г. экспорт сокращался по отношению к тем же месяцам 2021 г. в среднем более чем на 30%.

На фоне резкого снижения объемов экспорта стран региона в РФ импорт рассматриваемых государств из России продемонстрировал противоположную динамику в первом полугодии 2022 г., когда его объем заметно увеличивался относительно аналогичных месяцев 2021 г. (см. табл. 9). Совокупный импорт стран ЦВЕ из России, набравший высокий темп роста уже в январе, в феврале–апреле продолжил свою экспансию средним темпом ежемесячного прироста более чем на 100%. В мае–июне превышение объема импорта из России стало более умеренным (около 35%), и лишь в июле началось его небольшое снижение, закончившееся резким сокращением в декабре – почти в два раза. Примечательно, что рост импорта из РФ наблюдался у Болгарии, Венгрии и Словении весьма высокими темпами на протяжении всего 2022 г., а у Словакии и Чехии – в большинстве месяцев года. Эти страны вели себя прагматично и старались закупить большой объем российской продукции до вступления в силу эмбарго Евросоюза на поставки энергоносителей.

Таблица 9

**Экспорт России в страны ЦВЕ – члены ЕС, январь–декабрь 2022 г.
(прирост к соответствующему месяцу 2021 г., %)**

Страна/ месяц	Экспорт РФ в страны ЦВЕ											
	январь	фев.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	ноя.	дек.
Болгария	275,6	129,4	145,3	135,4	147,0	107,4	98,3	66,6	72,8	132,5	96,3	-16,2
Венгрия	103,4	151,3	151,9	141,6	152,3	242,1	66,2	75,8	182,7	190,5	255,7	89,5
Латвия	125,5	115,3	110,3	23,5	-30,9	-33,5	-34,6	8,2	-8,0	-46,3	-35,9	50,2
Литва	198,9	142,1	46,9	25,5	-65,3	-59,3	-78,0	-82,4	-89,8	-84,4	-85,9	-86,7
Польша	70,7	93,4	137,1	89,7	-8,0	-16,4	-29,2	-44,6	-41,8	-52,0	-61,6	-69,3
Румыния	102,6	124,1	163,0	90,9	96,4	20,9	9,2	-16,9	-2,4	-24,6	-57,8	-60,4
Словакия	158,9	155,1	81,1	95,8	123,9	74,4	18,8	-3,3	36,6	21,9	19,0	-32,6
Словения	5,8	285,4	50,1	305,5	386,8	532,3	600,5	443,9	117,7	170,3	226,1	1186,7
Хорватия	-33,0	-18,1	-60,5	234,7	100,2	185,7	-13,0	38,7	-35,2	-60,3	-84,8	-70,6
Чехия	86,7	46,3	58,8	44,1	6,2	11,6	27,6	29,4	-2,2	-43,1	14,1	-40,6
Эстония	87,4	37,9	48,8	25,7	-4,6	-13,2	-15,2	-49,7	-67,5	-59,8	-22,9	-68,8
ЦВЕ	110,1	109,5	111,2	86,8	33,6	34,5	-0,1	-10,1	2,8	-8,6	-11,3	-44,8

Источник: составлено авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

Благодаря гораздо более высокому росту импорта по сравнению со снижением экспорта, общий объем товарооборота стран ЦВЕ с Россией демонстрировал понижающую динамику: в I квартале 2022 г. он вырос более чем на 40%, в апреле увеличился на 25%, в мае – всего на 3%, и лишь в августе началось сокращение, достигшее 42% в декабре (по отношению к соответствующим месяцам 2021 г.).

Общая внешнеторговая динамика в основном совпадает с трендами поставок в страны ЦВЕ российских энергоносителей, которые, однако, несколько разнились по странам и отдельным месяцам 2022 г. В I квартале 2022 г. стоимостной объем импорта энергоносителей государствами региона из РФ рос в среднем на 140% ежемесячно относительно соответствующих месяцев 2021 г. (см. табл. 10). Во II квартале произошло снижение темпов прироста экспорта энергоносителей из России до 90%, во II полугодии они еще больше замедлились, а в декабре произошло сокращение объема поставок на 25%.

Таблица 10

Динамика импорта энергоносителей странами ЦВЕ из России, январь–декабрь 2022 г. (прирост к соответствующему месяцу 2021 г., %)

Страна/ месяц	Импорт стран ЦВЕ из РФ											
	январь	фев.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сентяб.	окт.	нояб.	дек.
Болгария	292,3	324,3	160,6	128,2	180,3	197,5	118,8	110,2	62,6	113,1	144,0	51,3
Венгрия	102,8	300,8	148,4	160,8	238,3	261,9	163,7	89,1	262,5	225,7	180,1	50,0
Латвия	134,6	297,9	256,7	484,0	-36,2	-36,4	14,8	66,3	13,2	15,4	-54,7	186,1
Литва	421,1	194,9	109,9	18,2	-84,6	-93,4	-80,2	-92,3	-97,4	-97,0	-94,4	-95,9
Польша	92,2	60,2	104,4	42,2	31,2	53,0	21,3	-11,0	-31,5	-2,9	-38,6	-50,4
Румыния	34,6	289,3	214,0	160,2	89,5	152,2	22,6	-31,9	10,7	-39,4	-36,5	-65,1
Словакия	210,3	231,9	146,9	135,4	191,4	159,7	21,8	29,0	80,5	52,0	63,0	-20,3
Словения	-22,1	160,5	400,7	171,8	417,9	1043,9	297,2	907,6	135,4	325,6	513,8	599,7
Хорватия	-69,8	299,7	-96,5	535,0	158,7	143,4	227,6	-20,7	-24,3	-23,5	-99,7	-99,9
Чехия	69,1	96,5	71,9	40,6	32,6	20,3	89,0	34,0	64,7	7,1	-46,6	8,1
Эстония	75,2	63,4	46,2	34,2	37,2	-6,6	3,5	-15,1	-73,2	-61,6	36,9	-69,2
ЦВЕ	132,1	162,5	126,7	93,4	90,9	90,8	48,9	17,2	35,0	35,9	17,4	-25,3

Источник: рассчитано авторами по данным EuroStat. <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>.

После достаточно плавного снижения объемов продаж нефти и нефтепродуктов в натуральном и денежном выражении с ноября 2021 г. произошел их резкий спад после февраля 2022 г., когда началась специальная военная операция на Украине. Этот спад начался еще до введения эмбарго ЕС на закупки российских угля и нефти [10]. Поставки российской нефти продолжались вплоть до объявленного Евросоюзом эмбарго,

назначенного на 5 декабря 2022 г. Этот план Еврокомиссии вызвал недовольство тех стран, которые по своему географическому положению не имеют выхода к морю и не смогут завозить импортную нефть танкерами. Для решения этой проблемы было принято компромиссное решение о приостановке прокачки нефти через северную нить газопровода «Дружба» и о продолжении работы южной нити, снабжающей нефтью Венгрию, Словакию и некоторые другие европейские страны.

Во всех случаях имевшего место в это время ограничения поставок трубопроводного газа это происходило не вследствие нежелания России снабжать топливом европейских потребителей, а по причине вводившихся Евросоюзом или отдельными странами антироссийских санкций [7]. Так было при решении Украины прекратить работу проходящей через территорию ЛНР ветки транзитного газопровода под предлогом утраты своего контроля, так было и при отказе Польши от использования трубопровода Ямал – Европа. Наоборот, после согласия Литвы вновь получать российский газ «Газпром» возобновил свои поставки в эту страну [11].

Газопровод «Северный поток» стал работать лишь на 40%, а затем только на 20% своей мощности, пока не остановился совсем из-за чинимых Западом препятствий плановому ремонту компрессорных турбин. Оставалась заблокированной работа полностью готового к эксплуатации «Северного потока-2». Готовность России в любой момент начать прокачку газа по этому трубопроводу в запланированных объемах полностью опровергает безосновательные обвинения Евросоюза в использовании «Газпромом» российского газа в качестве оружия в борьбе против европейских стран. 26 сентября 2022 г. в результате диверсии были взорваны обе трубы газопровода «Северный поток-2» и одна из двух веток «Северного потока», после чего вопрос о возможности поставок российского газа по этим трубопроводам был фактически закрыт [14].

Спонтанное решение Евросоюза как можно скорее отказаться от закупок российских энергоносителей в стремлении лишить Россию доходов от их экспорта спровоцировало серьезный энергетический кризис: из-за резкого ограничения предложения на рынке газа, нефти и угля цены на эти товары поползли вверх, снабжение топливом промышленных и иных предприятий нарушилось, тарифы на газ и электричество для домохозяйств многократно выросли, вынуждая жителей прибегать к массовым протестам [12]. В этих условиях Евросоюзу приходится отодвигать сроки отказа от углеводородов и вновь прибегать к использованию угля и даже дров для отопления жилищ, а теплоэлектростанции переводить с газа на мазут и уголь. Рассматривается возможность возобновления работы законсервированных атомных электростанций. Таким образом, планы «зеленого перехода» пришлось корректировать из-за антироссийской политики Запада.

Заключение

Перед мировым финансово-экономическим кризисом 2008—2009 гг. и в восстановительный период на долю энергоносителей в российском экспорте приходилось чуть более 55% всего экспорта России в страны ЦВЕ. Снижение этой доли после 2012 г. на 15,5 п.п., или почти на четверть прежнего объема, можно объяснить главным образом постепенным увеличением использования других видов топлива в этих странах – в основном из возобновляемых источников. Это происходило в ходе реализации принятого в ЕС плана «зеленого перехода», предусматривающего сокращение, а в конечном счете полный отказ от углеводородного топлива, продукты сгорания которого ухудшают экологическую ситуацию и, как считается, служат причиной глобального потепления. Очевидно, что закупки российских углеводородов странами ЦВЕ неизбежно должны были сокращаться, что вело бы к уменьшению экспортных возможностей России и вызывало бы необходимость замещения нефти, газа и угля другими экспортными товарами не только по причине исчерпания их запасов, но и из-за падения спроса на них на европейском рынке.

Но предполагавшаяся постепенность этого процесса неожиданно уступила место линии на резкое уменьшение закупок российских энергоносителей с 2022 г. в результате принятого Евросоюзом решения о полном отказе от импорта из России угля, введения эмбарго на поставку нефти и значительного сокращения потребления российского трубопроводного газа при одновременном росте закупок СПГ, поставляемого из США и Катара. Это было сделано в ответ на предпринятую Россией специальную военную операцию на Украине в рамках введенных со стороны США и Евросоюза многоплановых антироссийских санкций, преследовавших цель добиться экономического краха России.

Сокращение вследствие этих причин товарооборота России со странами ЦВЕ составило в декабре 2022 г. 42%, а за весь год – 6,7% по сравнению с прошлогодними показателями. Поставки из России энергоносителей в натуральном выражении начали заметно уменьшаться с августа 2022 г., а в III квартале резко пошли вниз, сократившись на 39,2% во II полугодии, а за весь год на 23,5% по сравнению с соответствующими периодами 2021 г. Однако стоимостной объем энергоресурсов, экспортированных из России, вырос из-за более высоких мировых цен в I полугодии на 97,6%, во II полугодии – на 14,7 и на 40,4% по итогам всего 2022 г. Понижительная тенденция в торговле России со странами ЦВЕ будет продолжаться и в 2023 г., когда начнут действовать в полном объеме запреты Евросоюза на импорт российских энергоносителей. Взаимные торгово-экономические связи оказались на перепутье с неблагоприятными дальнейшими перспективами.

Приходится с сожалением констатировать, что взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество с Россией, продолжавшееся на протяжении многих лет, принесено странами ЦВЕ в жертву военно-политическим амбициям США, НАТО и Евросоюза, невзирая на тяжелые последствия разразившегося энергетического кризиса и других экономических и социальных потрясений с непредсказуемым исходом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубкин А.В., Князев Ю.К. Внешнеторговый кризис в Центрально-Восточной Европе на фоне коронавирусной пандемии COVID-19 // Россия и современный мир. 2022. № 2 (115). С. 135–157.
2. Князев Ю.К., Фейт Н.В. Современные тенденции в экономических отношениях России со странами Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. № 2. 2018. С. 64–75.
3. Кризис в Европейском Союзе: последствия для стран Центрально-Восточной Европы: Монография / Отв. ред. Ю.К. Князев, Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2020.
4. Куликова Н.В., Синицина И.С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. № 3. С. 150–160.
5. Орлик И.И., Князев Ю.К. Политическая и экономическая дифференциация Центрально-Восточной Европы: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2019.
6. Пандемия COVID-19: социально-экономические вызовы и ответные меры в странах Центрально-Восточной Европы в условиях европейской интеграции: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2021.
7. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2022.
8. *Astrov V., Grieveson R., Landesmann M.* Russia's Invasion of Ukraine: Assessment of the Humanitarian, Economic and Financial Impact in the Short and Medium Term // The Vienna Institute for International Economic Studies, Policy Notes and Reports 59, April 2022.
9. *Baqae D., Moll B., Landais C.* The economic consequences of a stop of energy imports from Russia // Conseil d'Analyse Economique Focus, 84, 2022.
10. *Chepeliev M., Hertel T.* Cutting Russia's fossil fuel exports: Short-term pain for long-term pain // VoxEU Blog, March 9, 2022.
11. *Chyong C., Aggarwal D., Reiner D.* Market Power and Long-term Gas Contracts: The Case of Gazprom in Central and Eastern European Gas Markets // The Energy Journal, 2023. Vol. 44. No. 1.
12. *Liadze I., Macchiarelli C., Mortimer-Lee P.* The economic costs of the Russia-Ukraine conflict // NIESR Policy Paper 32, National Institute of Economic and Social Research, 2022.
13. *Ostrovski Wojciech, Butler Eatonn.* Understanding Energy Security in Central and Eastern Europe. Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York. 2018.
14. *Zaniewicz M.* New gas pipeline geopolitics in Central and Eastern Europe // Warsaw Institute, Special Report, 12/21/2019.

REFERENCES

1. Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. The foreign trade crisis in Central and Eastern Europe against the background of the COVID-19 coronavirus pandemic // *Russia and the Modern World*. 2022. No. 2 (115). Pp. 135–157. (In Russ.).
2. Knyazev Yu.K., Faith N.V. Modern trends in economic relations between Russia and the countries of Central and Eastern Europe // *Russia and the modern world*. No. 2. 2018. Pp. 64–75.
3. The crisis in the European Union: consequences for the countries of Central and Eastern Europe: Monograph / Ed. Yu.K. Knyazev, N.V. Kulikova. M.: IE RAS, 2020. (In Russ.).
4. Kulikova N.V., Sinitsyna I.S. Trade relations of Russia with the countries of Central and Eastern Europe // *Modern Europe*. 2019. No. 3. Pp. 150–160. (In Russ.).
5. Orlik I.L., Knyazev Yu.K. Political and economic differentiation of Central and Eastern Europe: Scientific report. Moscow: IE RAS, 2019. (In Russ.).
6. The COVID-19 pandemic: Socio-economic challenges and responses in the countries of Central and Eastern Europe in the context of European integration: Monograph / Ed. by N.V. Kulikova. M.: IE RAS, 2021. (In Russ.).
7. Russian “Neighborhood Belt” Under of the Sanctions War: Scientific Report / Edited by L.B. Vardomsky (executive editor), I.A. Korgun, N.V. Kulikova, A.G. Pulin. Moscow. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2022. (In Russ.).
8. Astrov V., Grieveson R., Landesmann M. Russia’s Invasion of Ukraine: Assessment of the Humanitarian, Economic and Financial Impact in the Short and Medium Term // The Vienna Institute for International Economic Studies, Policy Notes and Reports 59. April 2022.
9. Baqaee D., Moll B., Landais C. The economic consequences of a stop of energy imports from Russia // *Conseil d’Analyse Economique Focus*, 84, 2022.
10. Chepeliev M., Hertel T. Cutting Russia’s fossil fuel exports: Short-term pain for long-term gain // *VoxEU Blog*. 2022. March 9.
11. Chyong C., Aggarwal D., Reiner D. Market Power and Long-term Gas Contracts: The Case of Gazprom in Central and Eastern European Gas Markets // *The Energy Journal*. 2023. Vol. 44. No. 1.
12. Liadze I., Macchiarelli C., Mortimer-Lee P. The economic costs of the Russia-Ukraine conflict // *NIESR Policy Paper 32*, National Institute of Economic and Social Research, 2022.
13. Ostrovski Wojciech, Butler Eatonn. *Understanding Energy Security in Central and Eastern Europe*. Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York. 2018.
14. Zaniewicz M. New gas pipeline geopolitics in Central and Eastern Europe // *Warsaw Institute, Special Report*, 12/21/2019.

Дата поступления рукописи: 03.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Голубкин Александр Викторович – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
golubkinaalexander@gmail.com

Князев Юрий Константинович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
kyuk151@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Golubkin – Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
golubkinaalexander@gmail.com

Yuriy K. Knyazev – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kyuk151@rambler.ru

TRADE RELATIONS BETWEEN THE CEE COUNTRIES AND RUSSIA AT A CROSSROADS

The article is devoted to the statistical analysis of the current state of trade cooperation between the countries of Central and Eastern Europe and Russia over the past 15 years. The authors provide comparative characteristics of the results of mutual trade over the past 15 years with regard to dynamics of trade turnover, exports, imports and commodity composition of trade (on a county-by-country and period-by-period basis). The long-term trend of reducing the volume of trade turnover and Russian exports with a simultaneous increase in the CEE countries' exports to Russia was revealed, the structure of commodity supplies was analysed. It was demonstrated that the primarily raw material Russian export is unpromising in the context of the unfolding "green energy transition" in the European Union. It also pointed out a trend of curtailing mutual trade relations, which began in 2022 due to the sharp escalation of the conflict between Russia and the collective West.

Keywords: *Central-Eastern Europe, European Union, Russia, foreign trade, commodity turnover dynamics, mutual supply structure, old and new difficulties.*

JEL: F14, F21

ЖЭНЬ ЯНЬЯНЬ

помощник научного сотрудника,
административный отдел канцелярии базы Китай – ШОС

ЦАЙ СЫЛЮ

магистрант международного права
Шанхайского политико-юридического университета

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЛАТФОРМЫ
ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ ШОС**

**(на примере Демонстрационной зоны местного
торгово-экономического сотрудничества ШОС)**

Трансграничная электронная коммерция является важным каналом торгового сотрудничества в рамках ШОС и имеет большое значение для развития торговли между странами – участницами ШОС, в том числе и для упрощения процедур торговли. В настоящее время в рамках ШОС еще не сформирована единая региональная трансграничная платформа электронной коммерции. В регионе существуют нерешенные логистические и транспортные проблемы, уровень развития промышленных парков невысокий. Механизм таможенного контроля нуждается в совершенствовании и существенной доработке из-за наличия сложных формальностей, которые препятствуют дальнейшему развитию трансграничной электронной коммерции в рамках ШОС. В статье рассматривается развитие трансграничной электронной торговли на примере Демонстрационной зоны местного экономического и торгового сотрудничества ШОС, показано развитие трансграничной электронной торговли в рамках ШОС, проанализированы проблемы, существующие в данной сфере, и выдвинуты предложения в адрес руководства ШОС по совершенствованию региональной трансграничной платформы электронной коммерции.

Ключевые слова: ШОС, содействие торговле, Демонстрационная зона местного экономического и торгового сотрудничества, трансграничная электронная коммерция.

УДК: 339.92

EDN: WOZYLK

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_167_188

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), являясь важным участником цифрового экономического пространства еще в 2004 г. начала развивать трансграничное сотрудничество в сфере электронной коммерции. При этом, как указывает Лю Хуацинь, в условиях

стремительно развивающейся цифровизации всей социально-экономической мировой системы происходит цифровизация экономик стран – участниц ШОС, масштабы которой значительно различаются в разных странах, что обусловлено как влиянием геополитических причин, так и имеющимся в стране базисом для развития электронной торговли [1].

В настоящее время трансграничное сотрудничество в рамках ШОС в области электронной торговли осуществляется в двустороннем формате, таком как китайско-российское сотрудничество в области электронной коммерции, китайско-казахстанское сотрудничество в области электронной коммерции, китайско-узбекское сотрудничество в области электронной коммерции, а его развитие на региональном уровне происходит очень медленно. На сегодняшний день единая региональная трансграничная торговая площадка электронной коммерции и логистическая сеть ШОС пока еще не сформированы [1].

Толчком к этому выступила пандемия COVID-19, которая вызвала глубокие качественные изменения многих экономических процессов, привела к их цифровизации, происходящей на фоне бурного развития высоких IT-технологий. В условиях пандемии стали массово создаваться интернет-платформы, возрастающее значение которых не только ускорило цифровизацию торговли и сферы услуг, но и создало большое количество новых рабочих мест, став новой движущей силой глобального экономического роста и повышения уровня стабильной занятости. В будущем электронная коммерция, вероятно, станет основным направлением международной (импортно-экспортной) торговли [2].

В этом контексте актуальным является вопрос о том, каков вклад Демонстрационной зоны местного экономического и торгового сотрудничества ШОС (далее – Демонстрационная зона ШОС) в трансграничную электронную торговлю, каковы проблемы, с которыми столкнулись в Демонстрационной зоне ШОС в сфере трансграничной электронной торговли, соответственно, каковы возможные пути дальнейшего развития трансграничной электронной торговли в Демонстрационной зоне ШОС. Кроме того, какую политику следует проводить? как принять более практичные шаги? какие механизмы необходимо разработать в рамках Демонстрационной зоны ШОС для создания региональной трансграничной платформы электронной коммерции, для дальнейшего продвижения трансграничной электронной торговли и для упрощения региональной торговли? Эти вопросы частично освещены в [3], но продолжают оставаться актуальными и по возможности, будут раскрыты в данной работе.

1. Тенденции развития трансграничных платформ электронной коммерции в Демонстрационной зоне местного экономического и торгового сотрудничества ШОС

С момента образования ШОС региональное экономическое сотрудничество создавалось с нуля – от простого к сложному, от одностороннего к многоуровневому. При этом оно быстро развивалось, масштабы торговли достигли самого высокого в истории уровня, а взаимодополняемость внутренней торговли увеличилась, что привело к заметным успехам.

В настоящее время влияние региональных рынков и организаций стран-участниц, охватываемых ШОС, еще больше возросло. Согласно данным «Доклада о развитии торговли за 20 лет с момента создания Шанхайской организации сотрудничества», опубликованному в 2022 г., общий объем торговли государств – членов ШОС за 20 лет увеличился почти в 100 раз, составив 5,4% от общего объема мировой торговли в 2001 г. и 17,5% в 2020 г. Объем торговли между Демонстрационной зоной регионального торгово-экономического сотрудничества «Китай – ШОС» и государствами – членами ШОС увеличился в пять раз – с 850 млн юаней в 2019 г. до 4 млрд юаней в 2021 г.¹

В целях дальнейшего укрепления регионального экономического сотрудничества в рамках Организации необходимо осуществлять многоканальные, многоотраслевые и высокоуровневые меры стратегического сотрудничества. Однако вследствие того, что государства – члены ШОС еще не пришли к консенсусу по вопросу о создании зоны свободной торговли, а разница в уровне экономического развития между странами – участницами ШОС достаточно велика, то повышение эффективности логистики, содействие таможенному сотрудничеству, содействие развитию торговли и притоку бизнесменов и специалистов посредством создания Демонстрационной зоны местного экономического и торгового сотрудничества Шанхайской организации сотрудничества будет обеспечивать соблюдение интересов отдельных стран-участниц в условиях упрощенного режима региональной торговли.

В сентябре 2019 г. Госсовет Китая утвердил «Общий план создания Демонстрационной зоны местного экономического и торгового сотрудничества Китай – ШОС»². В качестве важного канала экономи-

¹ Доклад о развитии торговли за 20 лет с момента создания Шанхайской организации сотрудничества. <http://wkc.ouc.edu.cn/2022/0224/c20373a362887/page.htm> (дата обращения: 13.03.2023).

² http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-10/08/content_5437071.htm?tdsourcetag=s_pcqq_aiomsg (дата обращения: 10.12.2022).

ческого сотрудничества между органами местного самоуправления стран – участниц ШОС создание Демонстрационной зоны ШОС будет способствовать реализации стратегии содействия торговле.

Используя промышленные и географические преимущества города Циндао, в рамках проекта Демонстрационная зона ШОС проводится многовекторная политика в таких областях как торговля, финансы и промышленность с целью создать более широкую платформу для двусторонних и многосторонних обменов и сотрудничества в разных областях, оказывая свое воздействие и активно расширяя дружественные каналы связи. Все эти меры будут направлены на укрепление экономического и торгового сотрудничества, на содействие интеграции элементов и ресурсов транснациональных потоков, на стимулирование стран – участниц ШОС к ускорению их интеграции в глобальную цепочку поставок, промышленных цепочек и цепочек создания стоимости.

В «Общем плане создания Демонстрационной зоны местного экономического и торгового сотрудничества Китай – ШОС» (далее именуемой «Общий план») четко указано, что трансграничная электронная коммерция должна активно развиваться. В соответствии с требованиями «Общего плана» Демонстрационная зона ШОС, опираясь на Комплексную экспериментальную зону трансграничной электронной коммерции Китая (Циндао), поощряет предприятия к созданию платформ поддержки трансграничной электронной коммерции, к аккумуляции приграничных предприятий электронной коммерции и к развитию операций по трансграничной электронной коммерции.

Демонстрационная зона ШОС внедрила соответствующие практики, способствующие дальнейшему развитию индустрии трансграничной электронной коммерции, создав благоприятную деловую среду с ориентацией на рынок, с профессиональными и международными услугами и с привлечением большего количества предприятий для инвестиций и стартапов.

Создание зарубежных и транзитных приграничных складов стало важной опорой для развития трансграничной электронной торговли в ШОС. Имея развитую стартовую базу, высокие стандарты и большие перспективы в сфере международной торговли, Демонстрационная зона ШОС будет сосредоточена на инновационном развитии трансграничных предприятий, связанных с электронной коммерцией. Зона сама предпримет практические шаги, используя экспериментальные методы: так, через каналы трансграничной торговли будет создан двойной цикл для продвижения высококачественной китайской продукции на экспорт за рубеж и для ввоза иностранной высококачественной продукции внутрь страны, реализуя тем самым двустороннюю и многостороннюю торговлю, а также открывая новые пути торговли.

В будущем платформу трансграничной электронной торговли в Демонстрационной зоне ШОС следует использовать в качестве наглядного примера хорошо организованной сферы международной торговли и приложить усилия для содействия быстрому развитию трансграничной электронной торговли в регионе ШОС, повышению уровня и упрощению правил трансграничной торговли, а также реализации ключевых проектов. Необходимо сотрудничать с крупными платформами для модернизации индустрии трансграничной электронной коммерции, для развития трансграничной электронной коммерции по нескольким каналам и создания трансграничной экосистемы электронной коммерции со спецификой ШОС.

2. Роль Демонстрационной зоны ШОС в построении региональной трансграничной платформы электронной коммерции

Трансграничная электронная коммерция является первой формой сотрудничества в области цифровой экономики, возникшей между государствами – членами ШОС, и оказывает очевидное позитивное влияние на экономическое развитие в регионе ШОС. В настоящее время трансграничное сотрудничество в области электронной торговли в регионе ШОС в основном включает механизмы межгосударственного сотрудничества и механизмы двустороннего сотрудничества. Факторы, влияющие на уровень развития трансграничной электронной торговли, включают таможенное сотрудничество, логистику, транспортное сообщение и информационную инфраструктуру.

Задачей Демонстрационной зоны ШОС является создание международных логистических центров более высокого уровня, современных торговых центров и центров культурного обмена для деловых поездок, которые должны будут играть важную демонстрационную роль в содействии развитию трансграничной электронной коммерции в рамках ШОС. Кроме того, создание специальной платформы электронной коммерции ШОС будет способствовать укреплению экономического и торгового сотрудничества государств – членов Организации, реализации регионального экономического роста и цифровой трансформации, а также позволит большинству малых и средних предприятий участвовать в быстро развивающейся сфере трансграничной электронной коммерции.

2.1. Создание международных логистических центров для оптимизации товарных потоков трансграничной электронной коммерции

Оптимизация товарных потоков от поставщиков до потребителей с минимальными финансовыми и временными затратами имеет

принципиально важное значение для развития трансграничной электронной коммерции, при этом повышение операционной эффективности сетей сбора и распределения, а также и логистических каналов будет в значительной степени способствовать региональному экономическому развитию.

Уникальность Демонстрационной зоны ШОС заключается в использовании межгосударственных площадок для осуществления местного сотрудничества, для организации путей доставки грузов с моря на сушу и с суши на море, формируя действительно наглядный пример двусторонней взаимопомощи между Востоком и Западом, а также доступную открытую структуру, построенную между сушей и морем, внутренними и внешними перевозками [4].

Демонстрационная зона ШОС объединяет ресурсы автомобильного, железнодорожного, морского и воздушного транспорта, решает проблемы строительства инфраструктурных объектов. Трехмерный канал логистических операций повышает их эффективность и удобство.

Для повышения удобства портового канала Демонстрационная зона ШОС использует глобальную систему мультимодальной транспортной логистики, а чтобы усилить функциональные преимущества мультимодальных перевозок порта Циндао, она первой в стране создала систему таможенного контроля грузов в пути, организовала специально выделенный грузовой канал между станциями и портами (через специальный шлюз), обеспечивая тем самым прямую связь между морем и железной дорогой [5].

Демонстрационная зона ШОС в полной мере использует свои географические преимущества, реорганизует транспортные ресурсы, меняет схему транспортировки совместно с таможенными, транспортными и другими ведомствами, сокращает время таможенного оформления товаров, экономит затраты на товарооборот и прилагает все усилия по продвижению интеграции транспортировки, складирования, надзора и включения в международные логистические цепочки.

Создание качественного и интенсивно развивающегося канала международной мультимодальной транспортной торговли будет способствовать дальнейшей стыковке и сотрудничеству трансграничной электронной коммерции между всеми странами – участницами ШОС.

2.2. Пути дальнейшего развития электронной торговли, создание нового механизма сотрудничества высокого уровня в области трансграничной электронной коммерции

Создание Демонстрационной зоны ШОС поможет в еще большей степени повысить роль Циндао в строительстве нового евразийского континентального моста инициативы «Пояс и путь» – экономического коридора и морского сотрудничества, укрепить взаимосвязь и функциональную совместимость стран – участниц ШОС, а также обеспе-

читать системные гарантии для построения более широкой региональной платформы экономического сотрудничества [6].

Демонстрационная зона ШОС планирует создать специальный орган по оказанию комплексных услуг для современной торговли и универсальную платформу «одного окна» для международных бизнес-услуг. Используя свое лидерство в области логистики, Зона планирует оказывать новаторскую политическую поддержку, повышать финансовую поддержку, улучшать юридические услуги и оказывать помощь в использовании новых цифровых технологий, а также создавать механизм трансграничного сотрудничества в области электронной коммерции высокого уровня с помощью новых цифровых технологий.

Демонстрационная зона ШОС придает большое значение продвижению промышленной агломерации и объединению ресурсов в рамках ШОС. Используя преимущества комплексной экспериментальной зоны трансграничной электронной торговли Китая (Циндао), предприятиям рекомендуется создавать платформы поддержки трансграничной электронной коммерции для привлечения современных высокоразвитых иностранных торговых компаний, их регистрации в Промышленном бизнес-парке Демонстрационной зоны и аккумуляции трансграничных предприятий электронной коммерции. Это приведет к развитию трансграничной электронной коммерции и поддержке ведущих предприятий Циндао в деле создания баз распределения грузов и «зарубежных складов» [7]. В дополнение к институциональным инновациям, направленным на либерализацию и упрощение процедур торговли, Демонстрационная зона ШОС также постоянно расширяет «круг друзей» и свое влияние посредством рекламных конференций, прямых трансляций электронной коммерции и экспо выставок ШОС. Все это направлено на создание информационной платформы для местного экономического и торгового сотрудничества и обмена для стран – участниц ШОС.

3. Основные проблемы, возникающие при создании региональной трансграничной платформы электронной коммерции: анализ нынешней ситуации в Демонстрационной зоне ШОС

Демонстрационная зона ШОС отличается от экспериментальной зоны свободной торговли тем, что представляет собой новую структуру, которая использует высокие IT-технологии и способствует улучшению механизмов и правил, применяемых в сфере межрегиональной трансграничной электронной торговли, – ранее не было подобных прецедентов, а работы по строительству и развитию носили исследовательский и новаторский характер [8]. В результате многолетних напряженных

усилий и подготовки между государствами – членами ШОС возникли правовые, рыночные и материальные основы для регионального трансграничного сотрудничества в области электронной торговли. Однако они все еще сталкиваются со многими барьерами в таможенных процедурах, бизнес-потоках и нормативно-правовой среде [9].

Таблица

Рейтинг легкости ведения бизнеса в государствах – странах ШОС

Страна	Оценка	Место в мире
Казахстан	79.6	25
Российская Федерация	78.2	28
Китай	77.9	31
Индия	71	63
Узбекистан	69.9	69
Кыргызская Республика	67.8	80
Таджикистан	61.3	106
Пакистан	61	108

Источник: составлено авторами по: Ведение бизнеса 2020[EB/OL]. Doing Business 2020. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/75ea67f9-4bcb-5766-ada6-6963a992d64c/content>.

Для осуществления ШОС местного экономического и торгового сотрудничества Демонстрационная зона ШОС на сегодняшний день все еще нуждается в улучшении логистических услуг, промышленной агломерации, обучения персонала и таможенного контроля, имеющих принципиально важное значение, а также сталкивается с препятствиями, ограничивающими развитие трансграничной электронной торговли в регионе ШОС, что во многом обусловлено особенностями ведения бизнеса в различных странах ШОС (см. табл.).

3.1. Унификация логистического обслуживания, необходимость повышения мощностей грузоперевозок

Логистические мощности и таможенные процедуры являются основными факторами, влияющими на развитие трансграничной электронной торговли. Необходимой предпосылкой для того, чтобы инфраструктура выполняла свою важную роль в развитии трансграничной электронной торговли, является формирование бесперебойной функциональной сети объектов. В качестве логистического центра на местном уровне Демонстрационная зона ШОС создала мультимодальную логистическую модель «Интегрированный порт и станция»

для облегчения импорта и экспорта морских грузов. Однако в процессе реализации возникли дополнительные требования, которые также оказали определенное давление на логистическую связь между морскими, наземными, воздушными и железнодорожными видами транспорта.

В настоящее время в экспортном бизнесе предприятий трансграничной электронной коммерции в Демонстрационной зоне ШОС наблюдается самый высокий спрос на железнодорожные перевозки, особенно на железнодорожные составы. Тем не менее, согласно Генеральному плану железнодорожного узла Циндао, Цзяочжоу³ планируется только как железнодорожная логистическая база второго уровня, а план железнодорожных частот ограничен развертыванием Цзинаньского железнодорожного управления. Существует проблема недостаточной пропускной способности, что явно не соответствует ожидаемым перспективам развития Демонстрационной зоны ШОС для создания международного логистического узла [10].

Проблемы, существующие в развитии международного логистического центра в Демонстрационной зоне ШОС, такие как единый режим обслуживания и слабая пропускная способность, объясняются тем, что наземные, портовые и воздушные перевозки не были полностью взаимосвязаны с таможенной и площадками контроля за трансграничной электронной торговлей. Возможно, именно это влияет на эффективность таможенного оформления и транспортировки товаров, а также увеличивает бремя торговых издержек трансграничной электронной торговли.

3.2. Недостаточная привлекательность промышленных парков, призванных способствовать развитию трансграничной электронной коммерции

В специально созданных национальных павильонах ШОС и онлайн-магазинах в Демонстрационной зоне ШОС представлены продукты электронной коммерции, что в определенной степени способствовало увеличению продаж продуктов электронной коммерции с учетом специфики страны-продавца. Однако предприятия, занимающиеся трансграничной электронной коммерцией, осуществляемой в настоящее время в Демонстрационной зоне, рассредоточены, и сделки между ними в основном осуществляются железнодорожным транспортом, а продажи иностранным потребителям проводятся с помощью личных экспресс-посылок.

Кроме того, остается низким коэффициент использования зарубежных складов, занимающихся обслуживанием трансграничной

³ Цзяочжоу – район города Циндао.

электронной торговли и подавших заявки на регистрацию. При этом выпуск продукции отраслей, которые начали заниматься трансграничной торговлей, не достиг ожидаемого масштаба. В настоящее время трансграничной электронной торговлей в Демонстрационной зоне ШОС в основном занимаются местные предприятия, а крупных предприятий в сфере трансграничной электронной торговли здесь нет.

Роль индустриального парка трансграничной электронной коммерции ШОС в поиске новых торговых каналов и точек роста прибыли для предприятий посредством трансграничной электронной коммерции также недостаточно заметна [11]. Причина этого кроется в том, что механизм взаимосвязи и совместного использования трансграничных информационных ресурсов электронной коммерции несовершенен, цели инвестиций не определены.

Кроме того, проводимая в данной сфере политика не позволяет проанализировать ситуацию с заявками в зависимости от формы торговли, в связи с чем статистическая точность их оценок, а также уровень поддержки операций трансграничной электронной торговли в результате оказались недостаточными. Более того, в индустриальном парке электронной коммерции существует множество форм и видов торговли, например, таких как обычная торговля, давальческая торговля («processing trade») и трансграничная электронная торговля на экспорт. К тому же, вне зависимости от количества отраслей, субъектов и учреждений, до сих пор так и не получен эффект масштаба, прибыль от трансграничной электронной коммерции не в состоянии достичь ожидаемого уровня, а базис делового сотрудничества относительно слаб.

3.3. Дефицит высокопрофессиональных кадров в области трансграничной электронной коммерции, препятствующий быстрому развитию торгового бизнеса

Поскольку трансграничная электронная коммерция является глобальным бизнесом, то задействованные в ней бизнес-процессы являются относительно сложными. Помимо рабочего персонала с высоким уровнем владения иностранным языком и знакомого с правилами каждой платформы, также требуется хорошо разбираться в трансграничных платежах, трансграничной логистике, в управлении цепочками поставок товаров международной торговли, разработке продуктов, финансовом менеджменте и т. д. [12].

В настоящее время субъекты трансграничной электронной коммерции в Демонстрационной зоне ШОС по-прежнему в основном представляют собой семейные предприятия, а также индивидуальных торговцев с небольшими объемами транзакций, с низким уровнем

управления, что затрудняет достижение намеченных целей развития высокоуровневой и крупномасштабной трансграничной электронной коммерции. Хотя в Циндао, где находится Демонстрационная зона ШОС, после многих лет ее функционирования сформировался значительный кадровый потенциал, в традиционной модели образования до сих пор отсутствует перечень специалистов, которые необходимы для работы в сфере трансграничной электронной коммерции. Кроме того, направление профессиональной подготовки кадров оторвано от потребностей отрасли, хотя при этом модель подготовки специалистов относительно проста.

В связи с быстрым развитием трансграничной электронной коммерции в рамках Демонстрационной зоны ШОС спрос на многопрофильных профессионалов в сфере трансграничной электронной торговли продолжает расти, однако по-прежнему ощущается их острая нехватка. Привлечение традиционных специалистов по иностранным делам для участия в трансграничной электронной коммерции не может полностью удовлетворить потребности развития трансграничной электронной коммерции в современных условиях.

3.4. Проблемы таможенного контроля в сфере трансграничной электронной торговли и совершенствование механизмов внешнеторгового товарооборота

Трансграничная электронная коммерция ШОС, являясь новой формой внешней торговли и новой моделью для стимулирования внешнего товарооборота, столкнулась с отсутствием единых правил таможенного контроля. В настоящее время еще не создана промышленно-торговая федерация электронной коммерции ШОС, и страны-участницы в основном развивают механизмы трансграничного сотрудничества в области электронной торговли в форме двусторонних соглашений о сотрудничестве.

Вследствие разных правил электронной коммерции в странах-участницах, а также из-за виртуального и анонимного характера трансграничных транзакций в сфере электронной торговли, компании, занимающиеся трансграничной электронной торговлей, часто корректируют свои маркетинговые стратегии в соответствии с фактическими условиями, существующими на рынках в разных странах-участницах.

В Демонстрационной зоне ШОС бывают случаи продажи продуктов, запрещенных к вывозу в связи с нарушением закона об авторских правах. При этом иногда такие товары продаются другим государствам – членам ШОС в больших количествах, что серьезно нарушает правила международной торговли и создает кредитные риски.

С увеличением объема экспорта товаров, продаваемых через каналы электронной коммерции, таможене необходимо создать несколько децентрализованных площадок таможенного контроля. В настоящее время обмен информацией, касающейся трансграничной электронной торговли, осуществляется слабо, и трудно полностью контролировать риски, а также сложно обеспечивать эффективный контроль потоков товаров с учетом их надлежащего таможенного оформления. Более того, в регионе ШОС временно отсутствует хорошо работающий механизм отслеживания и отзыва контрафактной продукции, а единые правила защиты интеллектуальной собственности еще не выработаны. Несмотря на то что Китай ужесточил наказание за нарушение прав интеллектуальной собственности, принимать дополнительные меры по ее защите, когда контрафактная продукция уже вывезена за пределы страны, очень сложно.

4. Предложения по созданию региональной трансграничной платформы электронной коммерции ШОС: опыт Демонстрационной зоны ШОС

Демонстрационная зона ШОС, являясь центром местного экономического и торгового сотрудничества ШОС, столкнулась с бурным развитием трансграничной электронной коммерции и в настоящее время находится в начале нового исторического этапа. Его задачами являются: проанализировать предыдущий опыт, накопленный за все время деятельности субъектов сферы местного экономического и торгового сотрудничества; в полной мере развернуть собственные преимущества; использовать инновационные инструменты управления, появившиеся благодаря цифровым технологиям; способствовать развитию трансграничной электронной коммерции с учетом взаимосвязи логистической инфраструктуры, инновационных моделей комплексных сервисных платформ; увеличить количество промышленных парков электронной коммерции; улучшить профессиональную подготовку кадров; а также улучшить таможенный контроль за потоками экспортируемых товаров; развивать сотрудничество с таможенными департаментами. Положительный опыт создания региональной трансграничной платформы электронной коммерции в рамках ШОС необходимо использовать для дальнейшего усиления влияния ШОС в сфере международной торговли.

4.1. Инновационные методы совершенствования транспортной инфраструктуры и коммуникаций и оптимизация логистической структуры трансграничной электронной коммерции

Прежде всего необходимо активно стимулировать дальнейшее развитие международного торгового сотрудничества стран ШОС,

развивать логистику, отвечающую современному уровню, создавать двусторонние мультимодальные транспортно-логистические узлы, осуществлять мультимодальные перевозки, а также ускорять строительство «зеленых коридоров» для товаров из стран ШОС. Инфраструктура ИКТ и доступность Интернета для коммерческих операций оказывают положительное и значительное влияние на объем международной торговли [13; 14]. Для решения проблемы недостаточной пропускной способности железнодорожного транспорта в регионе ШОС самым простым и эффективным решением, разумеется, является повышение класса железнодорожных узлов, увеличение количества и качества железнодорожных составов, исходя из потребностей трансграничной электронной торговли в рамках Демонстрационной зоны ШОС, создание международных логистических центров, расположенных в соответствии со структурой порта, а также расширение высокоэффективной модели логистических операций «поездной состав + трансграничная электронная коммерция». При этом следует учесть, что существует верхний лимит пропускной способности одной транспортной инфраструктуры.

Имеющиеся и создаваемые новые площадки для таможенного контроля за трансграничной электронной торговлей, а также деятельность индустриального парка электронной торговли в Демонстрационной зоне ШОС будут неразрывно связаны с тремя видами транспорта: железная дорога, автомобильное шоссе и воздушное сообщение. Задействованные в полной мере различные виды транспорта, дополняющие друг друга, будут способствовать совершенствованию логистических услуг, увеличению масштабов и интенсификации транзакций, а также сформируют совокупность трансграничных логистических и транспортных ресурсов электронной коммерции, создав тем самым новую модель логистики трансграничной электронной торговли для ее дальнейшего развития в Демонстрационной зоне ШОС, в том числе и во всем регионе ШОС.

Кроме того, взаимосвязь различных видов транспорта, таких как морской, наземный, воздушный и железнодорожный транспорт, требует более высокого уровня обмена транспортной информацией. Благодаря применению цифровых технологий и интеллектуальных систем в области транспорта может быть дополнительно задействован потенциал трансграничной электронной коммерции в транзитных перевозках, а логистическая цепочка поставок может активно развиваться и строиться, способствуя улучшению международной транспортной инфраструктуры. Это создаст крупный канал для трансграничной логистики электронной торговли ШОС, что поможет использовать преимущества логистики со спецификой ШОС.

4.2 Создание цифровой комплексной сервисной платформы для повышения уровня промышленной интеграции парков электронной коммерции

Промышленная агломерация является важным способом интеграции традиционных отраслей в глобальную цепочку создания стоимости, при этом интеграция отраслей является единственным способом для местной промышленной агломерации добиться интернационализации. Именно поэтому трансграничная электронная коммерция становится важной платформой для того, чтобы промышленная агломерация была встроена в глобальную цепочку создания стоимости [15].

В связи с тем что ШОС еще не достигла консенсуса по созданию региональной трансграничной платформы электронной торговли, исходя из сценариев применения и реальных потребностей трансграничного сотрудничества в области электронной торговли между странами ШОС, взяв за основу институциональные инновации Демонстрационной зоны ШОС, создание комплексной сервисной платформы для трансграничной электронной торговли ШОС с помощью новых цифровых технологий станет более реалистичным выбором для повышения уровня трансграничного сотрудничества ШОС в области электронной коммерции.

Использование больших данных и блокчейна для создания системы обслуживания современного уровня, фокусирование таких звеньев электронной коммерции, как демонстрационная политика, торговые переговоры, платежи и расчеты, а также отражение финансовых операций по всей цепочке поставок в базе данных с высокой степенью оцифровки способствует более полному сбору данных по электронной торговле и интеграции ресурсов, что поможет устранять препятствия на пути трансграничного сотрудничества в области электронной торговли. Для этого также следует предоставлять более удобные услуги международной торговли для компаний, работающих в сфере электронной коммерции, эффективно снижать для них стоимость трансграничной торговли и создавать «модель ШОС» для трансграничной электронной коммерции.

Учет динамики ВВП и объемов торговли показывает, что увеличение на 10% проникновения Интернета из одной страны в другую связано с увеличением роста экспорта примерно на 1,7% и на 1,1% роста импорта [16; 17]. Ввиду недостаточной привлекательности нынешнего индустриального парка электронной коммерции и пока неопределенных инвестиционных ориентиров Демонстрационная зона должна точно определить характер трансграничной электронной коммерции с предприятиями в качестве основного субъекта и рынка в качестве сущностной ориентации. Также необходимо скорректировать категории товаров импорта и экспорта трансграничной электронной ком-

мерции, содействовать преобразованию и модернизации региональной промышленной структуры, что позволит удовлетворить фактические потребности внутреннего и экспортного рынков и привлечет к участию более крупные и конкурентоспособные внешнеторговые компании, занимающиеся трансграничной электронной торговлей. В то же время, учитывая сосуществование нескольких торговых моделей в индустриальном парке электронной коммерции, Демонстрационная зона может способствовать участию традиционных предприятий в кластере в электронной коммерции, предоставляя модульные услуги данных, а также политические и юридические услуги. Кроме того, путем технического сотрудничества, распределения ресурсов, стандартизации рынка и другими способами нужно улучшать систему совместного управления цепочками поставок, что будет способствовать дальнейшему открытию новых каналов рынка, а также расширит масштабы региональной торговли и в полной мере создаст дополнительные преимущества в глобальной торговой конкуренции.

4.3. Совершенствование путей подготовки профессиональных кадров для сферы трансграничной электронной коммерции, стимулирование повышения качества и технологического уровня операций электронной коммерции

Человеческий капитал является принципиально важным и наиболее активным фактором, способствующим развитию электронной торговли, – это первостепенный ресурс, поддерживающий ее развитие. Но для того чтобы обеспечить дальнейшее ее развитие, повысить объемы трансграничной электронной коммерции и расширить масштабы трансакций принципиально важно улучшить подготовку кадров для трансграничной электронной коммерции.

В настоящее время подготовка специалистов в области трансграничной электронной коммерции в основном осуществляется в вузах, которые несут ответственность за преподавание теоретических дисциплин, имеющих отношение к трансграничной электронной коммерции, а также преподавание таких практических навыков, которые необходимы для будущей карьеры, – иностранных языков, бухгалтерского учета и маркетинга. Однако обучение студентов практическим навыкам не соответствует требуемому уровню. Демонстрационная зона ШОС может проводить исследования новых механизмов интеграции промышленности и системы профессионального образования посредством реализации совместных проектов с вузами по подготовке специалистов и приобретения ими практических навыков. Это не только определит необходимые на сегодняшний день стандарты компетенций, которыми должны обладать в будущем специалисты в области трансграничной электронной коммерции, но также побудит

студентов, желающих работать в данной области, совмещать теорию с практикой, заранее ознакомиться со связями, процессами и рабочей средой трансграничной электронной коммерции, повысить уровень своих знаний, улучшить применяемые в процессе обучения методики и повысить их профессиональные качества.

В то же время для компаний, занимающихся электронной коммерцией и зарегистрировавшихся в Демонстрационной зоне ШОС, Демонстрационная зона может предоставить рекомендации по управлению и развитию компаний электронной коммерции посредством семинаров, учебных курсов и т. д., обучать профессиональным навыкам, а также помогать компаниям электронной коммерции в индустриальном парке добиваться качественного и устойчивого развития. Кроме того, во время обучения в Демонстрационной зоне Китай-ШОС могут также предоставляться зарубежные программы обучения трансграничной электронной коммерции с использованием комбинации онлайн- и офлайн-методов, что не только улучшит обмен персоналом и взаимодополняемым опытом с другими странами-участницами, но и поможет повысить уровень квалификации специалистов – практиков трансграничной электронной коммерции в других странах, решит дилемму нехватки зарубежных специалистов в трансграничной электронной торговле в Китае, а также облегчит подключение и продвижение трансграничной электронной торговли внутри страны и за границей.

4.4. Совершенствование механизмов таможенного контроля трансграничной электронной торговли и содействие развитию внешнеторгового рынка

В целях дальнейшего развития рынка трансграничной электронной коммерции необходимо ускорить совершенствование и внедрение эффективных механизмов таможенного контроля, которые бы гарантировали, что трансграничные транзакции электронной торговли осуществляются в атмосфере безопасности и честности. Содержание и методы таможенного сотрудничества будут расширяться и изменяться вслед за развитием трансграничной электронной коммерции. Страны – участницы ШОС должны как можно скорее прийти к консенсусу по принципам сотрудничества в области цифровой экономики и активно совершенствовать комплексную инфраструктуру цифровой экономики в целях создания удобных условий для обмена данными по трансграничной торговле и таможенными документами в электронном виде.

Для увеличения и расширения возможностей контроля трансграничной электронной торговли в регионе ШОС, поддержания рыночного порядка и имиджа международной торговли необходимо ориен-

тироваться на потребности отрасли, комбинировать контроль вывозимых продуктов разных отраслей с контролем продуктов конкретной отрасли, четко определить роли и обязанности компаний, занимающихся электронной коммерцией, а также ускорить процесс по нормализации и обеспечению верховенства закона и упрощения новой системы регулирования.

Вследствие того что виртуальность и анонимность трансграничной электронной коммерции затрудняют получение таможенной полной цепочки данных, для построения таможенной модели «одного окна» может быть использована технология «блокчейн + Интернет» с опорой на существующие механизмы таможенного контроля. Это должно быть сделано в целях интеграции бизнес-потоков, логистики, движения денежных средств, унификации стандартов сбора, передачи и обработки торговых данных, создания трансграничной системы отслеживания товаров, системы мониторинга складирования и транспортировки, полного преодоления информационных барьеров, повышения транспарентности управления и обмена информацией, а также обеспечения подлинности и эффективности трансграничных транзакций электронной коммерции и всего процесса контроля данных.

В целях повышения эффективности таможенного контроля необходимо ужесточить наказания за нарушения и улучшить бизнес-среду трансграничной электронной коммерции в целом. Следует как можно скорее внедрить систему таможенной защиты прав интеллектуальной собственности, улучшить трансграничную прослеживаемость и внедрить систему черного списка [18].

Учитывая достаточно большие различия в уровне развития цифровой экономики стран – участниц ШОС, целесообразно принять обязательства на основе существующих двусторонних площадок трансграничного сотрудничества в области электронной коммерции и возможностей каждой из сторон. Тем самым можно будет определить направления сотрудничества и конкретное содержание работы, а также сформировать План реализации по развитию трансграничной электронной коммерции ШОС.

Внутри ШОС нужно создать сеть трансграничных сервисных альянсов, которые бы занимались унификацией внутренних и внешних правил и стандартов системы регулирования, что поможет осуществить стыковку системы, повысит эффективность портов таможенного оформления и укрепит сотрудничество между пограничными ведомствами в области регулирования для обеспечения упорядоченного развития трансграничной электронной коммерции. Это будет способствовать «силе ШОС» и «эффективности ШОС» для содействия восстановлению региональной экономики, мира и стабильности, развития и процветания.

Заключение

Создание региональной трансграничной платформы электронной коммерции внутри ШОС – это процесс, требующий долгосрочных усилий. ШОС должна рассматривать основной целью своей деятельности «соответствие тенденциям экономической глобализации и региональной экономической интеграции, развитие регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС, укрепление экономической мощи государств региона и повышение позиций всего региона в политико-экономической структуре мира»⁴. Принимая во внимание те вызовы и трудности, с которыми сталкивается ШОС в процессе построения региональной трансграничной платформы электронной коммерции, Демонстрационная зона ШОС, представляя собой важную структуру в сфере местного торгово-экономического сотрудничества, должна использовать свою институциональную гибкость для инноваций в организации рабочих групп электронной коммерции и дальнейшего продвижения взаимосвязанной транспортной инфраструктуры. Также необходимо оптимизировать логистические схемы трансграничной электронной торговли, повышать уровень промышленной интеграции парков электронной торговли, расширять пути подготовки профессиональных кадров для трансграничной электронной торговли и совершенствовать механизмы таможенного контроля трансграничной электронной коммерции. Это будет способствовать развитию трансграничной электронной коммерции, снизит затраты на трансграничную торговлю, улучшит международное экономическое и торговое сотрудничество и обмен, сформирует положительный опыт построения трансграничной платформы электронной коммерции, который может быть полезен в качестве примера для создания новых платформ, а также постепенно осуществит на практике свободный поток товаров, капитала, услуг и технологий внутри региона ШОС.

⁴ 中国新闻网: 《上海合作组织”各国总理首次会晤发表新闻公报》<https://www.chinanews.com/2001-09-15/26/122548.html>, 访问日期: 2022年12月3日。China News Network: Публикация пресс-коммюнике на первой встрече премьер-министров «Шанхайской организации сотрудничества», <https://www.chinanews.com/2001-09-15/26/122548.html> (дата обращения: 3 декабря 2022 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. 刘华芹(2022).以数字经济提升上海合作组织区域经济合作新空间//俄罗斯学刊 No. 3:5-24.
Лю Хуацзинь. Расширение нового пространства регионального экономического сотрудничества ШОС с помощью цифровой экономики // Российский академический журнал. 2022. № 3. С. 5–24.
2. *Агеев Е.В.* Роль инфокоммуникационных технологий в повышении эффективности функционирования трансграничной электронной торговли // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 151–154. <https://moluch.ru/archive/413/91073/> (дата обращения 03.01.2023).
3. *Лю Ижу, Авдокушин Е.Ф.* Формирование основ «Цифрового Шелкового пути»// Мир новой экономика. 2019. Т. 13. №4. С. 62–71. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-62-71.
4. 尹明波,殷晓旭,青岛胶州: 制度创新推动上合示范区高质量开放发展 [EB/OL].
<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1673278514925186511.2022-11-29>.
Инь Минбо, Инь Сяосюй. Цзяочжоу, Циндао: институциональные инновации способствуют качественному открытому развитию Демонстрационной зоны ШОС. <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1673278514925186511> (дата обращения 29.11. 2022).
5. 刘华芹, 王开轩 (2018). 推进上合组织区域贸易便利化的路径选择 // 新经济导刊. No. 8:34–38.
Лю Хуацзинь, Ван Кайсюань. Выбор путей содействия развитию региональной торговли в ШОС // Новое экономическое руководство. 2018. № 8. С. 34–38.
6. Общий план строительства демонстрационной зоны местного экономического и торгового сотрудничества Китай-ШОС // Циндао Жибао. 29 октября 2019 г.
7. 孟庆胜 (2022). 对优化中国—上海合作组织地方经贸合作示范区建设的思考 // 欧亚经济. No.3:101-110,126.
Мэн Циншэн. Размышления об оптимизации строительства демонстрационной зоны местного экономического и торгового сотрудничества Китай-ШОС // Евразийская экономика. 2022. №. 3. С. 101–110,126.
8. 龚新蜀, 刘庆岩 (2009). 上海合作组织框架下经济合作制约因素及原因分析 // 重庆工商大学学报 (社会科学版). No. 5:23-27.
Гун Синьшу, Лю Циньянь. Анализ сдерживающих факторов и причин экономического сотрудничества в рамках ШОС // Вестник Чунцинского университета технологий и бизнеса (социологическое издание). 2009. № 5. С. 23–27.
9. 陈俊超 加快上合示范区国际物流中心发展的思考 [EB/OL]. <https://mp.weixin.qq.com/s/chZ2lrVZzLi-8J9YS5HcMA.2022-12-2>.
Чэнь Цзюньчао Размышления об ускорении развития международных логистических центров в демонстрационной зоне ШОС. <https://mp.weixin.qq.com/s/chZ2lrVZzLi-8J9YS5HcMA> (дата обращения 02.12. 2022).
10. 徐月静,翟乃超 (2022). 从海关视角探究上合示范区跨境电商发展 // 中国海关. No. 3:76-78.
Сюй Юэцзин, Чжай Найчао. Изучение развития трансграничной электронной торговли в Шанхайской демонстрационной зоне сотрудничества с точки зрения таможи // Китайская таможня. 2022. № 3. С. 76–78.
11. 何佳蓉 (2022). 我国跨境电子商务面临的挑战与创新发展 // 辽宁行政学院学报. No. 4:60-64.
Хэ Цзяжун. Вызовы и инновационное развитие трансграничной электронной коммерции в нашей стране // Вестник Административного института Ляонин. 2022. Вып. 4. С. 60–64.
12. *Bernanke B.S., Rotemberg J.* (eds). National Bureau of economic research (NBER) // Macroeconomics annual. MIT Press. MA. 1997. № 1. Pp. 73–102.

13. *Kalakota R., Whinston A.B.* Electronic commerce: A manager's guide // London: Addison Wesley Publishing. 1996. № 3. P. 32–44.
14. 杜永红 (2020). 内陆自贸区产业聚集对策研究 – 基于“一带一路”跨境电商视域//技术经济与管理研究. No. 8:123-128.
Ду Юнхун Исследование мер по противодействию промышленной агломерации во внутренних зонах свободной торговли на основе концепции трансграничной электронной торговли в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Исследования в области технической экономики и управления. 2020. № 8. С. 123–128.
15. *Freund C, Weinhold D.* The effect of the internet on international trade // Journal of International Economics. 2004. No. 62. Pp. 171–189.
16. *Lee Jaehwa.* Culture, Network and International Trade // Journal of International Logistic and Trade. 2015. № 13. P. 21–31.
17. 李秋正, 蒋励佳, 潘妍 (2020). 我国跨境电商通关监管生态系统演化创新的动力机制 // 中国流通经济. No. 5:32-39.
Ли Цючжэн, Цзян Лицзя, Пан Янь. Динамический механизм эволюции и инновации трансграничной экосистемы таможенного контроля электронной торговли в нашей стране // China Business and Market. 2020. № 5. С. 32–39.
18. China News Network. Публикация пресс-коммюнике на первой встрече премьер-министров Шанхайской организации сотрудничества. <https://www.chinanews.com/2001-09-15/26/122548.html> (дата обращения 03.12.2022).

REFERENCES

1. *Liu Huaqin.* Expanding the New Space of SCO Regional Economic Cooperation through Digital Economy // Russian Academic Journal. 2022. № 3. Pp. 5–24. (In Chin.).
2. *Ageev E.V.* The Role of Infocommunication Technologies in Increasing the Efficiency of Cross-Border Electronic Commerce // Young Scientist. 2022. № 18 (413). Pp. 151–154. <https://moluch.ru/archive/413/91073/> (accessed on 03.01.2023). (In Russ.).
3. *Liu Yizhu, Avdokushin E.F.* Forming the Bases of the "Digital Silk Road" // The World of New Economy. 2019. Vol. 13, No. 4. Pp. 62–71. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-62-71. (In Chin.).
4. *Yin Minbo, Yin Xiaoxu.* Jiaozhou, Qingdao: Institutional Innovation Promotes Quality Open Development of SCO Demonstration Zone. <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1673278514925186511> (accessed on 29.11. 2022). (In Chin.).
5. *Liu Huaqin, Wang Kaixuan.* Choosing Ways to Promote Regional Trade Development in the SCO // New Economic Guidelines. 2018. № 8. Pp. 34–38. (In Chin.).
6. General Construction Plan for China-SCO Local Economic and Trade Cooperation Demonstration Zone // Qingdao Ribao. October 29, 2019. (In Chin.).
7. *Meng Qingsheng.* Reflections on How to Optimize the Construction of China-SCO Local Economic and Trade Cooperation Demonstration Zone // Eurasian Economy. 2022. №. 3. Pp. 101–110, 126. (In Chin.).
8. *Gong Xinshu, Liu Qingyan.* Analysis of Constraints and Reasons for Economic Cooperation within SCO // Bulletin of Chongqing University of Technology and Business. 2009. № 5. Pp. 23–27. (In Chin.).
9. *Chen Junchao.* Reflections on Accelerating the Development of International Logistics Centers in the SCO Demonstration Zone. <https://mp.weixin.qq.com/s/chZ2lrVZzLi-8j9YS5HcMA> (accessed on 02.12. 2022). (In Chin.).

10. *Xu Yueqing, Zhai Naichao*. Study of Cross-Border E-Commerce Development in Shanghai Demonstration Zone with Regard to Customs // *China Customs*. 2022. No. 3. Pp. 76–78. (In Chin.).
11. *He Jiarong*. Challenges and Innovative Development of Cross-Border E-commerce in Our Country // *Bulletin of Liaoning Administrative Institute*. 2022. Issue 4. Pp. 60–64.
12. *Bernanke B.S., Rotemberg J.* (eds). *National Bureau of economic research (NBER) // Macroeconomics annual*. MIT Press. MA. 1997. No. 1. Pp. 73–102.
13. *Kalakota R., Whinston A.B.* *Electronic commerce: A manager's guide* // London: Addison Wesley Publishing. 1996. No. 3. Pp. 32–44.
14. *Du Yonghong*. Study on Measures to Counteract Industrial Agglomeration in Domestic Free Trade Zones Based on the Concept of Cross-Border E-Commerce as Part of One Belt, One Road Initiative // *Research in Technical Economics and Management*. 2020. No. 8. Pp. 123–128. (In Chin.).
15. *Freund C., Weinhold D.* The effect of the internet on international trade // *Journal of International Economics*. 2004. No. 62. Pp. 171–189.
16. *Lee Jaehwa*. Culture, Network and International Trade // *Journal of International Logistic and Trade*. 2015. No. 13. Pp. 21–31.
17. *Li Qiuzheng, Jiang Lijia, Pan Yan*. Dynamic Mechanism of Evolution and Innovation of Cross-border E-commerce Customs Control Ecosystem in our Country // *China Business and Market*. 2020. No. 5. Pp. 32–39. (In Chin.).
18. China News Network. Publication of press communiqué at the first meeting of prime ministers of Shanghai Cooperation Organization member countries // <https://www.chinanews.com/2001-09-15/26/122548.html> (accessed on 03.12.2022). (In Chin.).

Дата поступления рукописи: 01.03.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жэнь Яньян – помощник научного сотрудника, административный отдел канцелярии базы Китай-ШОС, Шанхай, Китай
renyanyan@shupl.edu.cn

Цай Сялю – магистрант международного права Шанхайского политико-юридического университета, Шанхай, Китай
ORCID: 0000-0002-2546-4309
csl896552351@126.com

ABOUT THE AUTHORS

Ren Yanyan – Assistant Researcher at the Administrative Department, China National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation, Shanghai, China
renyanyan@shupl.edu.cn

Cai Siliu – Master of International Law at Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China
ORCID: 0000-0002-2546-4309
csl896552351@126.com

CONSTRUCTION OF THE SCO REGIONAL CROSS-BORDER E-COMMERCE PLATFORM: TAKING THE PRACTICE OF THE CHINA-SCO LOCAL ECONOMIC COOPERATION DEMONSTRATION ZONE AS AN EXAMPLE

Cross-border e-commerce is an important channel for trade cooperation in the SCO region, and is of great importance for trade development and facilitation within the SCO. Currently a unified regional cross-border e-commerce platform has not yet been formed in the SCO region. There are certain logistical and transport shortcomings in the region, the level of industrial parks needs to be improved, the mechanism of customs supervision is still imperfect, and the lack of market regulation limits cross-border trade. Facilitation development factors impede the further development of cross-border e-commerce within the SCO. This article considers the development of cross-border e-commerce in the SCO Local Economic and Trade Cooperation Demonstration Zone as a starting point, study the development of cross-border e-commerce in the SCO region, analyze the problems that exist in this sphere, and finally relevant proposals to the SCO management to facilitate the regional cross-border e-commerce platform were developed.

Keywords: *SCO, trade facilitation, Local Economic and Trade Cooperation Demonstration Zone, cross-border e-commerce.*

JEL: F13, F15, F53.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

А.Б. СОКОЛОВ

младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СОГЛАШЕНИЕ О ЗАЩИТЕ И ПООЩРЕНИИ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Нарастание санкционного давления в отношении России и необходимость выполнения Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определяют актуальность поиска эффективных инструментов, стимулирующих достижение реального роста инвестиций в основной капитал не менее 25% ВВП. Одним из таких инструментов может выступать Соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), которое позволяет частному бизнесу стабилизировать условия ведения хозяйственной деятельности, что имеет важное значение, особенно в условиях роста неопределенности, когда прогнозируемость становится наиболее редким и востребованным ресурсом. Целью исследования является анализ инструмента стимулирования реализации инвестиционных проектов на территории России – СЗПК. Методологию исследования составляют сравнительный, системный и содержательный анализ. Основным результатом сводится к выводу о том, что несмотря на наличие определенных ограничений, СЗПК является потенциально эффективным инструментом поддержки реализации инвестиционных проектов частных компаний в условиях импортозамещения, содействует перезапуску инвестиционного цикла и привлечению «длинных» денег в реальный сектор национальной экономики.

Ключевые слова: соглашение о защите и поощрении капиталовложений, СЗПК, инвестиционные проекты, нефинансовые инструменты поддержки инвестиций и инноваций.

УДК: 338.2

EDN: ZZGKYS

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_189_210

Введение

В условиях новых санкций приоритетной задачей государственной экономической политики Российской Федерации становится преодоление высокой зависимости от импорта, значительная часть которого приходится на недружественные страны. По разным оценкам, речь идет о 50–56% от совокупного объема импорта [6; 12]. Вместе с тем в отдельных, как правило, наукоемких отраслях реального сектора, опирающихся на современные технологии, зависимость носит критический характер. Например, доля импортной продукции в станкостроении, авиастроении, радиоэлектронном комплексе, производстве компьютеров и вычислительной техники, медицине и фармацевтике в конечном потреблении варьируется в промежутке от 50 до 80%, тогда как в металлопродукции, бумажной и химической продукции, резиновых и пластмассовых изделиях данный уровень составляет около 30%–50%. На долю недружественных стран в указанных отраслях приходилось примерно 25–45% от импорта [10].

Следует учитывать, что зависимость от импорта присутствует не только в конечном, но и в промежуточном потреблении (средства производства, компоненты, комплектующие и т. д.), и составляет около 20–40%. При этом доля импорта из недружественных стран, например, в автомобилестроительной отрасли составила около 26%, в то время как в фармацевтической (лекарственной) – 22%. В свою очередь для ряда отраслей отечественной средне- и высокотехнологичной промышленности (допустим, электронной), существует дополнительный риск, связанный с тем, что высокая степень локализации производства может оказаться недостаточно эффективной, т. к. недостающие компоненты являются уникальными и не всегда могут быть заменены на альтернативную продукцию¹ [2; 10].

Преодоление зависимости от импорта – это без преувеличения основополагающая задача, в том числе и потому, что угроза национальной экономической и технологической безопасности уже возникает при доле импорта какого-либо стратегически важного товара во внутреннем потреблении выше 25% [1, с. 90]. Решение задачи обуславливает необходимость перезапуска инвестиционного цикла на основе внутренних источников роста, а значит предполагает увеличение доли конкурентоспособных, инновационно активных средних и крупных компаний нефинансового неэнергетического сектора, что невозможно сделать без наращивания капитальных вложения, объем которых объ-

¹ Ткачев И. Пять отраслей, в которых будет сложнее всего заместить импорт // РБК. 22.07.2022. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62cee0039a7947a572ab50c1> (дата обращения: 03.11.2022).

активно недостаточен. Так, на конец 2021 г. доля инвестиций в основной капитал в ВВП России составила лишь 19,7% – это самый низкий уровень за последние 10 лет (2011 г. – 20,7%; 2013 г. – 21,4%; 2015 г. – 20%; 2017 г. – 21,4%; 2019 г. – 20,4%; 2020 г. – 21,5%), и произошло это, несмотря на увеличение с 33% до 41%² доли бюджетных источников в общей структуре привлеченных средств в 2011–2021 гг.

Тем не менее расширение инвестиционной и инновационной активности в средне- и долгосрочной перспективе исключительно за счет наращивания бюджетных средств представляется недостижимым и нецелесообразным, особенно в контексте необходимости обеспечения реального роста инвестиций в основной капитал не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г. (около 25% ВВП)³. Следовательно, приоритет сдвигается в сторону стимулирования притока инвестиций из частных источников, что подтверждается, в частности, действиями органов государственной власти, которые с 2014 г. и по настоящее время укрепляли систему инструментов государственной поддержки отечественных компаний реального сектора, в т. ч. активно поощряя реализацию проектов в области импортозамещения. Менее чем за десять лет были приняты Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» и ряд других стратегических отраслевых документов; организованы и (или) трансформированы институты развития, среди которых Фонд развития промышленности, Международный фонд технологического развития, VEB Ventures, Российский фонд развития информационных технологий; запущены и (или) доработаны инструменты нефинансовой поддержки, например, специальные инвестиционные контракты.

Среди вышеупомянутых изменений, по мнению автора, следует подробнее остановиться на инструментах нефинансовой поддержки, поскольку они (инструменты) направлены на аккумуляцию ресурсного потенциала предпринимателей и укрепление инвестиционно активной институциональной среды. В частности, имеются в виду инструменты поддержки регуляторного характера, значимость которых увеличивается, т. к. нарастание неопределенности приводит к тому, что прогнозируемость становится наиболее редким и востребованным ресурсом, а указанные инструменты позволяют гарантировать частному сектору неизменность условий ведения хозяйственной деятельности.

² Составлено автором по: Rosstat.gov.ru (по состоянию на 03.11.2022). https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial.

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

В связи с этим в качестве инструмента поддержки частного бизнеса актуально исследовать «Соглашение о защите и поощрении капиталовложений» (далее – СЗПК), представляющее собой договор между бизнесом и государством, в соответствии с которым одна сторона обязуется осуществить капиталовложения в рамках нового инвестиционного проекта на территории России, а другая – обеспечить стабильность правового режима на время его (проекта) реализации.

Анализ особенностей, свойств и характеристик, а также оценка эффективности и потенциал практического применения СЗПК находит отражение в работах целого ряда исследователей [7; 8; 11; 13], которые способствовали возрастанию интереса к инструменту Соглашений. В то же время наибольшую актуальность, а значит и необходимость в более детальном рассмотрении, СЗПК приобрел именно на настоящем этапе в связи с тем, что этому инструменту государством отводится одна из ключевых ролей в вопросе перезапуска инвестиционного цикла и привлечения «длинных» денег в экономику⁴. Вместе с тем он (инструмент) отвечает интересам частных компаний, т. к. формирует специальный преференциальный регуляторный режим, предоставляет определенные меры поддержки. При этом он не требует длительной адаптации со стороны бенефициаров, так как применяется уже с момента вступления в силу 01.04.2020 г. Федерального закона № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». Это особенно важно подчеркнуть, поскольку регуляторным инструментам необходимо время для апробации из-за специфичности российского законодательства и правоприменительной практики.

Разработка законопроекта о защите и поощрении капиталовложений

Решение разработать соответствующий законопроект возникло в правительстве России в 2018 г. и было вызвано потребностью частного бизнеса в стабильности долгосрочных условий инвестирования, включая неизменность мер регуляторного воздействия⁵. В частности, несмотря на действие Федерального закона №39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 г., устанавливавшего, что права

⁴ Правительство Российской Федерации: официальный сайт. 2022. <http://government.ru/docs/46511/> (дата обращения: 27.12.2022).

⁵ Аналитический доклад Уполномоченного при президенте России по защите прав предпринимателей «Книга жалоб и предложений российского бизнеса». 2018. <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2018/pdf/3.pdf> (дата обращения: 17.11.2022).

субъектов инвестиционной деятельности, с которыми заключаются государственные контракты, являются стабильными и сохраняют свою силу на весь срок их действия, к сожалению, права инвесторов не всегда соблюдались, а это особенно важно, когда речь идет о реализации средних и крупных проектов с горизонтом планирования свыше пяти лет.

Важно понимать, что потребность предпринимателей совпала с инициацией президентом России в 2018 г. национальных проектов федерального масштаба на период 2019–2024 гг., определивших необходимость привлечения внебюджетных средств в экономику страны, а именно нарастить объем инвестиций в основной капитал в пределах 8 трлн руб.⁶, что требовалось для обеспечения модификации существующих и (или) для формирования новых инструментов государственной поддержки частного сектора.

В подобных условиях органы власти предприняли попытку разработать законопроект о защите и поощрении капиталовложений, вводящий специальный инвестиционный режим для компаний. Подобный режим предполагал введение обязательств со стороны государства о неприменении в отношении организаций, реализующих инвестиционные проекты, актов (решений), ухудшавших условия ведения предпринимательской деятельности, а компании получали право требовать неиспользование таких актов от публично-правовых образований. Соответствующий законопроект был подготовлен в короткие сроки и представлен в 2018 г., однако его дальнейшее продвижение было приостановлено ввиду отсутствия единства по выдвинутой инициативе в органах исполнительной власти [5, с. 156]. В результате обсуждений в течение 2018–2019 гг. было сформулировано несколько вариантов законопроекта (см. табл. 1).

Важно учитывать, что сложность разработки законопроекта была вызвана в том числе и тем, что в мировой практике полностью аналогичных решений не существовало, поскольку речь идет об использовании стабилизационной составляющей во внутренних национальных соглашениях. Даже опыт США времен «Великой депрессии», касающийся кодексов честной (справедливой) конкуренции, не мог быть использован в качестве полноценного аналога [9, с. 52–53].

⁶ Ткачев И., Бурмистрова С. Как Минфин собирается привлечь 8 трлн руб. инвестиций // РБК. 31.08.2018. <https://www.rbc.ru/economics/31/08/2018/5b881ef79a7947f3579a2261> (дата обращения: 03.12.2022).

Ключевые характеристики базового и альтернативного вариантов законопроектов о защите и поощрении капиталовложений

Характеристика	Базовый вариант	Альтернативный вариант
Ключевая направленность	Гарантия сохранения центральных аспектов законодательства, которые влияют на инвестиции и капиталовложение	Обеспечение прозрачности при предоставлении государственной поддержки (государственные контракты нельзя относить к коммерческой тайне). Поддержка инвестора, как предполагается, заключается в том, что через суд возможно регуляторное или квазирегуляторное изменение (например, размера налогов, тарифов, сроков создания инфраструктуры) признать «реальным ущербом» инвестора
Принцип неизменности законодательства	Применяется по отношению к налоговому режиму	Используется как по отношению к налоговому режиму, так и к срокам создания инфраструктуры, заложенным в программах естественных монополий
Расширение терминологического аппарата	Значительное. Вводятся определения, например, «стабилизационная оговорка»	Практически отсутствует. Законопроект опирается на уже ранее апробированные юридические конструкции в сфере инвестиционной поддержки.
Порог вхождения	10 млрд руб.	15 млрд руб.
Срок реализации	До 20 лет	До 10 лет
Сложность прохождения экспертизы проверки проекта	Средняя. Предусмотрен только аудит бизнес-плана	Высокая. Применяется комплексная процедура отбора с учетом проверки финансово-экономического обоснования и оценки правительством целесообразности затрат

Источник: составлено автором по: открытые источники – общая информация о процессе подготовки СЗПК. Правительство России: официальный сайт. <http://government.ru/docs/> (дата обращения: 09.09.2022).

Приведенные в таблице характеристики свидетельствуют, что оба варианта представляли собой серьезное продвижение в части управления регуляторными рисками при ведении инвестиционной деятельности, в том числе при осуществлении вложений в проекты иннова-

ционной направленности. Между тем альтернативный законопроект был ориентирован на обеспечение прозрачности, характеризовался высоким порогом вхождения, меньшим сроком реализации проектов и в значительной степени опирался на уже выработанные практики в области инвестиционной поддержки. В свою очередь базовый вариант был более гибким по отношению к инвесторам, в частности, за счет меньшей степени сложности процедуры оценки, и при этом отличался избирательностью, так как заключение Соглашений предполагалось в рамках индивидуального проектного режима.

Таким образом, к концу 2019 г. удалось сформировать компромиссный вариант⁷, закрепивший, что между частной организацией, реализующей инвестиционный проект, а также одним или несколькими публично-правовыми образованиями могло быть заключено соглашение о защите и поощрении капиталовложений, в соответствии с которым публичная сторона гарантировала частной неприменение актов, ухудшавших реализацию инициативы.

Анализ первой модели СЗПК

В рамках исходной модели СЗПК⁸ в качестве публично-правового образования выступал субъект России, при этом допускалось участие Российской Федерации (федеральный уровень) и (или) муниципального образования. Инициировали заключение Соглашений как частные субъекты, так и органы государственной власти, а каждое публично-правовое образование самостоятельно отвечало за неприменение актов (решений) в рамках соответствующей зоны влияния. Организацией, осуществляющей проект, должно было быть российское юридическое лицо, а предметом Соглашения выступала реализация «нового» инвестиционного проекта в одной из отраслей реального сектора экономики.

В свою очередь центральное место при проведении анализа инструмента СЗПК занимает стабилизационная оговорка, гарантировавшая неприменение в течение определенного срока актов (решений), ухудшавших условия ведения хозяйственной деятельности. Оговорка предоставлялась инвесторам с учетом инвестиционного порога и отраслевой сегментации [3]. Максимальный уровень капиталовложений не огра-

⁷ Речь идет о Федеральном законе №69-ФЗ от 01 апреля 2020 г. «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» в редакции от 1 апреля 2020 г. (дата обращения: 13.11.2022).

⁸ В дальнейшем при анализе первой модели СЗПК в качестве источника выступает Федеральный закон № 69-ФЗ от 01 апреля 2020 г. (ред. 01.04.2020 г.) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (дата обращения: 13.11.2022).

ничивался, а объем в размере не менее 10 млрд руб. обеспечивал стабилизацию дополнительных актов (решений). Вместе с тем стабилизация законодательства в сфере налогообложения зависела от публично-правовых субъектов, выступавших сторонами Соглашения, а также проводилась с учетом некоторых особенностей, например оговорка не распространялась на вновь вводимые налоги и сборы в том случае, если их введение происходило взамен отмененного платежа, имевшего схожий объект обложения⁹. В целом срок применения стабилизационной оговорки зависел от размера капиталовложений¹⁰, при возможности его однократного продления на шесть лет. При этом акты (решения) об изменении законодательства о налогах и сборах, мер государственной поддержки и ставок вывозных таможенных пошлин не применялись в течение всего срока СЗПК, тогда как оговорка в отношении других актов (решений) действовала в течение трех лет.

Кроме того, в качестве дополнительного поощрения СЗПК предоставлял инвесторам доступ к государственной поддержке в виде субсидии на возмещение затрат на создание, модернизацию и (или) реконструкцию объектов обеспечивающей и (или) сопутствующей инфраструктуры, необходимой для его реализации¹¹. Под обеспечивающей понималась инфраструктура, направленная на обслуживание исключительно инвестиционного проекта, тогда как сопутствующая инфраструктура могла использоваться как для целей проекта, так и для других целей. Важно учитывать, что предельный объем возмещения не превышал 50% (100%) понесенных затрат для объектов обеспечивающей (сопутствующей) инфраструктуры, а срок составлял 5 и 10 лет соответственно и при этом мог быть увеличен на 1 год в случае привлечения к деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства¹².

⁹ Федеральный закон № 70-ФЗ от 1 апреля 2020 г. «О внесении изменения в статью 5 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (дата обращения: 13.11.2022).

¹⁰ При объеме инвестиций меньше 5 млрд руб. максимальная длительность составляла 6 лет, от 5 до 10 млрд руб. – 15 лет, 10 млрд руб. и выше – 20 лет.

¹¹ В том числе на уплату процентов по кредитам и займам, купонного дохода по облигационным займам.

¹² Постановление Правительства РФ от 3 октября 2020 г. №1599 (ред. 03.10.2022 г.) «О порядке предоставления из федерального бюджета субсидий юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений, государственных (муниципальных) предприятий) на возмещение затрат на создание (строительство), модернизацию и (или) реконструкцию обеспечивающей и (или) сопутствующей инфраструктур, необходимых для реализации инвестиционного проекта, в отношении которого заключено соглашение о защите и поощрении капиталовложений, а также затрат на уплату процентов по кредитам и займам, купонных платежей по облигационным займам, привлеченным на указанные цели, и определения объема возмещения указанных затрат» (дата обращения: 13.11.2022).

Безусловно, введение механизма компенсации расходов означало стимулирование инвестиций не только частных, но и государственных. Тем не менее с учетом областей реализации проектов и размера капиталовложений, требуемого для заключения Соглашений, доля частных и государственных инвестиций вряд ли сопоставимы. Например, в интересах стабилизации актов (решений) для реализации проектов в сфере обрабатывающего производства объем составлял не менее 1,5 млрд руб., а на практике многие инвестиционные проекты превышали уровень вложений в 10 млрд руб. В этом контексте компенсация затрат, по мнению автора, скорее была направлена на снижение издержек для частного бизнеса, связанных с осуществлением неосновного вида деятельности, особенно когда речь шла об объектах социальной инфраструктуры. В то же время получение субсидии требовало соблюдения определенной методики расчета и привлечения специальных экспертных организаций для проведения аудита, в связи с чем осуществить завышение издержек для переложения бремени на государство было достаточно затруднительно.

В процессе заключения контракта помимо стандартной конкурсной процедуры (в случае публичной проектной инициативы) предусматривалось, что Соглашение возможно было заключить в заявительном порядке (частная проектная инициатива), а значит публично-правовой субъект не обладал возможностью отказать в заключении¹³. Кроме того, соглашения первоначально допускалось заключать в бумажной форме, а электронный вариант предполагалось использовать с 01.04.2021 г., после запуска государственной информационной системы (далее – ГИС) «Капиталовложения». Следует отметить, что независимо от формального запуска инструмента в действительности инвесторы не могли заключить СЗПК до передачи функций проектного офиса к АНО «Агентство инвестиционного развития», деятельность которого была направлена на сопровождение процессов заключения Соглашений¹⁴.

Таким образом, применение СЗПК продолжалось около шести месяцев (с 01.10.2020 г. до 01.04.2021 г.), и за этот сравнительно небольшой период инструмент доказал эффективность в части привлечения «длинных денег» в реальный сектор экономики. В частности, было подписано 36 соглашений, предполагавших создание 32 тыс. новых рабо-

¹³ Важно учитывать, что стороной инструмента строго определялась Российская Федерация, а муниципальное образование не выступало в этом качестве на свободной основе.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 01.10.2020 г. №1577 «Об утверждении Правил заключения, изменения, прекращения действия соглашений о защите и поощрении капиталовложений, ведения реестра соглашений о защите и поощрении капиталовложений» (дата обращения: 14.11.2022).

чих мест с объемом капиталовложений более 1,3 трлн руб. При этом, несмотря на потенциально значительный отраслевой охват, основными пользователями СЗПК – получателями поддержки, стали организации промышленного сектора, инвестировавшие свыше 700 млрд руб. (больше 50% от валового объема), например, на реализацию средне- и высокотехнологичных проектов по созданию нового производства вакцин (АО «Р-Фарм», 9 млрд руб.), по производству аммиака и карбамида в Кингисеппе (ООО «ЕвроХим Северо-Запад-2», 131 млрд руб.), по формированию комплекса по производству метанола в размере 1 млн т в год с объемом несырьевого экспорта в размере 500 млрд руб. (АО «Технолизинг», 55 млрд руб.)¹⁵[7].

Тем не менее, несмотря на достигнутые результаты, начиная с 02.04.2021 г. СЗПК перестали заключаться, что было связано в первую очередь с тем, что Постановление Правительства РФ № 1577¹⁶ утратило силу, Как следствие, АНО «Агентство инвестиционного развития» перестало получать финансирование и выполнять возложенные функции проектного офиса, тогда как ГИС «Капиталовложения» так и не была разработана.

Трансформация инструмента СЗПК: промежуточная и вторая модели

Ситуация, сложившаяся вокруг уполномоченной организации, которая обеспечивала не только процесс заключения СЗПК, но осуществляла поиск, отбор и экспертизу проектов при отсутствии разработанной ГИС «Капиталовложения» требовала скорейшего разрешения, поскольку не позволяла бизнесу в полной мере использовать инструмент Соглашений. Особенно это было важно с учетом формирования обновленных планов правительства страны по заключению к концу 2021 г. 100 СЗПК на сумму 2 трлн руб., а к 2024 г. – 600 СЗПК на 12,6 трлн руб., что обуславливало внесение корректировок в работу инструмента, как минимум посредством расширения числа компаний – получателей поддержки.

С другой стороны, необходимо было найти способ снизить риск, связанный с заявительным характером порядка подписания Соглашений, который вместе с возможностью компенсировать расходы

¹⁵ Бойко А., Агеева О. Соглашения о защите и поощрении капиталовложений временно не заключаются // Ведомости. 29.08.2021. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/08/29/884216-soglasheniya-zaschite> (дата обращения: 01.12.2022).

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 01.10.2020 г. №1577 «Об утверждении Правил заключения, изменения, прекращения действия соглашений о защите и поощрении капиталовложений, ведения реестра соглашений о защите и поощрении капиталовложений» (дата обращения: 14.11.2022).

на инфраструктуру создавал нерегулируемый поток обязательных к заключению заявок со стороны частного сектора. Это приводило к возникновению обязательств со стороны государственного бюджета. При этом особое внимание следует акцентировать на том, что формально была допущена возможность возместить затраты на объект инфраструктуры, создание которого являлось основной целью инвестиционного проекта. По мнению автора, подобная недоработка не соответствовала назначению инструмента и потенциально приводила к риску формирования расходов бюджета, исчисляемых десятками и даже сотнями миллиардов рублей, особенно в рамках инвестиционных проектов, сопряженных с созданием аэровокзалов (терминалов) или транспортно-логистических центров.

В связи с описанными выше и другими причинами 02.07.2021 г. были внесены изменения в Федеральный закон № 69-ФЗ от 01 апреля 2020 г. «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», которые ознаменовали переход от первой к промежуточной модели инструмента¹⁷. Анализ промежуточной модели СЗПК показывает, что в сравнении с первой формой СЗПК, для частных организаций снижались инвестиционные пороги вхождения, а также увеличивался срок действия стабилизационной оговорки для проектов в области здравоохранения, сельского хозяйства и образования. Расширялись виды возмещаемых расходов посредством добавления возможности вернуть затраты на демонтаж объектов, расположенных на территории военных городков, на уплату процентов по займам и купонов по облигациям, которые перечисляются в связи с финансированием создания инфраструктуры¹⁸, а также на уплату процентов по займам и купонов по облигациям, уплаченных на инвестиционной стадии, на строительство или реконструкцию объектов недвижимости, создание результатов интеллектуальной деятельности и (или) приравненных к ним средств индивидуализации. Более того, появлялась возможность вернуть до 20% затрат на НИОКР, что стало особенно значимым нововведением с точки зрения развития средне- и высокотехнологичных проектов. Между тем с момента внесения поправок инструмент не допускал возмещения затрат на объект инфраструктуры, создание которого являлось основной целью инвестиционного

¹⁷ В дальнейшем при анализе промежуточной модели СЗПК в качестве источника выступает Федеральный закон № 69-ФЗ от 1 апреля 2020 г. (ред. 02.07.2021 г.) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (дата обращения: 17.12.2022).

¹⁸ Последнее было установлено Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.10.2020 г. № 1599, но позднее было закреплено в основном Федеральном законе № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации».

проекта. В свою очередь вводилась секьюритизация – право участника СЗПК осуществлять эмиссию облигаций с залоговым обеспечением в виде денежных средств, которые поступали бы в будущем в качестве меры поддержки, что увеличивало инструментарий финансирования проектов. Вместе с тем в качестве альтернативы субсидированию механизм компенсации затрат был дополнен возможностью применения налогового вычета по прямым налогам с учетом некоторых оговорок¹⁹, а порядок компенсации расходов стал близок к инструменту корпоративных программ повышения конкурентоспособности. Как следствие, на практике со стороны бизнеса не надо было ожидать долгой адаптации. Таким образом, модель характеризовалась значительной эластичностью, открывала возможность к привлечению большего числа получателей поддержки, что стимулировало бы приток внебюджетных инвестиций.

Вместе с тем нельзя не упоминать о том, что в III кв. 2021 г. была предпринята попытка отдельно разработать условия заключения, изменения, прекращения действия СЗПК, а также ведения реестра Соглашений. Значение подобных условий сложно было переоценить, поскольку именно они позволили бы установить порядок использования и потенциально обеспечили бы применение модели на практике. Более того, условия уточнили бы вопрос, связанный с уполномоченными организациями, в качестве которых было определено использовать корпорацию ВЭБ.РФ и кредитные организации, что открыло бы для последних перспективный сегмент кооперации с компаниями реального сектора. Кроме того, предлагалось сохранить «бумажный» компонент до запуска ГИС «Капиталовложения» и формализовать возможность отражения в СЗПК изменений, связанных с колебаниями курса национальной валюты и ключевой ставки Банка России. В свою очередь было инициировано увеличение реального списка участников СЗПК посредством присоединившихся муниципалитетов²⁰, подписав специальное дополнительное соглашение.

Содержательный анализ условий демонстрирует, что они (условия) позволили бы возобновить работу с Соглашениями. Однако, несмотря на объективную потребность, согласование обычно затягивалось в профильных органах власти. Как следствие, применять инструмент оказалось невозможно, невзирая на принятие изменений в базовом законе и переход к промежуточной модели инструмента. Нежелание прини-

¹⁹ Сумма вычета совместно с объемом поддержки не превышала размера понесенных затрат, а вычет по земельному налогу применялся в случае участия муниципального образования.

²⁰ Ранее Правительство не устанавливало возможность добровольного участия муниципалитетов.

мать условия было обусловлено опасением государства о возможном возникновении нерегулируемого потока Соглашений в связи с сохранением заявительного порядка подписания, что означало сохранение обязательств, ограничивающих проведение фискальных маневров и обуславливающих компенсации капиталовложений в инфраструктуру. De facto это означало, что внесенные в закон изменения оказались недостаточными, модель продолжала сохранять высокий уровень рисков с точки зрения государства.

В то же время менялась экономическая ситуация, появлялись новые вызовы и угрозы: в частности, происходил глобальный энергетический переход, зарождались инициативы по достижению углеродной нейтральности. Следовательно, возникал вопрос о стимулах для частных компаний по внедрению наилучших доступных технологий, что совместно с усилившимся в 2022 г. санкционным давлением в отношении России приводило к усилению запроса на перезапуск инвестиционного цикла и скорейшее возобновление использования зонтичного инструмента. В результате к 2022 г. правительству страны удалось донастроить СЗПК, запустить ГИС «Капиталовложения» и утвердить новый порядок заключения Соглашений и ведения реестра Проектов. Таким образом, была трансформирована промежуточная и реализована вторая (текущая) модель Соглашений²¹. Тем самым инструмент стал доступен для бизнеса, который с момента приостановки СЗПК в апреле 2021 г. направил более 70 заявок на инвестиционные проекты в объеме около 1,6 трлн руб.

Вторая модель СЗПК в сравнении с промежуточной увеличила требования в части объема капиталовложений, при этом инвесторам было предоставлено право использовать не только собственные, но и заемные средства. Подобное новшество позволило снизить стоимость проекта²². Среди прочего, при переходе к текущей модели Соглашений было определено, что 100% затрат на создание инфраструктуры будут компенсированы в случае передачи объектов в собственность государства или регулируемой организации, а перечень объектов инфраструктуры, затраты в отношении которых подлежат возмещению, был ограничен. Важно учитывать, что была сохранена необходимость получения подтверждения целесообразности затрат с помощью проведения экспертной организацией технологического и ценового аудита. Вследствие этого потенциальная возможность

²¹ В дальнейшем при анализе второй модели СЗПК в качестве источника выступает Федеральный закон № 69-ФЗ от 1 апреля 2020 г. (ред. 28.06.2022 г.) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (дата обращения: 17.11.2022).

²² Стоимость акционерного капитала, как правило, больше долгового.

завышения расходов бизнесом в интересах получения большего объема поддержки оставалась невысокой.

Вместе с тем закон стимулирует сотрудничество компаний в области инвестиций: если объект инфраструктуры создается несколькими участниками СЗПК, то они (участники) могут заключить соглашение о распределении затрат, в котором указывают создаваемые объекты и затраты каждого из инвесторов, а государство компенсирует затраты каждому из них (инвесторам) в соответствующей доле. Следует отметить, что особые правила были закреплены в отношении инвестиционных проектов, основным объектом которых выступают объекты инфраструктуры. Так, если объект формирует 80% и более проектной выручки, то расходы на такого рода инфраструктуру и соответствующие проценты не подлежат возмещению. Безусловно, это значимый аспект, поскольку он (аспект) соответствовал целевой направленности инструмента и был принципиально важен для уменьшения рисков государственного бюджета. Кроме того, из числа возмещаемых были исключены затраты на НИОКР, что представляется негативным аспектом, т. к. уменьшался стимул применять инструмент инновационно активными средне- и высокотехнологичными компаниями, реализующими проекты в наиболее зависимых от импорта отраслях.

Усиливалось влияние субъектов страны на инвестиционную политику посредством предоставления права вето и новых полномочий, что позволяло компенсировать в том числе и бюджетные риски, связанные с возникновением затрат. Была утверждена необходимость получения экспертного заключения для проектов, связанных с реконструкцией и (или) модернизацией объектов. Кроме того, в интересах компаний был введен механизм налогового вычета, снижавший объем налогообложения, а также возникало обязательство по переходу в течение 3 лет на налоговый контроль в форме налогового мониторинга, что снижало число камеральных налоговых проверок с учетом сохранения контроля со стороны государства. Из перечня «стабилизационных» были исключены акты (решения), регулирующие взимание ряда сборов и акцизов, а также возможность возместить затраты по транспортному налогу²³.

В целом следует заключить, что, несмотря на нарастание требований в отношении объема инвестиций, необходимость согласовывать проекты с регионами и дополнительной экспертизы, а также уменьшение поддержки в части возмещаемых затрат, текущая модель СЗПК сформирована с учетом позиций и интересов как частного бизнеса,

²³ Федеральный закон от 28 июня 2022 года №225-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (дата обращения: 23.12.2022).

так и государства, а первой организацией, заключившей Соглашение, стала компания «Промышленные технологии», реализующая проект по производству метанола в Волгоградской области с объемом инвестиций в размере 74 млрд руб.²⁴

Сравнительный анализ стабилизационных форм поддержки

Действующая модель СЗПК была принята в 2020 г., однако до середины 2022 г. бизнесом практически не применялась. В этот период бизнес в большей степени опирался на нефинансовые инструменты в сфере стимулирования инвестиционной и инновационной активности. Важно понимать, что альтернативы должны были, с одной стороны, обеспечить стабильность условий ведения хозяйственной деятельности вне зависимости от максимального объема вложений, а с другой – не характеризоваться ярко выраженной пространственной направленностью. Подобным инструментом выступил специальный инвестиционный контракт, в общем случае представляющий собой соглашение между инвестором и государством, в котором зафиксированы обязательства сторон при реализации инвестиционного проекта. На текущий момент инструмент поддержки применяется в виде двух моделей: СПИК и СПИК 2.0²⁵. Таким образом, исследование СЗПК обуславливает проведение сравнительного анализа указанных инструментов (см. табл. 2).

Сравнительный анализ позволяет заметить, что СЗПК обладает значимым преимуществом посредством значительного отраслевого покрытия, охватывая практически все отрасли реального сектора экономики за исключением некоторых, например, добычи сырой нефти и природного газа, игорного бизнеса и (или) производства табачных изделий, жидкого топлива²⁶, что при реализации средне- и высокотехнологичных проектов может стать определяющим. В частности, СПИК 2.0 – это, вне всякого сомнения, стабилизационный инструмент

²⁴ Павленко О. Минэкономики заключило первое соглашение о защите и поощрении капиталовложений почти за два года // Коммерсантъ. 05.12.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5706155> (дата обращения: 10.12.2022).

²⁵ Федеральный закон № 488-ФЗ от 31 декабря 2014 г. «О промышленной политике в Российской Федерации» (дата обращения: 19.11.2022).

²⁶ Полный список сфер экономики, в которых не может быть заключен СЗПК: игорный бизнес; производство табачных изделий, алкогольной продукции, жидкого топлива; добыча сырой нефти и природного газа, в том числе попутного нефтяного газа; оптовая торговля; деятельность финансовых организаций; создание / реконструкция / модернизация административно деловых центров и торговых центров, многоквартирных домов и жилых домов.

поддержки инновационной деятельности, но предполагающий организацию серийного производства именно промышленной продукции (фокус на производственные отрасли), с сохранением сложной процедуры экспертизы и отбора проектов, а также необходимости достижения определенного уровня локализации. Это означает, что в СПИК 2.0 сохраняется возможность отсекаания новых инвестиционных проектов, реализация которых не предусматривает внедрение технологии из конкретного перечня. В этом контексте компании могли прибегнуть к использованию первой модели СПИК, однако инструмент функционировал с 2015 до 2019 г. и был вновь введен в эксплуатацию только в конце I кв. 2022 г. без корректировок в части отраслевого покрытия. Следовательно, несмотря на то, что первая модель СПИК остается на настоящем этапе доступнее в части заключения, уполномоченными органами продолжают выступать Министерство промышленности и торговли и Министерство энергетики. Если инвестиционный проект связан с другими отраслями реального сектора, то основным источником стабилизации условий выступает именно СЗПК. Так, подобное положение дел превращает СЗПК в зонтичный инструмент поддержки для организаций, осуществляющих крупные инвестиционные проекты, например, в области информационных технологий, строительства, здравоохранения, транспорта и логистики, а также в рамках проектов по цифровизации различных направлений. При этом именно компании данных секторов, как показывают исследования²⁷, активно наращивают расходы на НИОКР и, как следствие, сильнее продуцируют инновации.

В свою очередь инструмент Соглашений характеризуется большей гибкостью в части принципов, сроков и порядка заключения в сравнении с инструментом СПИК'ов. Так, первая модель сохраняет «бумажный» компонент при строгом сроке заключения до 10 лет, тогда как СПИК 2.0, несмотря на преимущество в виде ГИС, требует прохождения многоступенчатого конкурсного отбора с учетом только двух вариантов в части сроков (до 15/20 лет). С этой точки зрения СЗПК предполагает меньше барьеров для бизнеса при сохранении вариативности и прозрачности.

Среди прочего меры поддержки в рамках инструментов близки в отношении стабилизации регуляторных условий, несмотря на свойственную СЗПК большую конкретизацию актов (решений), однако в остальном значительно различаются. В частности, СЗПК позволяет компенсировать расходы в части инфраструктурных объектов, а СПИК'и предполагают в т. ч. льготы по налогу на прибыль. Вместе

²⁷ Доклад Всемирной организации интеллектуальной собственности «Глобальный инновационный индекс 2021, 14-е издание». 2021. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 26.11.2022).

с тем разница в мерах поддержки, при сохранении ценности обоих инструментов, нивелируется возможностью одновременного использования, что демонстрирует изначальную их (инструментов) комплементарность и особенно значимо для целей реализации крупных технологических проектов на длительную перспективу, например, в области транспортного машиностроения (авиа-, судостроение и т. д.), которые обуславливают развитие инфраструктуры, связанной с проектом.

Таблица 2

Организационные характеристики, условия заключения и требования реализации контрактных форм

Критерий	СЗПК	СПИК	СПИК 2.0
Цель	Стимулирование вложений в реализацию на территории страны проектов в нефинансовом секторе	Стимулирование создания либо модернизации и (или) освоения производства промышленной продукции	Поддержка освоения серийного производства промышленной продукции на основе современной технологии
Принцип заключения	Публичная (конкурсный отбор) / частная инициатива в зависимости от инициатора	Заявительный порядок	Конкурсный отбор на основе перечня современных технологий
Отраслевая специфика	Реальный сектор с некоторыми отраслевыми ограничениями	Исключительно производственные (в первую очередь промышленность)	
Стороны контракта	Инвестор; Российская Федерация субъект России; муниципальное образование	Инвестор; Российская Федерация; субъект страны; муниципальное образование; привлеченные лица	Инвестор; Российская Федерация; субъект страны; муниципальное образование
Участие региона	Существование отдельных федеральных и региональных соглашений/ контрактов	Единый механизм работы	
Порог заключения	Зависит от отрасли. Так, для обрабатывающего производства объем составляет 4,5 млрд руб.	В размере 750 млн руб.	Отсутствует
Порядок заключения	Посредством информационной системы «Капиталовложения»	Напрямую через ФОИВ	Посредством ГИС «Промышленность»

Критерий	СЗПК	СПИК	СПИК 2.0
Срок инструмента	До 6 или 10 лет в зависимости от отрасли – объем инвестиций ≤ 10 млрд руб.; до 15 лет – от 10–15 млрд руб.; до 20 лет – больше 15 млрд руб.	До 10 лет	До 15 лет (объем инвестиций ≤ 50 млрд руб.) или до 20 лет (объем инвестиций > 50 млрд руб.)
Меры поддержки	Стабилизация регуляторной среды (земельных, налоговых, экологических и др. актов); возмещение расходов на инфраструктуру, в т. ч. на уплату в этой части процентов по кредитам и займам, купонного дохода по облигациям, на демонтаж объектов в военных городках	Неизменность условий ведения хозяйственной деятельности; налоговые льготы; субсидиарные меры и особый статус «сделано в России»; ускоренная амортизация; упрощенный доступ к государственному заказу (статус единственного поставщика); Льготные условия аренды земельных участков и создание объектов инфраструктуры	

Источник: составлено автором по: Федеральный закон № 69-ФЗ от 1 апреля 2020 г. «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»; Федерального закона № 488-ФЗ от 31 декабря 2014 г. «О промышленной политике в Российской Федерации» (дата обращения: 17.11.2022).

Выводы

Таким образом, СЗПК является потенциально эффективным нефинансовым регуляторным инструментом поддержки, стимулирующим приток частных капиталовложений в новые инвестиционные и инновационные проекты в реальном секторе экономики России. Инструмент направлен на достижение цели перезапуска инвестиционного цикла и поддержания частного бизнеса. Среди основных преимуществ инструмента следует выделить стабилизацию условий ведения хозяйственной деятельности, а также возможность компенсировать затраты, связанные с инфраструктурой.

В то же время нельзя не упомянуть о наличии ряда факторов, ограничивающих использование Соглашений: например, концентрация

инструмента в первую очередь на поддержке крупнейших инвестиционных проектов, что создает приоритетное положение и повышает конкурентоспособность конкретных компаний, обладающих существенными ресурсами и без использования инструмента; наличие меры поддержки в части компенсации затрат становится обязательством для государственного бюджета, что значимо в контексте размеров проектов и существующих бюджетных ограничений; фрагментарное внимание средне- и высокотехнологичным направлениям и секторам с учетом потребности в импортозамещении, в том числе не подпадающих под действие других инструментов. Последнее особенно важно с учетом инерционности крупных корпораций, не внедряющих новую технику до того периода времени, пока не исчерпан потенциал действующей, у которых, как следствие, не возникает стимул для внедрения радикальных новых технологий и осуществления инноваций. Это критически значимо в условиях технологических санкций, происходящего формирования базиса шестого технологического уклада с контурами в виде нано-, биоинженерных, клеточных, цифровых технологий и ИКТ с учетом характерных для них свойств сопряженности развития и взаимного проникновения, вызванного общей основой (наноуровень и применение новых материалов) [4].

В связи с этими и другими обстоятельствами, в той же мере, как и инструмент СПИК 2.0, инструмент Соглашений следовало бы активнее распространять и использовать в деле поддержки современных технологических и инновационных проектов, тем более что практика такого применения уже наработана. Как следствие, СЗПК мог бы быть укреплен посредством:

а) возврата возможности компенсации затрат в части расходов на НИОКР и повышения такого уровня до 50%;

б) создания отдельной категории для высокотехнологичных проектов с объемом капиталовложений от 750 млн руб. при стабилизации законодательства на срок до 10 лет в целях укрепления инновационных средних компаний, являющихся сегодня критически недофинансированными²⁸. В свою очередь для стабилизации актов (решений) в части таможенного, экологического, водного и лесного законодательства требуемый объем капиталовложений должен составлять не менее 5 млрд руб. Вместе с тем важно определить условие, предполагающее, что попадание в категорию требует соответствия проекта приоритетному направлению развития науки, технологий и техники в России и использованию критической технологии из принятого перечня;

в) расширения перечня уполномоченных организаций путем включения институтов развития в интересах использования как накоплен-

²⁸ Аналитический доклад ИСИЭЗ НИУ ВШЭ «Рынок умных денег». 2022. <https://cluster.hse.ru/news/714259515.html> (дата обращения: 25.12.2022).

ного экспертного, так и финансового потенциала (льготные кредиты, займы, субсидии и т. д.);

г) интеграции ГИС «Капиталовложения» и ГИС «Промышленность», что обеспечит получение инвестором в автоматизированном порядке комплементарных инструментов поддержки, например, специальных инвестиционных контрактов, кроме того, уменьшит административные и трансакционные издержки в случае получения комплексной государственной поддержки одного проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости: монография / Е.Б. Ленчук, В.И. Филатов, Г.А. Власкин и др. СПб: Издательство Алетейя, 2016. EDN WIKVSZ.
2. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы: монография / Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкин, В.И. Филатов и др. СПб: Издательство Алетейя, 2022. ISBN 978-5-00165-447-6.
3. *Вдовин И.А.* Проблема привлечения внебюджетных инвестиций в национальные проекты / И.А. Вдовин, Д.Р. Венглинский // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3(36–37). С. 74–86. EDN SOBBWU.
4. *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. ISBN 978-5-6041071-1-9. EDN VQDBYV.
5. *Евстафьева Ю.В.* Опыт применения и совершенствования специального инвестиционного контракта // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 152–167. DOI 10.24411/2073-6487-2019-10038. EDN RZATHW.
6. *Клепач А.Н.* Вопросы и вызовы // Национальный банковский журнал. 2022. № 07–08. С. 16–26.
7. *Князев Ю.* Как повысить инвестиционную активность бизнеса? // Общество и экономика. 2021. № 6. С. 5–20. DOI 10.31857/S020736760015389-6. EDN FFOSOD.
8. *Лисица В.Н.* Соглашение о защите и поощрении капиталовложений как вид публично-частного инвестиционного контракта // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 1. С. 65–72. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-1-65-72. EDN PJUWAY.
9. *Морозов И.В.* Инновационное использование инструментов обеспечения экономической безопасности субъектов экономического хозяйства РФ как элемент экономической политики // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8(162). С. 51–54. DOI 10.24158/тир.2021.8.7. EDN WANPGS.
10. *Симачёв Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г.* Новые контуры промышленной политики // докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, М., 2022 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. ISBN 978-5-7598-2661-3 (в обл.). ISBN 978-5-7598-2473-2 (e-book).
11. *Усоккин С.В.* Соглашения о поощрении и защите капиталовложений и учет их особенностей на этапе структурирования инвестиций в России и за ее пределами // Закон. 2011. № 7. С. 39–45. EDN NUYWEV.

12. *Широв А.А.* Россия: вызовы глобальной трансформации XXI века // Пленарная конференция МАЭФ-2022 «Россия: вызовы глобальной трансформации XXI века». Научный доклад, 16 мая 2022 г.
13. *Шохин А.Н., Скиба А.В.* Анализ эффективности форм ГЧП в рамках взаимодействия бизнеса и власти // Журнал «Бизнес. Общество. Власть». Октябрь 2017. № 1 (26). С. 140–160.

REFERENCES

1. New industrial policy of Russia in increasing the need for technological independence: monograph / E.B. Lenchuk, V.I. Filatov, G.A. Vlaskin [and others]. St.Pb: Aletheya Publishing House, 2016. EDN VIKVSZ. (In Russ.).
2. Structural modernization of the Russian economy: conditions, directions, mechanisms: monograph / E.B. Lenchuk, N.Yu. Akhupkin, V.I. Filatov [and others]. St.Pb: Aletheya Publishing House, 2022. ISBN 978-5-00165-447-6. (In Russ.).
3. *Vdovin I.A.* The problem of attracting off-budget investments in national projects // Business. Society. Power. 2020. No. 2–3 (36–37). Pp. 74–86. EDN SOBBWU. (In Russ.).
4. *Glazyev, S.Yu.* A leap into the future. Russia in new technological and world economic structures. M.: Knizhny Mir, 2018. ISBN 978-5-6041071-1-9. EDN VQDBYV. (In Russ.).
5. *Evstafieva Yu.V.* Experience in the application and improvement of a special investment contract // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 3. 2019. Pp. 152–167. (In Russ.).
6. *Klepach A.N.* Questions and challenges // National Banking Journal. 2022. No. 07–08. Pp. 16–26. (In Russ.).
7. *Knyazev Yu.* How to increase investment activity of business? // Society and economy. 2021. No. 6. Pp. 5–20. DOI 10.31857/S020736760015389-6. EDN FFOFOD. (In Russ.).
8. *Lisitsa V.N.* Agreement on the protection and encouragement of capital investments as a type of public-private investment contract // Legal Science and Practice. 2021. T. 17. No. 1. Pp. 65–72. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-1-65-72. EDN PJUWAY. (In Russ.).
9. *Morozov I.V.* Innovative use of tools for ensuring the economic security of economic entities of the Russian Federation as an element of economic policy // Theory and practice of social development. 2021. No. 8 (162). Pp. 51–54. DOI 10.24158/tipor.2021.8.7. EDN WANPGS. (In Russ.).
10. *Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G.* New contours of industrial policy // dokl. to the XXIII Yasinsk (April) int. scientific conf. on problems of economic and social development, M., 2022 / Nat. research University “Higher School of Economics”, 2022. ISBN 978-5-7598-2661-3 (reg.). ISBN 978-5-7598-2473-2 (e-book). (In Russ.).
11. *Usoskin S.V.* Agreements on the encouragement and protection of capital investments and taking into account their features at the stage of structuring investments in Russia and abroad // Law. 2011. No. 7. Pp. 39–45. EDN NUYWWEV. (In Russ.).
12. *Shirov A.A.* Russia: Challenges of the Global Transformation of the 21st Century // MAEF-2022 Plenary Conference “Russia: Challenges of the Global Transformation of the 21st Century”. Scientific report. May 16, 2022. (In Russ.).
13. *Shokhin A.N., Skiba A.V.* Analysis of the effectiveness of PPP forms in the framework of the interaction between business and government // Journal “Business. Society. Power”. October 2017. No. 1 (26). Pp. 140–160. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 03.02.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Арсентий Борисович – младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
arsentiy_sokolov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Arsenty B. Sokolov – Junior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
arsentiy_sokolov@mail.ru

INVESTMENT PROTECTION AND PROMOTION AGREEMENT AS A TOOL TO SUPPORT THE IMPLEMENTATION OF INVESTMENT PROJECTS

Increasing sanctions pressure on Russia and the need to implement the Presidential Decree on the National Development Goals of the Russian Federation through 2030 (July 21, 2020, No 474) determines the urgency of the search for effective tools encouraging real growth of fixed investment up to at least 25% GDP. One such instrument could be the Investment Protection and Promotion Agreement (IPPA) allowing private business to stabilize the business environment, which is especially important under conditions of growing uncertainty, when predictability becomes the rarest and most demanded resource. The purpose of the study is to analyze a tool designed to stimulate the implementation of investment projects on the territory of Russia – IPPA. The methodology of the study includes comparative, systematic and informative analysis. The main finding is that, despite some limitations, IPPA is a potentially effective tool to support the implementation of private investment projects under conditions of import substitution, helping to restart the investment cycle and attract «long-term» money to the real sector of the national economy.

Keywords: *investment protection and promotion agreement, IPPA, investment projects, non-financial instruments to support investment and innovation.*

JEL: L50, L51, O20, O38, O39.